

Это книга об интернациональной дружбе советских людей, о первой любви, о стойкости и мужестве юношей и девушек, только что начинающих свою трудовую жизнь.

Герои повести «Домбра старого Суюма» участвуют в жестокой борьбе с врагами Советской власти в годы коллективизации. Они впервые осознают радость свободного труда, любви, братства и готовы идти на смерть, защищая свое право на счастье.

Повесть «В родном Каркарали» — о детях времен Великой Отечественной войны. Наравне со взрослыми делят они тяготы военного тыла, делают все, что могут, для того, чтобы ускорить победу над врагом.

Перевод с узбекского С. ВОЛГИНА.

**Издательство
ЦК ЛКСМ Узбекистана
«Ёш гвардия»**

НАСЫР ФАЗЫЛОВ

• П О В Е С Т И

ДОМБРА СТАРОГО СУЮМА

Ф 16

Фазылов Насыр.

Домбра старого Суюма. Повесть. Пер. с узб.
С. Волгина. Т., «Еш гвардия», 1973.
256 с.

Уз2

0-7-6-3-036
Ф-М-356-06-73 76-73

Глава первая

Солнце наполовину уже ушло за горизонт, над землей словно плыла красная тибетейка, но длинные острые лучи еще пронзали редкие облака, озаряли верхушки деревьев и холмов. Густые камыши и разбросанные по берегу высокие скирды дымились, а там, за черной полосой выжженного камыша, зеркально блестело озеро Болтакуль. Каждую весну здесь обычно камыши сжигают, но на месте пожарища снова появляются зеленые стрелки, а к середине лета камыш разрастается так плотно, что сквозь него не проберешься. Видно, так уж

устроена природа: в ней всему есть свое место, свое назначение, даже пепел делает свое дело: уходит в землю, удобряя ее.

А видели вы, как горит камыш: на километр или на два раскидывается красный гребень, густой лохматый дым поднимается в небо, плюшевый пепел разносится далеко окрест и потом черным снегом покрывает землю. От горящего камыша идет гул и треск. Языки пламени на глазах слизывают сплошную стену соломенных метелок.

Наверное, об этом размышлял Аскар, валяясь на траве на берегу озера. Откуда-то издалека донесся глухой одинокий выстрел запоздалого охотника. И словно в насмешку, совсем рядом раздались резкие звуки «фру-фру-у»— это резвились фазаны. Аскар даже приподнял голову, но птиц не увидел: они были очень осторожны.

На озеро Болтакуль Аскар приехал из Яккатута — проверить, целы ли скирды сена, его руками сложенные в прошлом году, если надо, подправить, чтобы не подгнили, набрать сена с собой. С ним вместе приехал племянник хозяина Толбаш. Но помогать он отказался, сказал: «Я схожу к своему другу, привезу айран»,— сел на коня, умчался и пропал. Хорошо бы выпить сейчас айрана, утолить жажду.

Солице садится, а Толбаша все нет. Вдвоем всю работу можно бы закончить сегодня же, а теперь придется ночевать и возиться еще почти целый день. «Где жирно и вкусно — там всегда найдется паразит»,— сердился Аскар. Он поднялся, отряхнул с халата сухую траву, осмотрел лошадей и арбы. Смирных лошадей отвел на лужайку, стреножил, а норовистого серого жеребца привязал к арбе, бросил ему охапку сена. Жеребец схватил зубами клочок сена и начал с хрустом жевать, косясь выпуклым злым глазом и фыркая.

Аскар почувствовал голод. Он решил пойти в ближайшую юрту к чабанам попить айран, да и лепешка лежала в бельбеге, которым был перепоясан его потрепанный ситцевый халат. Аскар пошел по черной полосе сожженного камыша. Недогоревшие острые комельки камышинок с треском ломались под его мукки — сапогами из засохшей сыромятной кожи. Мукки хорошо предохраняют от проколов.

Аскар посматривал по сторонам. В таких местах, где только что прошел огонь, бывает, остается хромой заяц, фазан с подбитыми крыльями или же изжаренный перепел. Неплохо бы полакомиться такой дичью.

То здесь, то там еще дымились кривые сучки дикой джиды и тамариска, от сырой земли с дымком и запахом гари поднимался едкий, удушливый пар. Аскар уже повернул в сторону поля, к чистому травянистому месту, когда услышал чей-то крик. Парень остановился, прислушался. Крик повторился с той же стороны, где еще стеной стоял камыш и низко стлался дым. Кто-то звал на помощь.

Приблизительно определив направление, Аскар бросился в чащу. Камыш тлел, но при малейшем ветерке мог вспыхнуть, и тогда буря огня охватит огромную площадь... Аскар рванулся вперед, раздвигая стебли руками, но вдруг по колено провалился в жижу и быстро отполз назад. Прислушался. Плач ребенка снова послышался немного правее и ближе. Аскар метнулся в ту сторону и попал на тропинку. Пробежав метров пятнадцать, он увидел плачущего мальчика лет двенадцатитринадцати, а рядом корову, ушедшую в воду по самое брюхо. Аскар сразу понял, что случилось: мальчик гнал корову по тропинке с пастбища, корова провалилась, а пастушонку вытащить ее, конечно, не под силу. Он стоял на тропинке, плакал и звал отца.

Подбежав, Аскар потянул корову за рога, но понял, что тут одному человеку не справиться — корова ушла в болото глубоко и держалась только на корневищах.

Мальчик перестал плакать, кулаками вытер глаза, на щеках его появились грязные полосы. Одет он был в рваный не по росту халат.

— Есть кто поблизости?— крикнул Аскар.

— Отец в юрте,— ответил мальчик.

— Далеко?

— Нет.

— Беги быстрее, зови отца,— сказал Аскар и легонько подтолкнул мальчика.— За коровой я присмотрю: Захватите веревку.

Мальчик во весь дух припустился по тропинке.

«Вдвоем вытащим ее быстро»,— подумал Аскар, но, подняв голову, увидел, что на него движутся клубы густого дыма, слышалось знакомое потрескивание. Это значило, что камыш снова разгорается, пламя движется к тропинке и вот-вот охватит камыши вокруг. Тогда уж корову ничем не спасешь.

Аскар побежал по тропинке, но тут же вернулся, заметался вокруг коровы... «Что делать, что делать?» А клубы дыма нависали все ниже, огонь бушевал поблизости. Бросить корову? Но ведь наверняка она кормит всю семью, а семья, видать, бедная...

Оставался один выход. Аскар снял с себя халат накрыл им животное, потом отошел метра на три и сам поджег камыши в четырех местах вокруг коровы. Здесь, в чаще, пока ветра не было, камыш горел спокойно, но корова замычала от страха, пыталась подняться, но только глубже увязала в болоте. Аскар сдвинул халат ей на голову и принялся ногами ломать вокруг камыш, затаптывать огонь.

С наветренной стороны подступило косматое пламя,

треск и шум заглушали мычание. Тогда Аскар сдернул с коровы халат и начал сбивать им пламя, обжигавшее лицо и руки. На его теле занялась рубашка. Он топтал камыш ногами, сбивал пламя до тех пор, пока не увидел перед собой дымящуюся черную полосу. Пламя уходило полукругом в ту сторону, где поблескивало озеро. Всего за одну-две минуты огонь подчистую срезал густые камыши и оставил острые черные пеньки, торчащие, словно вздыбленная щетина. Минут через десять Аскар уже стоял один среди черного обугленного поля, держа в руках дымящийся халат и мрачно уставившись на притихшую корову. В больших глазах ее застыли слезы.

А вокруг еще струился дымок, от болота поднимался пар, и человек, одиноко стоящий на черном обугленном поле, тоже казался черным, обугленным. Таким его увидели издали прибежавшие Суюм-ага и его сыновья Зиябек и Кенджа — малыш, что бегал звать отца. Они стояли с раскрытыми ртами.

«Человек цел, а корова изжарилась... Что же это такое?» было написано на лице старого пастуха. Они медленно и осторожно подвигались к месту происшествия, и были, видно, настолько ошеломлены, что забыли поздороваться.

— Салом алейкум! — хрипло приветствовал новых знакомых Аскар. Суюм-ага оторвал печальный взгляд от коровы, его старческое лицо еще более сморщилось. Собрав в кулак редкую седую бородку, он ответил на приветствие слабым и грустным голосом:

— Ваалейкум ассалом!..

Аскар понял состояние старика, улыбнулся и потянул корову за рога. Она замычала. Суюм-ага сразу ожил, обрадованно бросился к животному, ругая своего младшего сына Кенджу:

— Взгляните на него! Я ему поручил смотреть за

коровой, а он об ашичках думает... Недаром говорят: посылай ребенка по делу, а сам иди следом.

— И не говорите,— подхватил Аскар, помогая просунуть под корову конец веревки,— ребенок делает всегда не так. Только вот своих ошибок мы почему-то не замечаем...

Суюм-ага глянул на незнакомца, понял, что тот защищает ребенка,— видно, любит детей— и ничего не сказал. А Аскар подмигнул Кендже и упрекнул:

— Ты что же, сынок, говорил, тут недалеко, сейчас позову, а сам пропал вон сколько...

— Он же казах...— вдруг пошутил и Суюм-ага.— Один казах сказал: «Вон у того холма», так бедный человек шел туда три дня...

Втроем они быстро вытащили корову. Затем, как ни отказывался Аскар, Суюм-ага повел его к себе в дом.

Дома, собственно, не было. То, что увидел Аскар уже в сумерках, было что-то среднее между юртой и землянкой. Глубокая, в сажень, круглая яма была куполообразно покрыта хворостом, поверх хвороста накинута черная кошма.

Посредине юрты — земляной очаг. Зиябек зажег копилку, жилище осветилось слабым желтым светом. Возле двери висели два чапана, полосатый хурджун, под ними стоял сундучок — каджова, разукрашенный орнаментом, на нем — старая цветастая кошма и ситцевые одеяла. Правее, на сучке, висела домбра, а рядом с ней в сумке несколько книг. Они удивили больше всего Аскара: «Наверное, этот человек мулла. Но разве мулла живет в такой нищете?» Он спросил осторожно:

— Вы, аксакал, не являетесь ли духовным наставником?

Суюм-ага глянул на книги, улыбнулся и, продолжая подкладывать дрова в очаг, ответил:

— Я не обманщик. Одна из этих книг — сочинение почтенного Навои. Недавно я ее выменял на единственную козу. «Бессильный раб любви, страдалец я, ничтожный нищий и скиталец я...»

«Странно, человек имел в своем хозяйстве всего одну козу и ту отдал за книгу!..»

Аскар был неграмотен и не мог понять такой жертвы, хотя и любил слушать песни и стихи. Он рассуждал по-своему: «Раз почтенный Навои не является богом, то его книга — не коран». Для Аскара не существовало книг, кроме корана. Но тут же он спохватился: «А откуда же у пастуха корова?» — Этот вопрос поразил Аскара, и он некоторое время сидел молча. А хозяин как ни в чем не бывало продолжал разговор:

— У нас, казахов, есть пословица: «Чем знать в лицо тысячу человек, лучше ведать имя одного». Скажите дорогой гость, откуда вы приехали и чем занимаетесь?

— Про Яккатут слышали? — в свою очередь спросил Аскар.

— Слышать-то слышал, но там не бывал, — ответил Суюм-ага.

— Я там джуваз гоняю. Аскара-джувазщика все знают.

— Значит, вас зовут Аскарбаем. Очень приятно...

— Да нет, никакой я не бай, сам работаю у бая. Хозяин мой Хайдарбай.

— Какими же судьбами пожаловали к нам?

— На берегу озера есть скирды моего хозяина. Сами знаете, сейчас время камышовых пожаров. Вот я и приехал проверить, цело ли сено, а заодно захватить на корм для скота.

— Мы тоже пасем скот Ярлыкапбая: мой старший сын Зиябек и младший — Кенджа.

— А жена ваша где?

Суюм-ага вздохнул.

— Если бы она была... Ушла от нас навсегда. А сегодня я занялся стиркой, и чуть было не произошло несчастье...

Аскару стало не по себе, своим вопросом, он, видно, причинил пастуху боль и, не зная, как загладить свою вину, шепотом прочел молитву, провел ладонями по лицу.

Ребята сидели молча, им тоже было не по себе. Зиябек исподтишка поглядывал на гостя.

Суюм-ага принялся наливать в деревянные миски пшеничный суп, одну миску на двоих — больше посуды не было. А гость достал из бельбага две кукурузные лепешки и стал разламывать их на маленькие куски. Не успели они приступить к еде, как снаружи послышался сначала конский топот, а потом крик:

— Эй! Кто тут есть?!

— Пожаловал Ярлыкап... Избави бог от его гнева! — проговорил, побледнев, Суюм-ага. Он медленно поднялся и вышел из юрты. За ним пошел и Аскар.

Около юрты стояли два всадника. Одного из них Суюм-ага узнал сразу по огромному малахаю. Это был Ярлыкап — хозяин, а другого в сумерках не мог разглядеть.

— Слушаю, хозяин, — сказал он, кланяясь.

— Что случилось? Спокойно ли у вас? — спросил второй всадник.

— А, это вы... — растерянно промолвил Суюм-ага, узнав по голосу второго всадника. Это был Садиваккас — управляющий фермой. — Все в порядке, хозяин. Ничего не произошло.

— Говорят, у тебя корова изжарилась?

— Нет, хозяин... Вот она, корова, целехонька. Толь-

ко чуточку хвост и кончики ушей...— стал оправдываться Суюм-ага, а про себя подумал: «Кто же так быстро донес?..»

— Если не можешь ухаживать за коровой, зачем же ее просил?— тихо, сквозь зубы процедил Садиваккас, а это значило, что он был не в духе.— Ярлыкап, развязывай корову!— скомандовал он уже громко и решительно.

— Пожалейте сирот, хозяин... Пусть аллах сохранит здоровье вашим детям...

Суюм-ага схватился за повод коня Садиваккаса.

— Отпусти, неблагодарный!— прошипел всадник и ногой оттолкнул пастуха.

Аскар много раз встречался с Садиваккасом в доме своего хозяина Хайдарбая, но там этот строптивый человек так не командовал, ходил полусогнувшись, разговаривал с отцом угодливо. Недолго думая, Аскар подошел к Ярлыкапу, уже пытавшемуся отвязать корову, и схватил за руку.

— Это еще кто?!— закричал Ярлыкап.

— Я — Аскар,— сказал джувазщик, еще сильнее сжимая руку бая. Садиваккас свесился с седла, пригляделся.

— Салом алейкум,— поздоровался Аскар.

Узнав джувазщика, Садиваккас удивился:

— Йе! Какими судьбами вы попали сюда?

— Хозяин послал подправить скирды,— ответил Аскар, продолжая сжимать руку Ярлыкапа.

— Здоров ли отец?

— Слава аллаху...

Слушая этот разговор и морщась от боли, Ярлыкап перестал отвязывать корову и выпустил из рук веревку. Аскар тут же разжал пальцы и, словно ничего не случилось, неожиданно сказал:

— Хозяин этой юрты — мой друг. На первый раз можно его простить, хозяин... Прошу вас.

Суюм-ага удивленно смотрел на своего гостя, которого он раньше и в глаза не видел.

— Корове нужен хороший уход, — сказал уже менее раздраженно Садиваккас, начиная сдаваться.

— Да, да. Суюм-ага будет хорошо за ней присматривать.

— Ну, ладно. Посмотрим! Только ради Хайдарбая прощаем. До свидания! Поехали, Ярлыкапбай! — крикнул он и пришпорил коня. Ярлыкап прыгнул в седло и припустился галопом вслед, не сказав ни слова на прощание. Через несколько секунд они пропали во тьме.

Аскар и Суюм-ага некоторое время молча смотрели в ту сторону, в которую ускакали всадники. Стало совсем тихо, вокруг ни шороха, ни огонька, даже звезды над степью застыли.

— Если бы все бай вот так пропали во тьме... — проговорил со вздохом Суюм-ага.

Аскар ничего не сказал, лишь усмехнулся, услышав разговор мальчишек.

— Ух, какой смелый гость!.. — восхищенно прошептал Кенджа.

— И сильный, — добавил Зиябек.

Казалось, в семье Суюма опять установилось спокойствие и благополучие. Но кто же не знает, что в семье бедняка оно недолговечно.

Глава вторая

Ранняя весна.

Апрельская степь, словно девушка, зардевшаяся румянцем: по синему небу, как по степи отары, медленно движутся пушистые белоснежные облака. Щебечут пти-

цы... Вокруг пасущихся отар на взгорьях прыгают ягнята, вблизи табунов резвятся шустрые жеребята, их звонкое ржанье разносится далеко окрест.

Высоко в небе парит степной орел. Словно два черных меча рассекают воздух распластанные могучие крылья. Хищник осматривает степь, выскивает добычу. Сложив на груди лапки, словно воспитанники медресе, у дороги сидят два сурка. Заметив, орла, они ныряют в нору.

Только одинокий жаворонок, серенькой пушинкой повисший над дорогой, не замечал орла, радовался зеленому простору, синему небу и пел свою веселую и нежную весеннюю песню.

Но все это не радовало трех путников, идущих по проселочной дороге, прибитой вчерашним дождем. Они устало шагали, угрюмо глядя в землю. В середине шел человек лет сорока пяти—пятидесяти, одетый в вылинявший черный чапан, на голове его была потертая каракулевая шапка-ушанка, в руке он нес домбру. Рядом шагали мальчики, его сыновья. Младший крепко держался за руку отца и все время крутил головой — его все интересовало: и отары, и орел, и поющий жаворонок. Он непрерывно задавал вопросы, но отец не отвечал, хмурил косматые брови, только иногда досадливо приговаривал: «Да не тяни ты, шагай быстрее!» или «Перестань болтать!».

Старший сын тоже шел молча, с грустью посматривая по сторонам. Он нес на плечах большой хурджун — все достояние семьи — и, видимо, уже порядком притомился, пот стекал по его смуглому лицу.

Путники дошли до развилки дорог и остановились. Суюм-ага огляделся.

— Теперь куда пойдём, отец? — спросил с тревогой Кенджа.

— Я же тебе сказал: помолчи,— невесело откликнулся Суюм-ага и направился к старику, пахавшему поле омачом недалеко от дороги.

— Салом алейкум!— поздоровался он.

— Ваалейкум ассалом!— остановив лошадь, প্রশামкал беззубым ртом старик.

— Помогите вам аллах получить обильный урожай...

— И твоя жизнь пусть будет обильной.

— Это чьи земли, отец?

— Чьи же еще? У нас земли — колхозные!— ответил старик и принялся объяснять, показывая рукой.— Начиная вон от того тутовника и до крайнего омачиста земля принадлежит колхозу имени Ленина, братец. Наш колхоз крупными делами ворочает. А сам ты далеко ли путь держишь, братец?

Наверное, у старика никогда не было своей земли, а теперь он пахал ее вместе с другими бедняками и был так рад, что не заметил состояния путника. Ответ старика озадачил чабана, он даже на вопрос не ответил, хотя это полагалось по традиции. Он помолчал немного, потом спросил, пожалуй, даже слишком прямо:

— Какая дорога ведет в Яккатут?

— Не могу сказать, братец. Я тоже, как и ты, в колхоз пришел недавно,— радостно щурясь, говорил старик, принимая путника за просителя, который хочет вступить в колхоз.— Видишь вон того человека, идущего в нашу сторону? Он учетчик бригады, и он наш Ячейка. Обратись к нему, братец, он знает что к чему, все растолкует...

Старик подал знак мальчику, который держал под уздцы лошадь, и ухватился за омач. Острый лемех врезался в податливую почву, темная, рассыпчатая земля потрескивала, отваливаясь.

К путникам подошел парень лет двадцати.

— Салом алейкум!— поздоровался он.

— Ваалейкум ассалом!— ответил Суюм-ага, с удивлением разглядывая Ячейку. На мальчишеском пухлощекоем лице его росли узенькие усики, на голове парня была кожаная кепка с пуговкой наверху, а брюки-галифе придавали ему весьма серьезный и деловой вид. Он потопал сапогами, обивая прилипшую глину, и солидно, баском спросил:

— Далеко ли путь держите, уважаемые?

— Хотим в Яккатут попасть, да вот дороги не знаем,— печально признался Суюм-ага.

— В Яккатут, говорите?— почему-то приподняв удивленно брови и даже немного отступив, переспросил парень.— К кому же вы там направляетесь?

— Есть там один друг...— уклончиво ответил Суюм-ага, отводя глаза в сторону.

— Значит, в Яккатут...— повторил раздумчиво парень и некоторое время внимательно рассматривал мужчину и двух ребят. Они на него тоже смотрели изучающе. Особенно старший.— Теперь это место наши люди не Яккатутом зовут, а Яккамаховом,— вдруг с улыбкой сообщил парень и подождал, наблюдая, какую реакцию вызовут слова у путника. А удивляться было чему. Яккатут означало одинокий тутовник, а Яккамахов — одинокий прокаженный.

И, конечно, Суюм-ага заинтересованно спросил:

— Почему?

— Потому что яккатутовцы сначала, как все догадливые люди, вступили в колхоз, а потом поддались на провокации кулаков и разбрелись. И лошадей своих сбруей забрали. Словом: отделились от людей, как прокаженные. Но мы их не умоляем— скоро сами поймут что к чему. Уже шесть семей вернулись в колхоз.— Рассказывая, парень энергично жестикулировал, и ребята

смотрели на него с нескрываемым интересом, и даже Суюм-ага разглядывал с удивлением.— Вот такие дела. А вам надо идти вон по той дороге. Перевалите через бугор, увидите речушку Карсакли. Немного пройдете вдоль речки, перейдете чрез мост, и Яккатут будет перед вами как на ладони. Вон те деревья, верхушки которых вы видите, как раз в Яккатуте.

Ошеломленный многословием парня, Суюм-ага поспешно поблагодарил и пошел в указанном направлении. Кенджа и Зиябек поплелись сзади, часто оглядываясь на парня: видно, очень он им понравился.

Только что вспаханное поле походило на речку, покрытую мелкой рябью, над неровными рядами поднимался легкий прозрачный пар. За пахарями, то взлетая, то подпрыгивая, спешили вороны, подбирали червячков и удовлетворенно каркали. Парень, идущий за омачом, тянул грустную песню, а дехканин, у которого омач застрял в корнях дикого клевера, крутил над головой плеткой и изо всех сил орал на лошадь: «Но!.. Но!..» Чуть правее по полю шел седобородый старик и горстями разбрасывал семена пшеницы, доставая их из полы халата. А еще дальше, подоткнув полы халата за бельбаг, кто-то мерил землю саженькой.

Ребятам-степнякам все это было интересно, и Кенджа теперь уже не держался за руку, а то и дело дергал за рукав старшего брата. Тот, сгорбившись под тяжестью хурджуна, отмахивался, как и отец. А Суюм-ага все шагал, не обращая внимания ни на пахарей, ни на детей. В голове у него все перепуталось: бедняк, колхоз, богач, одинокий прокаженный... Особенно удивили его слова парня Ячейки: «Умолять не станем»... «Что он хотел этим сказать? Значит, кто не хочет вступать в колхоз, его не неволят? Тогда почему Ярлыкап говорил,

что большевики насильно заставляют вступать а колхоз, все имущество делают общим?..»

Ярлыкап!.. Много баев повидал на своем веку Суюм-ага, и всегда у него в мыслях звучали слова Навои:

Насилье выпускают из ворот
И обирают для пиров народ...

Но никогда этих слов он не произносил вслух... Нечто подобное изредка сочинял сам, но никому не рассказывал. А три дня назад он прочитал вслух свои стихи — и вот теперь бредет, как нищий.

Суюм-ага на ходу вынул из-за пазухи записку и прочитал: «Салом, дядя! В пути встретил подателя сего письма и направил к Вам. У него два сына — сироты. Надеюсь, не откажете ему в приюте. Пригодятся. Ваш племянник Джавлян».

Вот эта записка и двигала путников в сторону Яккатута, будто обещала им счастье. И Суюм-ага, и Зиябек, видевший и читавший записку, еще более помрачнели и ускорили шаги, только беззаботный Кенджа по-прежнему вертел головой, то глядел на пахарей, то бежал к воде и рвал цветы, то, дергая за рукав брата, показывал удивительную находку — жука или бабочку. Но старший брат не разделял его восторга, он все понимал и угрюмо молчал, как и отец. И каждый раз, когда Зиябек с хурджуном на плечах подходил к какой-либо калитке, чтобы спросить у хозяев, где живет Хайдарбай, ему казалось, что люди принимают его за бродягу или нищего и хотят подать милостыню.

Братьям-казахам, выросшим на степных просторах, извилистая улица узбекского кишлака казалась слишком узкой, они не видели впереди себя далее, чем на тридцать метров, и поэтому терялись.

Наконец, после многочисленных расспросов, путники

остановились около старенькой калитки. Когда-то уложенный в три слоя глиняный забор сверху разрушился и был настолько неровен, что местами напоминал верблюжьих горбы. Суюм-ага прямо через забор заглянул во двор. Бородатый человек в заплатанных штанах, повязав голову платком и засучив рукава, тесал ось джуваза. Работал он тешой — инструментом, похожим на топорик.

— Не уставать вам, мастер!— крикнул Суюм-ага.

— И вам долго жить,— ответил мастер, но не обернулся, видно, очень торопился закончить работу.

Суюм-ага постоял в нерешительности. Ребята тоже молчали, глядя на отца. Наконец, мастер повернулся к калитке и, положив руки на бедра, устало выпрямился. А Суюм-ага от неожиданности еще больше растерялся — перед ним стоял тот самый Аскар, который осенью выручил его.

— Аскар, родной...— проговорил Суюм-ага в смутении и засеменил к калитке. Пока путники входили во двор, Аскар все еще стоял на месте, не веря своим глазам. Но вот его покрытое сеткой морщин лицо потеплело, в добрых глазах засветилась радость.

Хозяин и гость обнялись, встретились, как давние и хорошие друзья.

— Проходите, проходите в кибитку,— пригласил путников Аскар, похлопав по плечам ребят.— Я вижу, вы устали. Немного отдохните, а затем обо всем поговорим. А ну-ка, дети, не стесняйтесь!..

Гости не заставили себя ждать, гуськом направилась к небольшой веранде.

Если два бедняка поддерживают друг друга — им уже легче жить.

Глава третья

Когда Суюм-ага с детьми появился во дворе джувазчика Аскара, солнце уже село, и теперь не было смысла идти к Хайдарбаю. Поэтому путники остались здесь ночевать.

В сумерках пили чай. Аскар рассказывал о себе, о своей жизни. Со стороны отца он считался каким-то дальним родственником бая, но уже в течение многих лет он гонял джуваз у хозяина, и жизнь его была обычной для бедняка. Правда, у него был свой дом из одной комнаты и передней, двор, с одной стороны огороженный глиняным полуразрушенным забором, с другой — маленькой конюшней и коровником. И то было хорошо, что он жил отдельно от бая — сам хозяин в своем доме.

Двор Аскара был напротив двора Хайдарбая. Если путник останавливался на этом месте улицы, он без труда определял, какой двор принадлежит баю, какой — его работнику. Байские владения раскинулись до самой речки Карсакли — тут был и большой сад, и клеверное поле, и огород. Но речка протекала за двором бая в глубоком овраге и никакой пользы не приносила. Дехкане же пользовались водой маленькой речушки, воды не хватало и из-за нее случались скандалы.

Утро началось с того, что Зиябек вместе с племянником хозяина дома Мусой повели на водопой гнедого мерина с белым пятном на лбу. Лошадь работала на джувазе — ходила по кругу и крутила состав. Парни быстро нашли общий язык, казалось, они давно знакомы.

А Суюм-ага, поднявшись с постели, увидел жену Аскара Малику — женщину лет сорока пяти и подумал: «Рано встает, значит, заботливая».

— Умывайтесь, и идите чай пить, — пригласила Ма-

лика, а увидев выскочившего из-под навеса Кенджу, спросила:— Как тебя зовут, сынок? Кенджа?

— Да,— ответил мальчик и потупился...

— Сынок мой, славненький,— приласкала Малика мальчика, прижала к себе и погладила по голове. Она была женщина чуткая, хорошо понимала, как трудно детям без материнской ласки. Еще раз погладив мальчика по плечам, она сказала:— Вон ту кибитку с большой дверью видишь? Это джувазхана. Там мой племянник Муса. Наверное, и твой брат там же. Беги и позови их чай пить. Ну, беги, мой хороший мальчик...

Кенджа побежал радостно, вприпрыжку, а Суюм-ага с грустью смотрел ему вслед. Потом он вошел в комнату и огляделся. Стены не побелены, около двери ниша, в ней стоит сундук, а на нем — четыре ватных одеяла. На другой стене черные маленькие ниши, в них сделаны полки, на которых аккуратно расставлена чистая посуда. Во двор пробито окно, треснутое стекло заклеено бумагой. У окна висит небольшое старое с темными пятнами зеркало. На полу солома, а сверху обтрепанная кошма.

Хотя убранство комнаты было бедное, но все вещи были расставлены в строгом порядке, каждая на своем месте. «Кажется, хозяйева аккуратные люди,— подумал Суюм-ага удовлетворенно.— И душа у них нараспашку. Домик маленький, а все-таки пустили меня, да еще с двумя сыновьями. Какая же у них семья? Аскар, Малика, племянник... А вон еще девушка,— увидел он во дворе дочь Аскара.— Конечно, это дочь, копия матери...»

Вскоре хозяйева и гости собрались вокруг дастархана.

— Вашу записку я баю передал,— сказал Аскар.— Обещал сам придти сюда, хочет посмотреть на вас. Сейчас он разговаривает с сыном Садиваккасом, который только что пришел из колхоза.

— Садиваккас, говорите?!— испугался Суюм-ага и перестал пить чай.

— Да, тот самый Садиваккас... Помните, который вернул вам корову...

«Как же теперь мне поступить?..— растерялся Суюм-ага.— Неужели этот проклятый байбача¹ опять встанет на пути?..»

Он с беспокойством посмотрел на сыновей и спросил Аскара:

— Как вы думаете, даст ли бай мне какую-нибудь работу?

— Обязательно. Племянник бая знает дело — работы хватает,— ответил Аскар.— Я вот вчера подумал: не отдадите ли вы мне своего Зиябека. Я научил бы его гонять джуваз. Бай требует, чтоб мы работали и по ночам, а нам с Мусой очень тяжело. Нужен третий работник.

— Я не возражаю,— сразу же согласился Суюм-ага.— Вдвоем с Мусой им будет сподручнее и веселее. А ты как думаешь?— обратился он к сыну.

— Мы с Мусой уже договорились. Лишь бы бай разрешил.

— Не успели познакомиться и уже договорились?— удивилась Малика и засмеялась.

Со двора послышался кашель, а затем кто-то позвал:

— Аскарбай!

Аскар вскочил и шепотом сказал гостям:

— Сам бай пришел!— А потом крикнул во двор:— Пожалуйста, заходите, бай-ота!

— К чему приглашать его сюда, сами вышли бы,— тоже шепотом сказала жена.

Аскар покачал головой, но молча направился во

¹ Байбача — сын бая.

двор. За ним вышел и Суюм-ага. Прижав руки к груди, они с поклоном приветствовали бая, рядом с которым стоял Садиваккас и вежливые приветствия принимал на свой счет. Суюм-ага взглянул на него хмуро, и в глазах его можно было ясно прочитать: «И здесь ты, как ворон, на моем пути. Будь ты проклят...»

— Эту записку принесли вы?— приветливо спросил Хайдарбай.

— Да,— коротко ответил Суюм-ага.

— Очень хорошо. Дети у вас есть?

— Два сына.

— Этот один из них?— бай ткнул пальцем в Кенджу, осмотрел его с ног до головы и прибавил:— Настоящий джигит.

Последние слова бая надо было понимать так: этот мальчишка к работе сгодится. Но Суюм-ага все еще-настороженно поглядывал и на бая, и на его сына — кто его знает, что им взбредет в голову. Много повидал чабан на своем веку и научился не всем доверять.

— Записку вам вручили вчера?— вмешался в разговор Садиваккас.

— Да.

— Значит, встретились в пути, когда он ехал к нам,— обернулся Садиваккас к отцу. Потом подержался за ухо, вспомнил что-то и сказал:— Кажется, он мне о чем-то говорил...

Но бай не обратил внимания на намеки сына, он был рад тому, что в такое беспокойное время люди все же идут к нему, и этот человек просит пристанища и работы. Люди признают его за хозяина, благодетеля. Он отмахнулся от сына и сказал мягко:

— Очень хорошо сделали, что пришли ко мне. Ваш поступок одобряю. А работу найдем. Пока же отдыхайте. Мое решение вы узнаете от Аскарбая.

Хайдарбай внимательно оглядел своего дальнего родственника, гостей и важной, степенной походкой направился к воротам. За ним было так же солидно двинулся и Садиваккас, но тут же остановился и уставился на девушку, появившуюся со стороны джувазханы. Девушка вежливо поклонилась.

— Здравствуй, доченька, пошли аллах тебе счастья,— продолжая медленно шагать, ответил на приветствие Хайдарбай.

А Садиваккас все еще стоял и шурился. Он нередко посещал дом Аскара, но, кажется, не видел этой девушки или не обращал на нее внимания и, сейчас удивлялся своей рассеянности: «И такую красавицу я не заметил!».

Отца он догнал за воротами, пошел чуть позади и, улыбаясь, спросил:

— Кто она, эта красавица, мой отец?

Хайдарбай, не оглядываясь, нехотя ответил:— Дочь Аскара, Хури.

Садиваккас хихикнул.

— Нет, мой почтенный, она не Хури, а сказочная красавица-пери.

Хайдарбай приостановился, обернулся и хмуро посмотрел на сына. Но ничего не сказал, пошел дальше. У Садиваккаса же мгновенно сошла с лица улыбка — этот хмурый взгляд отца не предвещал ничего хорошего.

Глава четвертая

Вежливый разговор Хайдарбая и его обещание предоставить работу, дружеское участие Аскара вселили в душу Суюма некоторое успокоение. Он теперь ласково смотрел на сыновей, надеясь, что и их пристроит в большом хозяйстве бая, и они станут работать, и будут у них и лепешки и чай. А бедному чабану много ли надо?

В это утро как-то само собой в голове Суюма слагались песни, да не грустные, как это случалось раньше, а бодрые и, пожалуй, даже веселые:

Мир не без добрых людей,
И нечего вешать носа...

Эти строчки он повторял мысленно в виде припева и чуть заметно улыбался. Потом он познакомился со стариком-конюхом бая Мирзараимом, балагуром, шутником, и настроение у него стало совсем хорошим. Он вынул из сумки томик стихов Навои и принялся читать, отдавшись во власть великого мастера слова.

Как уже было сказано, старший сын Зиябек сразу же подружился с племянником Аскара — Мусой, а Кенджа повстречал на улице сверстников, затеял с ними игру, и им нисколько не мешало в мальчишеских затеях то, что они были узбеки, а Кенджа — казах. Они без переводчика прекрасно понимали друг друга. К вечеру семья чабана уже перезнакомилась с соседями, такими же бедняками, как и Суюм-ага, и все они приняли в нем участие, и особенно жалели ребят, рано лишившихся матери. После ужина Аскар и Суюм-ага отправились в конюшню к старику Мирзараиму посудачить, посоветоваться, а чабан захватил с собой и домбру, с которой вечерами никогда не расставался.

Кишлак уже затих — ни говора на улицах, ни скрипа колес. И тишина, и россыпь серебряных звезд на бездонном небе, и чуть слышные шорохи птиц и зверушек — все напоминало ночную успокоенную степь, беспредельные просторы пастбищ. Суюм-ага возле конюшни даже приостановился, глянул на небо и прислушался к тишине, как это было там, в степи, когда он подходил к своей старенькой юрте, останавливался и слушал шелест травы и добродушные вздохи овец.

В яслях стояли четыре лошади и два вола. Лошади фыркали, тяжело переступали с ноги на ногу, и подковы глухо стучали по деревянному полу. В конюшне было темно.

— Мирзараим-ата, вы здесь?— спросил Аскар.

— Здесь я, здесь,— отозвался старик.— У меня еще не выросли крылья, чтобы улететь,— пошутил он.

Осторожно ступая в темноте, Аскар и Суюм-ага направились в ту сторону, откуда доносился голос конюха. Но вот вспыхнул фонарь, и тусклый красноватый луч осветил бородку и морщинистое лицо старика. Лошади повернули головы на свет и перестали жевать. Волы же, сунув морды в кормушки, только помахиwali хвостами.

— Проходите туда, наверх,— пригласил Мирзараим, подняв над головой фонарь.— Как раз я корм задал, кажется, со всеми делами управился.

Мужчины поднялись на возвышение. На доски была набросана солома, а поверх нее постлан старенький палас. У стены лежали курпача — узкое ватное одеяло, которое служит подстилкой или матрацем, два старых одеяла и латаный чапан. Мирзараим повесил фонарь на гвоздь и улыбнулся.

— Добро пожаловать в мою мехмонхану.— Он расстелил курпачу и широким жестом пригласил гостей садиться.

Пошутили, посмеялись над своей бедностью: «Вешает нос тот, кто жизнь не любит»,— говорил Мирзараим, поглаживая свою острую бородку и щуря веселые глаза. Старик так и излучал бодрость, рядом с ним и тусклый фонарь, казалось, горел ярче, и беды отодвинулись куда-то в сторону. Суюм-ага во все глаза смотрел на старика, и ему очень захотелось сейчас же, здесь, сложить стихи о хорошем и веселом бедняке, вроде Афана-

ди, но почему-то строчки разъезжались, слова разбредались, не хотели вставать в необходимый ряд.

— А наш гость пожаловал к нам, оказывается, помогать,— сказал Аскар, подстраиваясь под шустрый тон старика.

— Если к Хайдарбаю десять таких помощников придут, все равно будет мало.

— А я уже у десятерых баев работал, а все свое имущество уношу на своих плечах,— сказал Суюм-ага невесело. Потом рассказал о том, что с ним произошло за последнее время. Бай Ярлыкап, у которого он пас скот, немного косит на один глаз, а сын его чуть прихрамывает на одну ногу. Как-то пришли к Суюму друзья-шутники и попросили сочинить песню о кривом и хромом баях. Чабан тут же, на ходу, песенку сочинил, друзья ее послушали и ушли. Песенка эта была небольшая, но едкая:

Есть у нас два друга: один хромой, другой косой.
Если один скосится в одну сторону, то другой — в другую...
И никак они не могут посмотреть друг на друга,
Зато бедняков обдирают дружно и в ногу.

Пошла эта песенка гулять по людям, долетела она, понятно, и до слуха Ярлыкапа. Бай взбеленился, а, узнав, что сочинил песню Суюм, прогнал его.

— Вот так я и очутился здесь,— вздохнув, закончил Суюм-ага.

— И хорошо сделали,— заметил Мирзараим. Он помолчал, бросил под язык щепоть насвая и как-то осторожно взглянул на Аскара.— А мы вот сидим тут каждый вечер и толкуем: идти в колхоз или не надо. Эх, сложная жизнь настала!..

— Мы ведь бывали в колхозе,— заговорил до сих пор молчавший Аскар.— Теперь вот смотрим на тот бе-

рег Карсакли и завидуем: там люди колхоза Ленина свою землю пашут, веселые, дружные. А наш поступок просто не к лицу мужчинам. Правильно я говорю, Мирзараим-ота?

— Почему это не к лицу мужчинам?

— А разве хорошо, когда нас называют одинокими прокаженными?

— А по-твоему, хорошо, когда все общее: имущество, жены и дети? Мне-то что! У меня ни кола, ни двора, ни жены, ни детей. Один-одинешенек, и умру, наверное, бобылем. А ты?

Аскар хотел что-то ответить, но его позвали к хозяйну. Он ушел. Потирая больную поясницу, Мирзараим пошел еще задать корму скоту, и Суюм-ага остался на настиле один. Он взял домбру и провел пальцами по струнам. Здесь, на конюшне, грустно и странно зазвучала домбра, словно где-то в подземелье рождались жалобные звуки: они не метались, не звенели, а плавали в темноте медленно, и хотя были слабые, но бередили душу, сжимали сердце. Лошади перестали фыркать, будто на них тоже действовала мелодия, воли перестали жевать, стояли, опустив головы, тяжело дыша.

Суюм-ага слагал песню на ходу. Перед его глазами расстилалась, родная, беспредельная степь: вот она весенняя, вся в красных маках, горит, колышется, скачут по ней жеребята, в отарах ягнята резвятся — весело, радостно; а вот она выжженная, пожелтевшая, застыли сухие загривки холмов, замерли птицы, попрятались зверьки, и только сухой колючий ветер гуляет на просторе, поет свою заунывную, безрадостную песню о горькой доле бедняка...

И плачет домбра, тоскует в руках чабана...

Вернулся Мирзараим, сел и сказал:

— Был у меня друг в Фергане, хорошо играл на домбре...

— А сейчас он где?

— И семья у меня была...— продолжал глухо конюх, не отвечая на вопрос, думая о далеком и страшном событии. Помедлив и вздохнув, он тихо добавил, отвечая на вопрос:— Басмачи растерзали... и друга, и жену, и детей...

Суюм-ага прижал струны ладонью, боясь пошевелиться. Он всем рассказывает о своем горе, жалуется, а у людей горя, оказывается, куда больше, и они таят его, не просят сочувствия, не канючат, не плачут. И этот старик еще находит в себе силы шутить, ласково привечать людей, слушать музыку и песни, хвалить музыкантов — сколько же надо иметь в сердце любви к людям, щедрости в своей душе!

— Мирзараим!— заорал кто-то у входа в конюшню. Конюх мигом соскочил с настила.

— Сейчас, сейчас,— забормотал он, торопясь к выходу.

— Держите!— в конюшню вошел, покачиваясь, человек в белых штанах. Он вел на поводу лошадь. Конец повода он отдал конюху и приказал:— Накормите хорошо. Ясно?

— Ясно, сынок, ясно.

— Корму побольше. Нечего жалеть — наше!

— Не пожалею, сынок, не пожалею...— согласился Мирзараим, снимая с лошади седло.

— Бай мне родной дядя. Понятно?— куражился племянник, прислонившись к стене и размахивая руками. Язык у него поворачивался плохо, и некоторые слова он проглатывал.

— Знаю, сынок, знаю...

— Должен знать!— молодой человек ударил себя

кулаком в грудь, отклонился от стены, покачался и пошел из конюшни, еле волоча ноги, что-то бормоча и отплевываясь.

Мирзараим привязал коня, задал сена и вернулся на настил.

— Кто этот грубиян?— спросил Суюм-ага.

— Племянник бая Толбаш, будь он неладен,— ответил конюх.— Каждый божий день пьяный. Где гулянье, козлодранье — он там. Да и что можно ожидать от человека, избившего своего отца!?

— Он избил отца?

— Я сам видел. Люди хотели вмешаться, но старик заплакал и сказал: «Не трогайте его, пусть бьет, пока не надоест. Я тоже избил когда-то своего отца, и теперь аллах меня наказывает...» Ну, а сын рад стараться. Вот таков еще один мой хозяин...

И опять в голосе конюха не было ни жалобы, ни тоски, скорее чувствовалась насмешка, вот, мол, кому я должен подчиняться, кто мной командует.

Пришли Муса и Зиябек, ведя в поводу лошадь с белым пятном на лбу. Они завели коня в ясли и поднялись на помост. Муса часто оставался ночевать в конюшне, у них с конюхом установились дружеские отношения. Мирзараим даже знал душевные дела парня, знал о его неравнодушии к Хури и нередко по этому поводу подтрунивал. Но паренек не обижался, наоборот, ему хотелось подольше поговорить о девушке, о ее вкусах и привычках, о скромности и мягкости характера. Вот и сейчас Мирзараим не преминул подшутить, хотя Толбаш и испортил ему настроение:

— Ну, как твои дела, влюбленный?

Муса покраснел. Присутствие Зиябека его не особенно смущало — все равно рано или поздно узнает,— а перед его отцом было как-то неловко. А старик, поглаживая

бородку, словно не замечал смущения парня, хитро прищурившись, начал рассказывать:

— Он страсть как влюбился в девушку, да и она души в нем не чаёт. А что нам, старикам, остается делать? Пожелать им счастья...

Суюм-ага улыбнулся одними глазами — понял, что старик шутит, и ласково сказал:

— Это хорошо. Взаимная любовь — общее счастье. — Он взял домбру, откинулся к стене и некоторое время глядел вверх, в темноту, видимо, что-то вспоминая или подбирая необходимую сейчас песню. По струнам он ударил не сильно, отчего инструмент зазвучал нежно, и запел негромко:

То, что называют розой — не девушка ли?
Но если девушка — роза, то парень — не соловей ли?
Зачем же прилетает соловей к розе — не ясно ли?
А роза ведь привлекает соловья — не так ли?

Суюм-ага пел, полуопустив веки, а Муса и Зиябек не спускали с него глаз, и на их лицах отражалась печаль, если в песне говорилось о разлуке любимых, светилась радость, если влюбленные могли встретиться и хотя бы поговорить, Фонарь еле-еле светил, вокруг густела черно-бурая темь, и за конюшней, и в конюшне вздыхала сонная тишина, и тихий голос Суюма-чабана, казалось, не улетал дальше настила, затухал здесь же, около притихших слушателей. Чабан вспоминал свои юные годы, конюх тоже ушел в воспоминания, но его молодость уже была где-то далеко-далеко...

За стеной ночь была мрачная, небо заволокло грозными тучами, где-то глухо ворчал гром, на горизонте рассекала небо молния, вокруг все живое затихло перед ливнем или бурей...

Глава пятая

Похожая на тувельку глиняная коптилка стояла в нише, ватный фитилек, опущенный в хлопковое масло, горел слабо, иногда вспыхивая, иногда замирая, его желтый свет еле достигал стен джувазханы, и от того, что стены были неровные и тени перемежались, казалось, что стены покрыты орнаментом. С потолка свисал камыш. Вместо окна в стену вмазан кусок треснутого стекла, на нем — толстый слой пыли. На полу по углам стояли мешки с семенами кунжута и бидоны с маслом, аккуратно были сложены куски жмыха. В одном углу джувазханы лежал большой камень, на него были брошены самодельный хомут, плетка, недоуздок. Воздух в помещении был густо пропитан запахами жмыха, плесени, горелого масла, конского пота, а сейчас еще невидимая в полумраке лезла в нос копоть.

Муса разбросал по глиняному полу солому, на которой он спал каждую ночь, постелил на нее курпачу, вместо подушки положил мешок с семенами, застелив своей промасленной курткой, и сказал чуть насмешливо:

— Постель готова. Прикажете тушить коптилку?

— Давай,— согласился Зиябек и спросил:— А нельзя ли немного приоткрыть дверь, Мусаджан? Очень душно.

Муса встал, открыл дверь. Со двора хлынул терпкий, прохладный воздух, и дышать стало немного легче. Парни притихли, но не спали: Зиябек потому, что на новом месте всегда спится плохо, а Муса вспомнил песню, пропетую Суюмом и растревожившую его, потихоньку вздыхал. Не то он мучился, не то радовался оттого, что ему приглянулась хорошая девушка. А песня про соловья и розу все не выходила из головы, и, наконец, он не выдержал и спросил Зиябека:

— Твой отец в самом деле поэт?

— Да вроде. Иногда песни слагает, часто играет на домбре, бывает, исполняет и сказания,— ответил Зиябек.

— А какие сказания он знает?

— Про Алпамыша, Кыз-Жибек, еще про Тахира и Зухру.

— Про Тахира и Зухру я тоже слышал от одной старухи из нашего кишлака. Много и сам запомнил... А твой отец спел хорошую песню...— вдруг сказал Муса и почувствовал, что краснеет в темноте.

— Мне тоже понравилась,— помолчав немного, просто сказал Зиябек и неожиданно добавил с грустью:— Но только вот мы из-за этих песен скитаемся. Лучше уж не сочинять их. Я слышал: раньше поэтам жилось плохо, да и сейчас не сладко им... Если они не хотят стоять на коленях, конечно...

Муса ничего не знал об этом и беседу не поддержал. Заложив руки под голову, он лежал вверх лицом, смотрел на камышовый потолок и перебирал в памяти события своей тоже не особенно веселой жизни.

Родился он в кишлаке Кориз, братишек и сестренок у него было много, и жили они — беднее некуда. Муса частенько навещался к дяде Аскару,— благо жил он недалеко, — иногда помогал по хозяйству, а однажды он почувствовал, что ему хочется сходить к дяде без всякой причины, и когда понял, почему появилось такое желание, вдруг засмутился перед самим собой. Но дочка дяди, Хури, теперь уже словно всюду сопровождала его: работал ли он в поле, лежал ли во дворе на айване, он видел девушку, ее веселые, черные, немного озорные глаза, тонкие пальцы, длинные смоляные косички. И если раньше, приходя к дяде, он над ней всегда подшучивал, то теперь почему-то поглядывал тайком и скорее отворачивался, чтобы никто не заметил.

Однажды Муса услышал, как, посоветовавшись меж-

ду собой, мать с отцом решили отправить его к какому-то баю в работники; бай жил от кишлака в сотне километров, и оттуда домой парень мог бы приезжать лишь один раз в год. Целую неделю ждали родители ответа от этого бая, а Муса эту неделю не находил себе места, искал выхода, но не видел его. Да что мог сделать парень в семнадцать лет! Слышал он, что где-то есть молодежная организация, называется комсомолом, якобы она помогает устраиваться на работу или на учебу, но такой организации в кишлаке не было. Так бы и уехал Муса к тому далекому баю, если бы однажды не заглянул к ним в дом дядя Аскар. После приветствий, вопросов и пожеланий он вдруг сказал: «Без помощника я остался. Пришлите ко мне Мусу. Он и мне поможет, и вам облегчение. А с Хайдарбаем я уже договорился».

Так Муса очутился в джувазхане вместе с дядей Аскаром.

Теперь на сердце у него всегда было радостно — ведь он каждый день мог видеть Хури, улыбаться ей, ловить ее взгляды и слышать ее мелодичный голосок, и хотя разговаривать он с ней не мог, все приготовленные слова пропадали начисто, им уже было достаточно взглянуть друг на друга, и они все понимали, о чем хотели сказать.

А однажды Муса застал девушку одну — она крутила ручную мельницу, — парень присел на корточки рядом, они посмотрели друг на друга и отвернулись, будто рассердились. «Какой же я недотепа», — обругал себя мысленно Муса и, набравшись храбрости, проговорил:

— Хурихон!.. — но кажется, своего голоса он не услышал, так тихо произнес он имя девушки, а она, удивившись, подняла на него изумленные глаза.

— Вы что, Муса? — спросила она.

Теперь Муса окончательно рассердился на себя за беспомощность и растерянность. Придав лицу насмешливое выражение, он хитро спросил:

— А если я рассыплю вашу муку, что мне будет?

Девушка сказала тоже с вызовом:

— Попробуйте. Сами в муке будете.

И она засмеялась. Захохотал и Муса. После этого случая между ними, казалось, восстановились прежние отношения, но только парень теперь шутил более осторожно, все время боялся нечаянно обидеть девушку.

Как-то Муса лежал на айване, отдыхал, смотрел на небо, на косматый карагач, что прикрыл своей кроной почти четверть двора, на двух голубков, воркующих на ветке, и неожиданно сочинил и вслух пропел озорную песенку из коротеньких двух строчек.

Сам я лежу на веранде, ой-ой,
А сердце мое с тобой, ой-ой!..

Хури сидела в комнате, но услышав песню Мусы, выглянула в окошко, засмеялась и показала язык. «Сумасшедший»,— тихо сказала она и закрыла окно. А Муса, как ни силился, как ни старался, больше не смог придумать ни строчки, и повторял все те же слова, теперь уже мысленно, боясь, как бы Хури совсем не рассердилась.

И сейчас, лежа на соломе в джувазхане, рядом с Зиябеком, Муса вспомнил все это, повторил про себя песню, пропетую Суюмом, и сердце его зашлось от радости. Он никак не мог заснуть, ворочался с боку на бок, вздыхал не оттого, что ему было тяжело, а оттого, что не избалован был счастливыми днями, и сказанные Мирзараймом хорошие слова, и песня чабана так обласкали его, что захотелось свершить что-нибудь героическое, такое сделать людям, чтобы о нем все заговорили, чтобы называли его настоящим человеком.

— Она тебя тоже любит?— неожиданно спросил Зиябек.

Муса даже перестал дышать. Неужели Зиябек догадался, о чем он думал, не может быть, чтобы Зиябек понял все, что сейчас творится у него в сердце, какие мысли его беспокоят. Нет такого человека, который бы мог заглянуть в душу другого человека. Но что же ответить на вопрос? Муса и сам не знает, что думает о нем девушка — то, что она приветлива, смеется и шутит, еще ни о чем не говорит.

— Не знаю,— ответил Муса со вздохом.

— А мама ее как относится к тебе?— не отставал Зиябек.

Говоря по правде, Мусу не очень-то интересовало, что по этому поводу думают родители девушки. Когда дядя Аскар бывал в хорошем настроении, он называл племянника сыном, а тетя обычно говорила дочери: «Вон твой брат Муса», а ему—«Вон твоя сестренка». Но подобное обращение опять-таки было неопределенным. А все намеки Мирзараима были только шутками — старики любят подразнить ребят, такая уж у них натура. И Муса теперь чуть насмешливо ответил товарищу:

— И об этом ничего не знаю...

— А дядя...

Зиябек не успел задать следующий вопрос: дверь со скрипом распахнулась и ударилась о стену. На пороге выросла темная фигура. Некоторое время она покачивалась и молчала, словно пыталась что-то разглядеть в кромешной темноте, но не могла ничего увидеть и боялась переступить порог. Муса и Зиябек, встревоженные неожиданным появлением кого-то, поднялись и сели. Зиябек вздрагивал — он не понимал, что происходит, и боялся. Муса же сидел спокойно, но молчал, не спрашивал, кто пришел.

— Эй, джувазщик!— наконец прохрипела фигура и, чтобы не упасть, одной рукой схватилась за косяк.

— Я здесь,— спокойно ответил Муса.

Фигура опять помолчала, покачалась.

— А, малыш... Ты знаешь, кто я?!— грозно и уже без хрипа спросила фигура.

— Знаю,— опять невозмутимо ответил Муса.— Вы Толбаш — племянник Хайдарбая,— и потише, чтобы услышал только Зиябек, добавил:— бездельник и пьяница.

— Верно... И поэтому я тебя могу скрутить в бараний рог. Понятно?

— Больше чем нужно.

— Как ты сказал?

— Я все понял до того, как вы родились, Толбашбай.

— Как?!— загремел было Толбаш, но вдруг расхохотался, он смеялся взхлеб, перегибался, прислонился к косяку, всхлипывал, хватался за живот; все это Зиябеку казалось настолько диким, что он отодвинулся подальше от порога к стене. А Муса был невозмутим.

За дверью была серая ночь, и на фоне этого серого проема черная фигура, качающаяся и хохочущая, казалась зловещей. Где-то завывала собака, и ее завывание слилось со смехом Толбаша, тоже лающим, неестественным и поэтому еще более жутким.

Смех прекратился сразу. Толбаш сделал шаг вперед, держась одной рукой за косяк. Муса вскочил. Но племянник бая, видимо, не решился пойти в темноту, покачался и отпрянул назад, за дверь. Что-то пробормотав, он пропал в темноте.

Парни снова улеглись на солому и молчали. Зиябек с грустью представил себе будущую работу и жизнь в этом доме. Но он понимал, что деваться им некуда, придется терпеть.

Не менее грустными были и мысли Мусы. Появление пьяного Толбаша напомнило ему о том, что и Садиваккас, и второй сын бая Дандирасул, и Толбаш не раз, завидев Хури, жадно впивались в нее глазами, от них всего можно было ожидать, всякой гадости.

А что может сделать бедный парень?..

Глава шестая

В последние дни Хайдарбай ходил сам не свой. Наступило беспокойное время. Работающие у него яккатуцы начали с ним пререкаться, выставлять какие-то свои права, не признавали его авторитета, и вообще люди стали терять почтение, не боялись его, Хайдарбая, как прежде. Четыре месяца тому назад они все до единого подали заявление о вступлении в колхоз, тогда ему с трудом удалось уговорить большинство взять заявления обратно, но недавно шесть яккатуцев снова подали заявления. И теперь уже бай не может им ни приказать, ни крикнуть не только на односельчанина, но и на своего батрака. До каких же пор можно терпеть такой позор?

Но хитер был Хайдарбай. Когда вся земля на том берегу Карсакли, доставшаяся ему по наследству, была передана колхозу имени Ленина, Хайдарбай, как скорпион, готов был убить себя собственным ядом, но виду не подал.

«Кто же землю уносит на тот свет? Земля принадлежит всем. Мне достаточно и той, которая лежит на этом берегу Карсакли»,— говорил он людям, с которыми встречался. И кое-кто ему верил. Для большой убедительности он пристроил в колхозе и своего старшего сына Садиваккаса.

А после разговора с Аскарком и чабаном Суюмом и обещания пристроить чабана и его детей он вышел со двора с Садиваккасом хмурый и озабоченный совсем по другой причине.

К дому своему они пошли садом. Погода была ясная. На густой траве, на листьях фруктовых деревьев разноцветным бисером сверкала роса, от земли поднимался пар, и деревья сквозь его кисею выглядели нарядно, почти фантастично. А ветви ив, покрытые желтым цветом, чуть покачивались, словно золотые косички девушек. Трепещут мелкие и липкие листочки абрикосов, трепещут крылышки птичек, перелетающих с ветки на ветку... Одним словом, весна уже шла по земле в своем ярком бархатном платье.

Хайдарбай огляделся вокруг, глянул на Садиваккаса и усмехнулся.

— Вот что я тебе скажу: эту Хури я хочу взять к себе невесткой.

Садиваккас обомлел, но не даром он был сыном Хайдарбая, умел сдерживать, когда надо, свои чувства. Ему не терпелось сказать: «Неужели брат-заика пара этой красавице?»— однако он ничего не сказал и не подал виду, что удивляется.

— Такая родня небесполезна,— после непродолжительного молчания начал пояснять Хайдарбай.— Знаю, люди могут сказать: «Хайдарбай испугался большого калыма и взял невестку из бедной семьи». Только сейчас не такое время, чтобы разделять баев и бедняков...

Он прошел несколько шагов, поднял прутик и постегал им голенище сапога. Затем он высказал сыну и другую мысль. Его сыну-заике, конечно, никто из богатых людей не отдаст свою красавицу-дочь, такую, как Хури. Можно свататься только за обезьяну, да и то придется платить большой калым и еще кланяться в ноги. В ны-

нешнее время не до церемоний и гордости, и то, что у тебя еще во рту — это чужое, а то, что ты успел проглотить, — твоя добыча. Поэтому лучше всего пойти к Аскару.

— Нельзя сейчас держаться за все старые обычаи, — добавил он поучительно, — надо учитывать обстоятельства, чувствовать, куда ветер дует. Родство с бедняком Аскарком все поймут так: бай протянул руку помощи своему работнику, позаботился о бедняке, не считает это родство обидным.

— Вы очень прозорливы, отец, и я не перестаю у вас учиться, — восхищенно сказал Садиваккас.

Они спустились к реке и остановились. Колхозные пашни уже вплотную подступали к реке, свежая земля жирно блестела на солнце. По полю за плугами шагали колхозники и, казалось, все они улыбались и пели песни и даже смеялись над бывшим хозяином этой земли, так почудилось Хайдарбаю, и он скривился, словно разжевал стручок красного перца.

Садиваккас показал рукой на одного из пахарей и сказал:

— Все это дело рук вон того проклятого Шарифа-Ячейки. Он переименовал наш Яккатут в Яккамах. Кажется, вчера он еще человек пять сманил в свой колхоз...

— Не мешало бы его проучить, — сквозь зубы процедил Хайдарбай.

— Я тоже об этом думал. Посоветуйте, как это сделать.

— Поговорим об этом вечером, когда приедет племянник. А сейчас пошли чай пить.

Своим племянником Хайдарбай называл районного работника Джавланбека. Когда-то он работал в окружном управлении, затем его уволили, но он сумел устро-

иться инструктором в районе. С Хайдарбаем у него были связи давнишние, встречались они редко, вели себя осторожно, поступали хитро.

Джавланбек явился в дом Хайдарбая, когда на дворе уже стемнело. Это был сравнительно молодой человек, лет тридцати пяти, невысокого роста, чуть косоглазый. Носил он кожаную куртку, галифе и хромовые сапоги. Перед людьми он старался выглядеть веселым, эдаким рубахой-парнем, делился впечатлениями, выслушивал внимательно жалобы, но меры, как правило, не принимал. Он вошел во двор бая и громко сказал:

— Вой-бой! Хозяйка здесь готовит плов, а я на том берегу Карсакли почуял его запах...

— У вас такой нос, что, находясь на западе, вы чуете запах с востока,— подхватил шутку Садиваккас. Нос у Джавланбека, действительно, был массивным, и, чтобы шутка Садиваккаса, не обидела «племянника», занимающего солидный пост, Хайдарбай поспешил сказать:

— Тот появляется во время еды, кого любит теща. Ну, аминь. Пришла нога, чтобы не пришла беда. Добро пожаловать, Джавланбек-ака.

Пока хозяйка накрывала дастархан, Хайдарбек с сыном рассказывали последние новости Яккатута: о том, что люди пишут заявления в колхоз, что с пути их сбивает Шариф-Ячейка, которого следовало бы проучить. Джавланбек внимательно слушал, отпивая чай из пиалы, потом долго молчал, разглядывая чайники в пиале, и неожиданно задал, казалось, посторонний вопрос:

— Вчера я послал сюда казаха по имени Суюм. Явился он?

— Явился, явился.

— Где он сейчас?

— Здесь, у Аскара.

— Опасный человек.

— Опасный?!— в один голос переспросили Хайдарбай и Садиваккас.

— Поэт,— Джавланбек поставил пиалу,— сочиняет песни, в которых смеется над уважаемыми людьми района.— Он вынул из кармана бумажку и вслух прочитал песню, сочиненную чабаном.

— Смотри ты!— удивленно протянул Садиваккас.

— Так вот: куда вы его собираетесь пристроить?— еще строже, хмуро оглядывая всех, спросил Джавланбек.

— Не знаю пока, мой дорогой племянничек,— ответил заискивающе Хайдарбай.— Может, послать его к Балтаходже на Сырдарью?

— Пожалуй, дельно,— поддержал Джавланбек.— Пусть побегает за овцами— скорее выкинет из головы свои песни. Завтра же послать.

— Хоп-хоп,— закивал головой бай, потом позвал сына:— Дандирасул, ой, Дандирасул!

— Я-а-а!— отозвался заика.

— Позови Аскара.

— Сейчас.

Когда Дандирасул ушел, разговор сразу перекинулся на Шарифа-Ячейку. Джавланбек отлично понимал, что с ним так просто нельзя поступить, как с чабаном, за ним стоял целый колхоз. Люди его знали и уважали. И отвечать за него придется во много раз круче. Поэтому «племянник» неопределенно сказал:

— Вам здесь, на месте, виднее, как поступить. Но учтите: осторожность и осторожность!

— Не беспокойтесь, сделаем так, что комар носа не подточит,— пообещал уверенно Садиваккас.

— Уверенность— дело хорошее, а самоуверенность— очень плохое,— озабоченно продолжал, понизив голос,

Джавланбек.— Надо так, вы знаете только одного меня, вас тоже пусть знает только один человек, а этот человек должен иметь дело не более чем с двумя-тремя, а меры следует принимать через последнего. После того, как цель будет достигнута, руками второго надо убрать третьего... Понятно?

Хайдарбай с сыном переглянулись и согласно закивали головами, стараясь мимикой выразить свое восхищение практической сметкой Джавланбека. Гость собрался сказать еще что-то, но тут вошел Аскар и спросил, кланяясь:

— Вы меня звали?

— Да. Садитесь,— и бай показал на курпачу.

— Здравствуйте!— поздоровался Аскар, увидев в полумраке на почетном месте Джавланбека. Присаживаясь к дастархану, джувазшик вежливо осведомился у гостя о его здоровье и спросил:

— Что-то давно не видно было вас?..

— Государственные дела, некогда,— скупо ответил Джавланбек.

После такого сухого ответа у Аскара пропало желание расспрашивать гостя и, хотя это было невежливо, он замолчал и вопросительно посмотрел на хозяина. Бай не торопился, отпил несколько глотков чая, погладил бородку, глянул на сына, который сидел с безучастным видом, и сказал, растягивая слова:

— Я тебя позвал вот по какому делу. Хочу выполнить свое обещание, предложить чабану Суюму работу.

— Доброе дело сотворили бы. Кажется, он хороший человек.

Бай и Джавланбек переглянулись.

— Мы посоветовались и решили послать его, если он согласится, к уважаемому Балтаходже. Суюм, гово-

рят, долго пас овец, а раз дело привычное, и ему, и детям его не трудно будет. Ты что на это скажешь?

Аскар ответил не сразу. Хотя Суюм ему не брат и не сват, знакомы они мало, но здесь решалась судьба человека. Аскар немного знал закадычного друга своего хозяина Балтаходжу, у него в отарах пасся мелкий скот Хайдарбая. Балтаходжа — казахский бай, но какая разница — казахский бай или узбекский; а Балтаходжа отличался еще неимоверной скупостью, он и собаке не бросит кость без ворчания. А что же делать? Если возразить, то куда пойдет с детьми Суюм?

— Вы решили, пусть аллах будет судьей,— сказал Аскар.— Только я прошу старшего сына Суюма оставить при мне.

— Зачем?

— Вы же сами говорили, что и по ночам надо немного гонять джуваз. А я завтра-послезавтра уеду на сенокос. Разве Муса один справится?

— Да, да, чуть не забыл про корма. Хорошо, что напомнил. Сегодня какой день?

— Среда.

— Среда, четверг, пятница... Вот что я тебе скажу, через неделю наступит ураза, так вот, до этого нужно сено сметать в скирды. А старое продать — будут деньги,— рассуждал бай, поглаживая ладонью бороду и искося поглядывая на работника. Речь шла о сене, скошенном в прошлом году у озера Болтакуль. Бай очень боялся, что это сено отберет колхоз, но о своем предположении гостям говорить не стал — мало ли что они подумают.— Ты очень хорошо рассчитал,— продолжал он хвалить работника.— Дам я тебе и Толбаша, все равно лоботряс бездельничает. Так Зиябеком, говоришь, его зовут? Ладно, согласен. Пусть остается.

Подали плов, и Аскар вышел из комнаты помыть ру-

ки. Джавланбек нагнулся к Садиваккасу и шепотом сказал:

— Мне пришла в голову замечательная мысль. Этот Аскар для нас очень подходящее звено...

Появился Аскар, вытиравший руки о подол рубахи, и гость замолчал.

Ничего не подозревавший Аскар с удовольствием ел жирный байский плов, пытаясь догадаться, по какому случаю выпала ему такая честь. Бай никогда не приглашал за дастархан человека, от которого не ждал выгоды. Но что бы там ни случилось потом, Аскар не мог упустить случай хорошо поесть. Такое на его долю не часто выпадало. Да и Суюм, кажется, будет пристроен, а один его сын станет джувазщиком — вот и еще одно доброе дело сделано для человека. Поэтому Аскар уходил от бая в благодушном настроении. И еще удивительно: Хайдарбай проводил его до самой калитки...

Вернувшись в комнату, бай подмигнул гостю, уселся поудобнее и сказал:

— Хочу сосватать дочь его Хури. Что ты скажешь на это, племянник?— спросил Хайдарбай.

Джавланбек пил чай не спеша, смакуя, и с ответом не торопился. На его холеном лице ничего не отразилось, кроме сытого блаженства. А Садиваккас не сумел скрыть гримасы, но, спохватившись, отвернулся от отца. «Неужели такая красавица достанется этому недоноску Дандирасулу?— недоумевал он.— Неужели и правда, что самый хороший кусок достается наглой собаке?!» Высказать же вслух свои мысли он все же не решился. Кто его знает, что думает по этому поводу «племянник» отца, а он работает в органах власти и еще может пригодиться. Через «племянника» Садиваккас намерен провернуть кое-какие делишки. Положение его, конечно, неплохое, ловко устроился заведующим фермой колхоза

имени Ленина, но надо смотреть вперед — мало ли что может случиться.

Наконец Джавланбек посмотрел на хозяина и спросил:

— А с Аскарком уже договоренность есть?

— Пока нет. Но я вот что скажу: разве он может отказать? Я сам буду сватать его дочь, понимаете — я. Как же он откажет?

— Ваш авторитет я не умаляю. Однако время сейчас вон какое. Следует поговорить, следует...

— Есть, пожалуй, скажу я вам, одна загвоздка. Может, он решил выдать свою дочь за молодого джувазщика.

— Это еще кто?

— Племянник Аскара, Муса.

— Вы договоритесь с Аскарком, а насчет племянника мы что-нибудь придумаем, — решительно заявил Джавланбек, чуть помедлил, посмотрел настороженно на занавешенное окно и, понизив голос и нагнувшись над дастарханом, сказал строго и отдельно: — Я не договорил по поводу Шарифа-Ячейки... Хорошо бы подстроить так, чтобы он попался на глаза воинам шариата... Тогда и искать некого будет...

После того, как Джавланбек ушел, Хайдарбай с сыном еще долго молча пили чай, изредка прислушиваясь к шуму ветра, доносившемуся с улицы.

Глава седьмая

Прошло немногим больше недели после того, как Суюм с сыном Кенджой уехали к Сырдарье, а Аскар с Толбашем отправились на сенокос. Но за это короткое время произошли большие перемены.

Прошли кратковременные, но обильные дожди, омыли покрывшиеся было уже пылью деревья; трава, казалось, стала зеленее, повеселели и люди. Девушки уже нарядились в летние платья, с утра выходили во двор, вышивали или крутили ручные мельницы, толкли зерно в деревянных ступах. Парни работали кетменями на своих огородах. Старухи вытаскивали старые ватные одеяла, взбивали вату и принимались заново стегать их. Летом приготовишь — зимой будешь спокоен.

А птицы, перелетая с дерева на дерево, гомонили, опьяненные весенними запахами и теплым солнцем. Тут и там слышался свист удода — вестника ранней весны, а по вечерам рассыпали по садам свои трели серенькие соловьи.

Все вокруг ликовало и пело, лишь Муса и Зиябек все в той же промасленной одежде медленно, словно считая шаги, кружатся до одурения вслед за лошадьёю в полутемной, похожей на клетку, пропитанной удушливым запахом джувазхане. Время от времени они отламывают куски жмыха, подбрасывают под ось. Но даже и у них, несмотря на тяжелую однообразную работу, настроение бодрое. Зиябек рад тому, что и для него нашлась работа, и он уже кормит сам себя. У Мусы свои причины для радости: по совету Зиябека он стал смелее, при встречах с Хури произносил несколько ласковых слов, и девушка чаще стала заглядывать в джувазхану.

«Муса-ака, не надо ли вам еще теплой воды?» — спрашивала она, осторожно неся в руке пиалу. Раньше ребятам требовалась теплая вода два-три раза в день, а теперь Хури приносила ее пять-шесть раз, будто количество выжимаемого масла зависело от того, сколько лещей теплой воды.

«Ну и хитрецы!» — участливо думал Зиябек и, до-

бродушно посмеиваясь, то и дело задавал наводящие вопросы.

— Не требуется ли еще теплой водички, учитель?— как-то спросил Зиябек.

Муса был так занят делом и своими мыслями о девушке, что не понял шутки, и ответил серьезно:

— Количество воды зависит от качества семечек.

— Значит, вот эти семечки, из которых мы сейчас выжимаем масло, требуют особенно много воды?— продолжал Зиябек.

— Наоборот, это же семена дыни, они не требуют много влаги,— терпеливо пояснил Муса своему непонятливому ученику.— Семена кунжута — другое дело.

Зиябек ухмыльнулся.

— Значит, сейчас мы выжимаем семена кунжута, и нам требуется много теплой воды...

— Ты спятил, что ли?— сердито спросил, не обращаясь, Муса.— Неужели до сих пор не отличаешь семена дыни от семян кунжута?

— Где мне, казаху, отличить их,— со вздохом ответил Зиябек, еле удерживаясь от смеха.— Я ведь смотрю, Хури стала частенько появляться здесь с теплой водой, вот и думаю: наверно, мы выжимаем семена кунжута...

Муса остановился и повернулся к товарищу, и они вместе захохотали.

— Ну и хитрец!— сказал, покачав головой, Муса.— А я никак не пойму: чего это Зиябек водой интересуется?.. Уж не сам ли хочет пить теплую воду? Ну, ладно. Пора работу кончать. Ставь пень, братец.

— Слушай меня, Муса,— сказал Зиябек,— вокруг, как я заметил, много завистливых и алчных глаз, как бы не увезли девушку. Потом ищи-свищи. Теперь ты стал вроде более языкастый, чем прежде. Тебе надо на-

прямик поговорить с Хури, узнать, в какую сторону стучит ее сердце.

— Не знаю я, как это сделать,— смутился Муса.

— Очень просто. Я выйду во двор и позову ее сюда, а сам на некоторое время задержусь там. Ты и поговоришь с Хури с глазу на глаз.

Муса испуганно посмотрел на товарища.

— А что я ей скажу?

— Скажи все, что о ней думаешь. Э... Что это ты перепугался так?— засмеялся Зиябек.— К казию я тебя посылаю, что ли? Ну, я пошел. Держись!— и Зиябек открыл дверь.

— Подожди, братец, подожди...— бросился Муса к двери, но Зиябек уже выскочил во двор.

Муса, торопясь, для чего-то начал прибирать в джувазхане, при малейшем шорохе он превращался в слух, оглядывался на дверь и замирал. Сердце его стучало, как после бега, ему уже чудился смех девушки во дворе, и хотелось самому засмеяться, но губы почему-то не растягивались, и голос пропал начисто.

Мысли метались в его голове, как на пожаре. «Сейчас, вот сейчас она зайдет... И звонко засмеется... А потом... Что потом? Я ей скажу: «Хури, ты мое счастье». А если она спросит: «Что такое счастье, Муса?» «Счастье — это ваш смех,— скажу я». И она засмеется еще громче. А я возьму ее за руки...»

Муса вытер рукавом потный лоб и опять кинулся прибирать вокруг.

«А потом я ей песню спою»,— решил он и принялся вспоминать хорошую песню, но все слова из головы вылетели, осталась только песня Суюма, и он запел ее: «То, что называют розой — не девушка ли?»

В это время и отворилась дверь, на пороге появилась Хури. Муса, увидев девушку, сразу потерял голос и за-

стыл на месте, словно его ноги прилипли к полу. Он посмотрел на нее с испугом и восхищением, но тут же застенялся и устался на черные кауши девушки, в которые она была обута на босу ногу. Потом он оглядел свою промасленную одежду и еще больше смутился. Ему казалось, что перед ним другая девушка — не та, которую он видел каждый день, с которой здоровался по-домашнему, перед ним стояла самая красивая девушка на свете, и он подумал, что так, наверное, выглядят легендарные пери.

А девушка смотрела на него ласково, с улыбкой, словно на малого ребенка, и в глазах ее, если бы Муса был повнимательней, он увидел бы радость встречи, застенчивую нежность.

— Мне Зиябек сказал, что вы просили теплую воду,— сказала Хури, сделала шаг вперед и протянула руку с пиалой.

Муса совсем растерялся. Разве он просил воду? Зачем она сейчас ему? Он моргал и молчал.

— Муса-ака, я принесла воду, возьмите же,— проговорила Хури, теперь уже с нетерпением.

— Да... Нет.. Воды не нужно,— проговорил вдруг Муса, опомнившись.

— Зачем же вы меня звали?— девушка подняла свои черные тонкие брови.

Мусе показалось, что Хури поворачивается к двери, хочет уйти, и он, взмахнув рукой, торопливо сказал:

— Вы мне нужны, Хурихон...

— Вы обманщик,— сказала Хури и хотела выплеснуть из пиалы воду. Муса одним прыжком очутился около девушки и схватил ее за руки.

— Нет, нет, Хурихон, вода нужна мне...

Пиала выскользнула из руки Хури, упала на глиняный твердый пол и разлетелась на мелкие куски. Де-

вушка испуганно смотрела на осколки, а Муса стоял, как вкопанный.

В таком состоянии и застал их Зиябек, незаметно появившийся в дверях. Он увидел осколки пиалы и удивленно посмотрел на девушку. Хури вырвала ладони из рук Мусы и выбежала во двор.

Зиябек спросил:

— И что же она тебе сказала?

— Что можно было сказать за такое короткое время?— спросил Муса, с упреком глядя на товарища.— Неужели немного позднее не мог прийти?

— Я так и знал; что ты будешь недоволен,— сказал Зиябек, подошел к двери и выглянул во двор. Повернувшись к товарищу, он озабоченно спросил:— Тот парень, что поехал с твоим дядей на сенокос, кто такой?

— Толбаш.

— Он прискакал на коне. Я пришел предупредить, чтобы он не застал вас здесь вдвоем.

— Значит, дядя тоже приехал?— обрадовался Муса.

— Не знаю.

В джувазхану заглянула озабоченная Малика-хола. Муса втянул голову в плечи. Он с испугом подумал: «Неужели тетя узнала, что я был здесь с девушкой? Или Хури рассказала, как ее обманули?»

— Мусаджан, сынок, идите скорее пить чай, проголодались ведь...— сказала Малика-хола и закрыла дверь.

— Сейчас, сейчас!— крикнул Зиябек вслед хозяйке.

— Слава богу, пронесло. Уф!— вздохнул Муса и рукавом вытер со лба испарину.

Зиябек засмеялся.

— Ну и перепугался же ты!..

— Чего смеешься!— рассердился Муса.— Если она узнает... Поставь пень на место!

— Хорошо хозяин, сейчас поставлю,— бросился исполнять указание Зиябек, но продолжал улыбаться.— «Что может быть плохого в том,— думал он,— что парень и девушка любят друг друга, чувства их чисты, как ключевая вода, и оба счастливы от этого?» Зиябеку радостно смотреть на них и немного завидно. И что страшного в том, что об их любви узнает мать девушки? Это даже лучше.

Когда они пришли пить чай, Малика-хола уже расстелила скатерть и принесла самовар. Но Хури почему-то к дастархану не садилась, а как только увидела Мусу и Зиябека, попыталась даже незаметно ускользнуть из комнаты. Но мать остановила ее.

— Куда же ты, дочка? Разливай своим братьям чай.

Глава восьмая

Ранняя весна еще давала о себе знать, по утрам на берегу Сырдарьи было прохладно и сыро, роса падала обильно и походила на изморозь. Если уснешь под открытым небом, то встанешь в мокрой одежде. Аскар, поднимаясь утром, поеживался и вздыхал. Черные полосы сгоревшего камыша уже начали окрашиваться зеленью, вода озера парила под лучами восходящего солнца, по берегу летали птицы, их песни словно повисли в чистом прохладном воздухе. Аскар осмотрелся, потянулся и застыл. Хорошо было вокруг. Работать бы да работать. Но вот люди...

Толбаш, который приехал к озеру Болтакуль с ним вместе, как всегда, вечером ушел к Болтаходже и еще не вернулся. Каждый день такие выходки: приходит, когда солнце поднимается уже высоко, чуть поможет и опять скроется. Из-за этого Аскар вот уже шесть дней

мучается, никак не может перебросить все сено, и неизвестно, когда он закончит.

С такими грустными мыслями Аскар запряг коней в бричку, которую еще вечером нагрузил сеном, взобрался наверх и поехал. Лошади уже знали этот путь, ими не надо было управлять, и Аскар, опустив вожжи, снова предался грустным воспоминаниям. Вчера утром Толбаш, явившись с восходом солнца, ехидно сообщил, что на колхозном собрании по рекомендации Шарифа-Ячейки решено послать Мусу подручным тракториста, парень вроде бы дал согласие. Эта весть очень опечалила Аскара. Опять ему одному гонять джуваз, а Хайдарбай требует, чтобы работа продолжалась и ночью. Где же взять столько силы? Не заставляй же Хури гонять джуваз!..

Поэтому, когда на лугах появился по своим колхозным делам Шариф-Ячейка, Аскар высказал ему свою обиду и обвинил парня в том, что тот хочет зла ему, батраку Аскару, что он в насмешку выдумал кличку як-камахов яккатутовцам. Шариф-Ячейка тоже не стерпел, возразил:

— Разве я один решал, кого посадить на трактор?

— А кто предложил, кто предложил, безбожник?— кричал Аскар, возмущенный еще и тем, что Шариф-Ячейка не признается в своей вине.

А тут еще подлил масла в огонь парень с усиками, из тех, что поддерживают Садиваккаса. Ехидно улыбаясь, он спросил:

— Разве не вы говорили о том, что джуваз тоже машина, как и трактор, а сами предложили записать Мусу в трактористы? Не так ли, товарищ Ячейка?

— Ну, допустим, я предложил, но ведь предложил после его согласия,— признался, наконец, Шариф-Ячейка.

— Он согласился?!— удивлению Аскара не было границ.— Когда же это он согласился? Муса мой племянник...

— Я шалтай-балтай не признаю, ака. Я собственными ушами слышал, как однажды вечером ваш племянник Муса разговаривал об этом с комсомольцем Салимджаном. Я только передал его желание.

— Передал желание? Я не верю, не верю!— опять закричал Аскар.— Мой племянник не такой обманщик...

— Значит, я обманщик, да?— тихо спросил Шариф-Ячейка, глядя на батрака с сожалением, потом повернулся и пошел прочь.

Аскар уже пожалел о сказанном, но гордость не позволяла ему остановить Шарифа-Ячейку и объясниться спокойно, и потом он всю ночь жалел, что не смог сдержаться и, пожалуй, напрасно обидел человека. Эта мысль и сейчас жгла его нестерпимо: как же это он, всегда сдержанный и рассудительный Аскар, обидел человека ни за что, ни про что?

Когда до скирды сена осталось метров пятьдесят, откуда-то выскочил одинокий всадник. Может быть, он появился давно, да Аскар, задумавшись, его не заметил, а увидев, подумал, что едет Толбаш. «Опять появился в середине дня, лентяй!»— сердито подумал Аскар. Но, приглядевшись, удивился. Это был не Толбаш. Всадник остановился у брички и спросил:

— Вы будете Аскар?

Это был не по годам серьезный парень, в гимнастерке и сапогах.

— Я,— ответил Аскар.

— Слезайте с брички.

— Почему?

— Пойдете со мной.

— Куда?

— Там узнаете.— Парень вынул наган.— А ну, шевелись!

Аскар ничего не сказал, соскользнул с воза и, направив лошадей к стогу, пошел по тому направлению, куда указал ему парень с наганом. Все это произошло так неожиданно, что Аскар долго не мог понять, куда и зачем его ведут, какая вина за ним числится, кто этот парень с наганом, и только немного уразумел происходящее, когда его посадили в машину, а в ней он увидел незнакомых людей и истекающего кровью Шарифа-Ячейку, который был без сознания.

Тут он тяжело вздохнул и обреченно подумал: «К той лошади и грязь прилипает... И таким боком может к человеку повернуться судьба...».

А что ждало его впереди — он не мог даже предположить.

Глава девятая

Весенняя погода изменчива, как настроение беспечного человека. Меняется часто и неожиданно. Очень хорошо это знают пастухи.

В тот вечер по небу ползли отары туч. Горизонт и тучи были окрашены в темно-бордовый цвет, их окрасило солнце, глянувшее из-за лохматой гривы. Багровые лучи поиграли на мелких позванивающих волнах озера Айдынкуль, в зеленых камышах, на верхушках холмов и медленно растворились в изумрудной траве, потухли. Солнце спряталось за тучи.

Пора было загонять овец, но они за целый день будто не насытились, не поднимают головы от земли, жадно хватают свежую молодую травку. И жалко скотину, но время позднее, а тучи опасные. Суюм-ага с одной

стороны, Кенджа — с другой повернули отару к загону, однако, не успели они пройти и ста метров, как их нагнали два всадника на горячих всхрапывающих конях.

— Доброго пути вам, уважаемые! Что случилось?— удивился позднему визиту гостей Суюм-ага.

— Ничего не случилось. Подберите-ка нам отменного козла. Да живо!— приказал мужчина с пышными усами, маленькой бородкой. Это был Давкара — работник бая Балтаходжи.— Наш отец устраивает козлодранье.

— Так он же вчера устраивал козлодранье...

— Какое ваше дело!— рассердился Давкара.— Сегодня у бая священное угощение. Из города прибыл большой начальник. Вот Дандирасул подтвердит.

— В-в-верно,— еле выговорил занка.

— Покрупнее там выбери.

— Если из города начальник прибыл, значит, не священное угощение, а целое пиршество — той,— сказал Суюм-ага.

— Может, и той. Давай скорее козла. А потом сам приходи.

Суюм-ага указал сыну на сильного, с загнутыми рогами козла.

— Вон того черного лови.

Кенджа подкрался к козлу сзади и схватил его за ногу. Но животное оказалось сильнее мальчишка, поволокло его. Суюм-ага схватил козла за рога, пригнул его голову к земле.

— Горло перерезать, что ли?— крикнул он всадникам.

— Не надо. Сами управимся.

Давкара принял козла на седло, и всадники ускакали. Суюм-ага долго смотрел им вслед, шевелил губами, моргал, потом сказал вслух, ни к кому не обращаясь:

— Да... Одни думают о баловстве, другие о собственном желудке. У одних много мяса, у других и корки хлеба нет. Несуразное время.

На части рвут меня моих страданий псы,
Нет сил бежать, а им — кровь посвежей нужна...

— прочитал он пришедшие на ум стихи Навои.

Потом они долго гнали отару, а Суюм-ага угрюмо молчал, видно, думал о чем-то невеселом.

— Папа, вы есть хотите?— прервал его думы Кенджа.

— О чем ты спрашиваешь, сынок? Ах, о еде. Нет, сынок, я есть не хочу.

— А сами вспоминали о мясе и корке хлеба...

— Э, сынок, к слову пришлось..

Некоторое время отец с сыном молча шагали за овцами. Свежий ветерок разносил по степи запахи трав и шерсти, шуршал в ногах, и только бляение ягнят нарушало эту знакомую тихую и ласковую степную песню.

Кенджа прервал тяжелое молчание отца.

— Когда же мы пойдем к нашему Зиябеку?

— Скоро, сынок, скоро,— глубоко вздохнул Суюм-ага.

Своим вопросом сын напомнил чабану последние события, вернул к печальным мыслям, которые вот уже несколько дней не давали покоя его голове и жгли сердце: «Если Аскар арестован, что стало с его женой и дочкой?»

Суюм-ага никак не мог понять: каким же образом Аскар мог быть замешанным в этом преступлении? Сколько он ни ломал голову, не вспомнил ни одного случая, когда бы этот душевный человек поступил плохо. А его гостеприимство лучше всего говорило о нем.

Занятый своими думами, Суюм-ага не заметил, как овцы подошли к загону.

Кенджа привычно загнал овец, взял чайник и пошел к арыку, протекавшему неподалеку. Отец же, пригнувшись, вошел в шалаш, в котором они жили. Напротив входа на стене висела домбра и поношенный каракулевый треух, на полу лежал чапан, пестрый хурджун, в уголке — глиняная чашка с разбитым краешком, тыквянка для воды. Суюм-ага прошел вглубь и прилег на пол, вздыхая от усталости и тяжелых мыслей.

Вернулся с наполненным черным чайником Кенджа. Суюм-ага приподнялся и взял в руки небольшой сверток, развернул его: там была черствая лепешка.

Кенджа спросил:

— Чай кипятить?

Суюм-ага молча смотрел на лепешку. Сам-то он еще ничего, потерпит, а как малыш, у которого с утра не было во рту ни крошки? Чем его кормить? Но жизнь всегда кажется труднее, когда люди плачут, и Суюм-ага попытался улыбнуться и спокойно сказал:

— Ставь пока чайник на огонь.

— А чего будем есть?

— Пойдем к баю. Может, и перепадет что. А когда вернемся, поьем чайку.

— Нас же на той никто не приглашал?— удивился Кенджа.

— Э, какой ты чудак, сынок. Давеча дядя Давкара пригласил же... А если и не пригласил сам бай, это никакого значения не имеет — ведь мы его чабаны, не посторонние же... Понял?

— Понял.

— Вот и хорошо.

Отец с сыном отправились в путь. Рваные тучи словно кошмой закрыли все небо, и хотя солнце еще не се-

ло, над степью спускались сумерки. Редкие капли дождя, как градинки, больно ударяли в лицо, но дождь почему-то не шел — дождевая туча, видно, прошла стороной и только ветер принес эти редкие капли.

Поднявшись на холм, Суюм-ага увидел аул бая — четыре белых юрты. За ними скакали десятка два всадников — козлодранье. А дальше, за зеленым полем, раскинулось узкое, как сабля, красивое озеро Айдынкуль.

Но ни красота озера, ни всадники не привлекали сейчас внимания чабана и его сына, они смотрели на два огромных, исходивших паром, котла, вокруг которых бегали дети, суетились женщины. И чабанам казалось, что запах жирной шурпы разносится на десятки километров вокруг.

На пришедших никто даже не взглянул, словно это появились не люди, а собаки. Суюм-ага и Кенджа немного постояли в сторонке, затем подошли к ближайшей юрте и осторожно сели на землю рядом с новеньким фаэтоном. «Это же фаэтон Хайдарбая,— отметил про себя Суюм-ага,— значит, правда, что приехали важные гости».

Кенджа во все глаза смотрел на байских детей, но приблизиться к ним боялся. Прогонят. Это он уже знал точно. А как ему хотелось поиграть!

Из юрты довольно отчетливо доносился говор. Вначале Суюм-ага не прислушивался, занятый одной мыслью: как бы накормить сына. Но вдруг его словно кто-то ударил по голове — из юрты донеслось:

— Положение серьезное и опасное. Случай с Шарифом-Ячейкой поднял на ноги весь район. Не следовало торопиться...

— Я вам вот что скажу: по-моему, мы забыли, что аркан слишком заметен, надо душить ватой.— Этот го-

лос Суюм-ага, конечно, узнал. Говорил Хайдарбай.— Не обижайся, Садиваккас, ты горячку спорол...

— При чем тут я? Вы же сами...— оправдывался Садиваккас.

«Значит, Шарифа-Ячейку убил Садиваккас... Аскар арестован неправильно...— догадался Суюм-ага.— Понятно...»

— Ну, ладно, я вам скажу, натворили, так натворили,— продолжал Хайдарбай.— Только зачем впутали Аскара?

— Ведь сами же говорили, последнего убрать через второго человека...

— Позор вам! Разве вы носите сердца мужчин?— вдруг резко произнес хрипловатый голос.

— Я вам скажу, нехорошо получается...

— Что нехорошо: арест Аскара или убийство Шарифа?— спросил тот же голос.— Шариф взбаламутил весь ваш кишлак. Мы от него избавились. Аскар не хотел выдать свою дочь за вашего сына, ломался — теперь можете женить.

— А если Шариф не умер?— спросил кто-то тревожным басом.

— Все равно умрет,— заверил Садиваккас.

— Когда его взяли на машину, оказывается, жив был...— опять сообщил тревожный бас.

Собеседники внутри юрты умолкли.

Не то от голода, не то от услышанного у Суюма закружилась голова, помутилось в глазах. Он обмяк, опустился на грудь голову, сгорбился, ухватился руками за борт фаэтона, всеми силами стараясь не упасть. Никогда с ним такое не случалось. Из полуобморочного состояния его вывел окрик.

Конь одного из всадников, который почему-то оторвался от других участников, чуть не сбил с ног Кенд-

жу, наблюдавшего в сторонке за игрой ребятишек. Всадник, пролетев мимо мальчика, вернулся назад и, угрожая плеткой, заорал как сумасшедший:

— Что ты крутишься под ногами, сучье племя! Пошел вон!

Женщины и ребятишки, что канителились у котлов, повернулись теперь в сторону Кенджи, хотя раньше его не замечали.

— Наверно, обглоданную кость щенок ищет,— сказала полная седая женщина, глядя с презрением на мальчика выпуклыми злыми глазами.

Суюм-ага, преодолев, наконец, слабость, молча встал, подошел к сыну и, взяв его за руку, сказал тихо, но внятно седой женщине:

— У этого мальчика уже достаточно ума, чтобы не брать обглоданную кость. Но вы правы: от собак остаются только обглоданные кости...

— Что ты сказал? Кто собака?!— заорала женщина.

— Собака тот, кто трясется над обглоданной костью,— ответил Суюм-ага, теперь уже не чувствуя слабости, взбудораженный ненавистью к этим людям.

Из юрты вышел толстый, вислогубый Балтаходжа.

— Что случилось? Что за шум?— спросил он, с подозрением оглядывая чабана и его сына. Его чисто выбритая голова даже сейчас, в сумерках, блестела, как только что вымытый булыжник.

— Ничего не случилось, бай-ота,— стараясь говорить спокойно, ответил Суюм-ага.

— Ты зачем сюда пришел? Одну чашку супа кто-нибудь отнес бы тебе...

— Спасибо за щедрость. Эту чашку супа отдайте лучше своим прихлебателям.— Суюм-ага повернулся и хотел уйти, но Балтаходжа схватил его за руку:

— Стой, выродок свиньи! Что ты сказал? Повтори!

Суюм-ага резким движением вырвал руку и, прищурившись, с дрожью в голосе бросил в лицо баю:— Отпустите! Я вам не Шариф-Ячейка!..

Балтаходжа застыл на месте, растерянно глядя вслед уходящему чабану. Из юрты вышел Джавланбек и вопросительно посмотрел на бая, наверное, он слышал разговор с чабаном, но не все разобрал. Балтаходжа не захотел отвечать Джавланбеку в присутствии женщин и детей и направился в юрту, махнув рукой, словно говоря, что ничего особенного не произошло, и приглашая гостя войти. Однако Джавланбек не принял приглашения, он подозрительно следил за удаляющимся чабаном. Потом он повернулся к ребятишкам и спросил:

— Тот чабан когда сюда пришел?

— Давеча,— ответил мальчик лет десяти.

— Где он стоял?

— Не стоял, а сидел.

— Где?

— У фазтона.

— Ага... Ладно, молодец...— проговорил Джавланбек. Он почувствовал холодок под сердцем и, разъяренный, кинулся в юрту.

... А Суюм-ага и Кенджа в это время поднимались на холм, тяжело дыша. Мальчик молча плакал.

Дождя все еще не было, не летели еще капли, но небо опустилось так низко, что давило, прихватывало дыхание. Холодный ветер рвал одежду, клонил траву, шумел и свистел, словно обезумевший.

Суюм-ага еле волочил ноги. Поднявшись на холм, они остановились, чтобы отдышаться. Чабан огляделся. Степь почернела, взвихрилась. И хотя ночь еще не наступила, даль уже затуманилась, стала беспросветной. Суюм-ага вдруг сравнил свою жизнь с этой бес-

просветной далью, и сердце его зашлось. Почему именно ему выпала такая доля? А что такое доля? Ведь люди сами ищут свою судьбу... Богатые ищут, и бедные ищут, так почему же они живут по-разному? Чем лучше остальных Балтаходжа, чем лучше он Аскара? Не лучше, а хуже батрака во много раз этот бай. Так кто ему дал право издеваться над людьми?

Суюм-ага опять взял за руку сына и медленно пошел с холма. Пройдя немного, они увидели огонь на той стороне, где стоял их шалаш.

— Шалаш горит. Пожар!— закричал, продолжая хныкать, Кенджа.

Суюм-ага словно не слышал сына, шел медленно, устало. Он увидел пожар прежде сына, но не заторопился — пусть горит, пусть сгорит все, вся степь, и стада Балтаходжи и сам он пусть горит и корчится — туда ему дорога. Чабан бушевал про себя — незачем тревожить мальчугана, хватит ему и того, что он увидел.

Медленно подошли они к тому месту, где был их шалаш, а сейчас вместо него тлели, дымились остатки деревянных подпорок. Посреди черного пепла одиноко стоял чумазый чайник и весело пускал пар из помятого горлышка. Полторы черствых лепешки превратились в уголь. А домбра — единственное утешение чабана и его сыновей — валялась в стороне с проломанным боком — наверно, ее отшвырнули ударом сапога.

Долго стоял Суюм-ага, не шевелясь, бессмысленно глядя на останки своего жилища, шевелил губами, вздыхал, а потом вдруг проговорил вслух:

О боже! Бай знакомый или друг твой, что ли?
Без конца обижает бедного. Он чужой тебе, что ли?
Когда меня не было, ты сжег мой шалаш...
Пять-шесть связок камыша жалко тебе, что ли?

Суюм-ага осторожно взял в руки свою истерзанную домбру, и ему вдруг показалось, что она стонет и плачет без струн, и будто вся долина, все пастбище присоединилось к этому неумемному плачу. Суюм-ага сел на землю, закрыл лицо руками. И в ушах сразу загудели голоса, слышанные им из юрты бая Балтаходжи: «Шариф-Ячейка взбаламутил... Зря поторопились — донесли на Аскара...».

И мысли побежали уже в другом направлении: «Что же будет с Аскарком? А куда нам податься? Чем накормить сына?..» Суюм-ага отнял руки от лица и увидел перед собой Кенджу.

— Что теперь будем делать, отец?— спрашивал сквозь слезы мальчик.

— Уйдем отсюда, сынок, уйдем.

— К Зиябеку?

— Да...

— Тогда пойдем, а то ночь наступает...

Суюм-ага будто этого и ждал, легко поднялся, опять взял сына за руку, и они быстро зашагали прочь от проклятого места, принесшего им столько горя.

Глава десятая

Перепапка бая Балтаходжи с чабаном Суюмом испортила настроение не только хозяину, но особенно Джавланбеку, который не без основания полагал, что их разговор услышан чабаном. Наступило такое время, что приходилось бояться каждого человека, если у него даже не было ни одной овцы и своей юрты. Но хотя власть принадлежала трудовым людям, бедноте, бан еще были сильны...

В юрту, где сидели гости, принесли варево и вино. Пиршество ифтар — ночное угощение в честь праздника

уразы — началось. Но разговор что-то не получался, гости сидели хмурые, пили вино медленно.

— Ну, что погрустнели, уважаемые? Из-за того, что произошел разговор с каким-то босяком, надо ли устраивать траур?— Балтаходжа попытался развеселить гостей.— Пока что аллах нас не обижает, есть чего выпить, есть чем закусить.

— О, проклятое время!— вздохнул Хайдарбай.

— Да, времена хуже некуда,— проговорил Джавланбек и пригнулся к коленям, будто вся тяжесть этого проклятого времени упала ему на плечи. Он поднял голову и сердито поглядел на присутствующих.— Я же вам тысячу раз говорил... время трудное, нужно быть осторожными. Малейшая беспечность погубит любое дело...

И опять ели и пили молча. Снаружи гулял ветер, раскачивал юрту, выл, как десять шакалов. Но в юрте было тихо и тепло, и гости не обращали внимания на шум, доносившийся из степи,— все это было привычно. Может быть, только одному Хайдарбаю было не по себе за тонкими и легкими стенами юрты, в огромной незаселенной степи. Он привык чувствовать себя спокойно в своем доме с толстыми глиняными стенами, за высоким дувалом и крепкими воротами. Кто его знает, какие люди шатаются здесь по степи...

В юрту без предупреждения вошел старый чабан Сарсен, почтительно поздоровался. Он тяжело дышал. Гости, как один, настороженно вскинули головы. Джавланбек даже привстал немного. А Балтаходжа схватил нагайку и сжал черенок в руке.

— Тебе еще здесь чего надо?!— проговорил он сквозь зубы, еле сдерживаясь.

— По важному делу явился я, бай-ота,— торопливо, шамкая беззубым ртом, проговорил Сарсен и склонился, прижимая обе руки к груди.

- Говори!
- Суюм-ага ушел. Овцы остались без присмотра...
- Что! Когда ушел?
- Еще на закате отправился.
- Куда?
- Он не сказал.
- А ты сам где был?
- Был при скоте. А сына послал к той отаре...

Гости переглянулись. Но в разговор не вмешивались. Балтаходжа хмуро смотрел на чабана и некоторое время молча решал, как поступить. Наконец он сказал:

— Так. Сегодня за обеими отарами присмотришь ты с сыном. Потом что-нибудь придумаем.

— Хорошо, хозяин.

— Ладно. Иди.

Сарсен, поклонившись несколько раз, каждому гостю в отдельности, вышел. В юрте снова воцарилась тишина. Гости теперь не ели и не пили. Джавланбек отодвинул от себя пиалу и резко повторил:

— Еще раз говорю, что малейшая беспечность угробит любое дело!..

— Ну и что?!— вдруг выпрямился Балтаходжа и разъяренно глянул на Джавланбека.

— Как это «ну и что»? Если бы вы не разговаривали с чабаном грубо, он не ушел бы. Сегодня у этих босяков надо выматывать душу ласковыми словами, надо делать вид, что мы их уважаем. Прошли те дни, почтенный, когда мы могли стегать их плеткой, а когда надо, действовать ножом. Сейчас нож вынимать можно только ночью, когда никто не видит.

— А что он сделает — этот босяк? Ушел, ну и ушел. Найдется еще десяток таких,— ярился Балтаходжа.

Джавланбек выпрямился и, отчеканивая каждое слово, разрубая воздух рукой, сказал:

— Мы здесь говорили об убийстве Шарифа-Ячейки, о незаконном аресте батрака Аскара, выражали недовольство Советской властью... Где гарантия, что все наши разговоры не подслушал этот босяк? Знайте же, если наши слова дойдут до ушей ГПУ, то всем нам крышка!.. Ясно?!

Хайдарбай вскочил. Он был бледен. Он согласен с «племянником», надо быть осторожными. А этот Балтаходжа лезет напролом, видно, он в своей степи еще не испытал новой власти.

— Вас поражают мои слова?— продолжал беспощадно Джавланбек.— Этот чабан сидел у фаэтона позади юрты и, может быть, специально подслушивал наш разговор...

— Не может быть!..— воскликнул взволнованно Хайдарбай.— Кто сказал?

— Ребятишки сказали.

— Да, да, подслушивал, кажется,— начал сдаваться Балтаходжа, теребя рукою бородку.— Сам босяк сказал...

— Что он сказал?— пододвинулся к хозяину Джавланбек.

— Сказал: «Я вам не Шариф-Ячейка...»

— И вы, услышав такое заявление, до сих пор молчали?

— Не хотел расстраивать наше пиршество.

— Какой, оказывается, вы чуткий! Надо немедленно что-то делать!— приказал Джавланбек.

Балтаходжа молча оглядел гостей. Тогда тихо, оглядываясь на двери, заговорил Хайдарбай:

— Вот что я вам скажу... Если уж совершенно одно богоугодное дело, перед другим останавливаться нельзя. Надо догнать этого Суюма-чабана...

— Дельное предложение,— поддержал Джавланбек.

Все присутствующие закивали головами.

— Эй, ребята!— крикнул Балтаходжа.

Сидящие у входа Давкара, Толбаш и Дандирасул вскочили.

— Достаточно и двух парней,— подсказал Джавланбек.

— Давкара!

— Слушаю!

— Толбаш!

— Слушаю!

— Немедленно садитесь на коней. И как догоните...

Но Джавланбек не дал договорить хозяину, перебил

— Только без ножей! Палкой его...— Джавланбек стукнул кулаком по коленке.— Чтоб крови не было. Ясно?

— Понятно,— ответили вместе Давкара и Толбаш.

— Тогда помоги вам аллах!

Парни выбежали из юрты.

* * *

Темно. Суюм-ага с сыном все еще шагают. Усталость и голод валят их с ног, но они идут и идут, превозмогая слабость. Проклятый ветер дует навстречу, не дает идти, путникам хочется лечь и не двигаться. Особенно ослаб Кенджа, да еще ему каждый куст бурьяна кажется злым волком, и мальчик все теснее прижимается к отцу.

Среди косматых туч появились просветы, изредка в эти просветы выглядывает луна, на несколько минут освещающая мертвым светом серую степь, и тогда особенно много теней движется по степи, и Кенджа пугается еще больше. На закате капал дождь, но так и не пошел, а трава все же отсырела и цепляется за ноги.

Кенджа настолько обессилел, что упал бы, если бы

отец не тянул его за руку. Суюм-ага остановился передохнуть и обнял сына:

— Очень устал, сынок?

— Есть хочу...

— Еще немного потерпи, сынок. Почти уже дошли. Видишь вон тот огонек?

— Вижу.

— Как дойдем до него, нас встретит Зиябек и даст лепешку. Пойдем, мой верблюжонок...

— А потом что будем делать?

— Возьмем Зиябека и уйдем в колхоз Ленина.

— Папа, а кто такой Ленин?

— Большой человек.

— Добрый?

— Очень добрый.

— А где он живет?

— Далеко живет, очень далеко.

— А что такое колхоз?

— Колхоз — это... — Суюм-ага и сам не знал как следует, что такое колхоз, и не смог ответить сыну, — колхоз — это такое...

— Там лепешек много будет? — задал Кенджа самый важный вопрос.

— Много, мой верблюжонок, много. Пошли. Послушай лучше, я почитаю тебе стихи... Может, будет полегче...

Кенджа внимательно слушал голос отца, приглушенный ветром, но, казалось, у него немного прибавилось сил, и он уже не тянулся, как ягненок на веревке, а сам шел рядом. Огонек же, который они приметили давно, все сверкал на том же расстоянии, словно искра доброй надежды, звал к себе этих обездоленных путников, но никак не приближался.

Из-за того, что Суюм-ага увлекся чтением стихов, а

Кенджа жадно слушал отца, да и ветер относил другие звуки, путники поздно услышали позади себя топот скачущих коней и едва успели отскочить в сторону. Мимо них галопом проскакали два всадника, но метров через тридцать повернули обратно. Всадники, теперь уже на рысях, подъехали к путникам, и тут же неистово заорали:

— Бей проклятого!

— Бей!

Удары обрушились на чабана, а Кенджа, пронзительно закричав «войдод», опрометью бросился в бурьян и пополз, сам не зная куда.

— Бей!— повторил хриплый голос.

Суюм-ага от первого же удара свалился на землю. И уже лежа, беспомощный, теряя сознание, тихо, одними губами, сказал:

— Волки!..

Нанеся еще несколько ударов чабану тяжелыми палками и удостоверившись, что он не дышит, всадники мгновенно исчезли в том направлении, откуда появились..

Так вот внезапно повернулась судьба старого чабана.

Глава одиннадцатая

Даже в бурной горной реке, в ее водоворотах, промoinах бывают такие места, где вода словно не шевелится, ее поверхность застыла, гладкая, как стекло. Иногда такие места напоминают спокойные лужи. Вот так и кишлак Яккатут. В то время, когда вокруг уже создавались колхозы, начиналась новая жизнь, бурлила, словно невиданный сель, кишлак этот оставался в стороне, люди, не осведомленные о больших и важных событиях, влачили еще полусонное существование. Вос-

пользовавшись тем, что в кишлаке образовалась тихая заводь, Джавланбек начал собирать здесь вокруг себя врагов новой власти: Хайдарбая, Садиваккаса, Толбаша, Балтаходжу, других баев и их приспешников, старался сбивать с пути честных и трудолюбивых людей. Баи умышленно преувеличивали ошибки и недоработки неопытных еще партийных и советских руководителей, доказывали, что колхозы не для наших земель, отговаривали дехкан, вступивших в колхоз имени Ленина, советовали возвратиться к единоличному ведению хозяйства. Советская власть, мол, это не запрещает.

Но история неумолима. Она делает свое. Поток новой жизни захватил и этот кишлак. Люди стали пробуждаться. Дехкане, вступившие в колхоз, приходили к своим родственникам и знакомым, рассказывали о своих делах и становились, сами того не думая, хорошими агитаторами. Многие жители Яккатута потянулись в колхоз, на них уже не действовали ни хитрые уговоры Хайдарбая, ни окрики вечно пьяного Толбаша.

Бай в эти дни ходил угрюмый. Нападение на Шарифа-Ячейку, совершенное с его участием, арест самого преданного батрака Аскара — все это выбивало из привычного уклада жизни, вселяло страх. Хайдарбай, собственно, не знал теперь, что же ему делать. Защищать Аскара? Но тогда может пострадать Садиваккас, а это значит, и самому крышка.

После долгих раздумий Хайдарбай пришел к выводу: арест Аскара к лучшему. Он приютил подозрительного человека, этого чабана Суюма, он отказал своему баю, оставил без ответа просьбу выдать дочь Хури за Дандирасула, ограничился словами: «Надо подумать». А теперь у него, Хайдарбая, руки развязаны, он может и без согласия Малики сыграть свадьбу. Надо поговорить на этот счет с «племянником» Джавланбеком, он

человек у власти и даст дельный совет. В его силах отослать подальше и Аскара...

Только вот как посмотрят на это дело лоботрясы?

Как раз на этом месте Хайдарбай терял нить своих мыслей. Лоботрясами он называл Мусу и Зиябека. Один из них узбек, другой казах, но они быстро подружились, их теперь и водой не разольешь. Муса и эта девочка Хури дружат, и Аскар благоволил к мальчишке...

А Мусу тоже мучили тревожные мысли, он не знал, как поступить. Несколько раз приходил он на тот берег Карсакли, разговаривал с парнями из колхоза, с комсоргом Салимджаном. Они от души приветствовали его намерение вступить в колхоз. И вот вся его затея разрушилась. Его родной дядя арестован... И если он, Муса, теперь пойдет проситься в колхоз, что скажут парни из колхоза? Что скажет Салимджан? Да и поймет ли его правильно Малика-хола? Можно ли уйти только самому, оставить здесь Хури, чтобы бай немедленно пришел сватать ее за своего идиота Дандирасула? Нет, так поступать нельзя. В этом-то Муса был тверд. Но как поступить, с кем посоветоваться? Зиябек, конечно, хороший товарищ, но он сам еще мало жил и мало видел.

Полутемная джувазхана. Зиябек, уже научившийся гонять джуваз, работает самостоятельно. Муса спит у стены, накрывшись растрепанным ватным одеялом, и лицо его в полумраке страдальческое. Зиябек изредка поглядывает на товарища и вздыхает.

В помещении тихо и душно. Гнедой, посапывая, медленно ходит по кругу, устало передвигая ноги. Белое пятно у него на лбу от пота стало серым. Снаружи не доносится ни звука.

Зиябек вполголоса мурлычет знакомую мелодию, время от времени подбрасывает жмых под ось, но мысли его сейчас далеко-далеко, там, где колышутся в сте-

пи густые травы, где серебряной гладью раскинулось озеро Болтакуль. Там, на берегу озера, есть ветхая юрта чабана, а в этой юрте девушка... Много раз Зиябек катал на лодке Акботу, вместе замирали на качелях в ауле. А однажды в игре «Волки и овцы» «волк» Зиябек похитил «овечку» Акботу, обнял и впервые поцеловал.

А когда он с отцом и Кенджой уходил оттуда, Акбота стояла у юрты и смотрела на них со слезами на глазах...

И джуваз, и озеро Болтакуль, и Акбота были перед глазами парня, и ему захотелось уйти из этого душевного помещения, уйти в степь, на простор, ближе к солнцу. Но туда идти тоже нельзя...

«Хорошо, что есть у меня хороший товарищ, а то бы совсем заскучал», — подумал Зиябек, глянув на спящего Мусу. Да, у Зиябека свои тревоги, своя любовь, свои мечты. И Муса об этом ничего не знает. Он только заводит товарищу: тот смело разговаривает с девушкой — ведь у казахов, как и у русских, парень и девушка запросто шутят на глазах у родителей. Муса так поступить не может, у узбеков другие обычаи.

Муса спит и что-то бормочет во сне, поворачивается на другой бок и опять бормочет, произносит имя Хури и хочет сказать ей о своей любви. Но стесняется.

Зиябек подходит к Мусе — пора его будить, но жалко товарища. Пусть поспит, пусть хоть во сне поговорит с девушкой, расскажет ей о своих чувствах, пусть они вместе помечтают о будущем. Зиябек поворачивается и отходит к джувазу. Теперь его беспокоит мысль об отце и братишке: каково им там, в степи, сыты они или голодны, к какому человеку они попали?.. Лишь бы они были живы и здоровы, а остальное как-нибудь устроится... Как-нибудь... Почему не делается так, как хочется людям? Почему жизнь так жестока и беспросветна?

Ночь подошла к концу, и у парня отяжелели веки. Обмякло усталое лицо, ослабли ноги. Ну, кажется, пора кончать,— масло не капает, все выжато. Зиябек остановил коня и сказал:

— Хватит нам работать. Гнедой, пора отдыхать. И вспотел ты больше меня, бедный. Паршивая у нас с тобой жизнь, просто никудышняя — ни просвета, ни веселья,— Зиябек похлопал коня по крупу, тот повернул к нему голову и шумно вздохнул, будто понял парня.

Освободив коня от упряжи, Зиябек открыл дверь джувазханы и вдохнул полной грудью свежий утренний воздух. На деревьях всюду распевали птицы, словно они собрались на весенний праздник, чистое небо было совсем прозрачное, сквозь него виднелись еще золотые крапинки звезд.

— Муса, эй, Муса!— закричал Зиябек.— Вставай! Уже рассветает. И погода какая хорошая!..

Муса простонал, повернулся вверх лицом, протер кулаками глаза и сказал жалобно:

— Дал бы хоть немножко полежать...

— Раз пришел «Вставай-вставай», сон твой уже убежал... Поднимайся, а то оболью холодной водой.

— Вой-вой! И всегда ты, Зиябек, будишь меня не вовремя, и сейчас не дал досмотреть такой приятный сон...

Муса лениво потянулся, сладко зевнул и вскочил.

— Со своей Зухрой целовался, что ли?

— Нет, дрался с Карабатыром.

— Кто он такой?

— Сам не знаю. С каким-то страшным на лицо человеком дрался. Из-за Хурн...

— То-то во сне ты руками размахивал да ругался. Ну, рассказывай, чем твоя схватка закончилась.

— Ничем. То он меня повалит, то я его. А Хурн в

сторонке стоит ни жива, ни мертва. И ты разбудил меня...

— Оказывается, хорошо я сделал.

— Почему?

— Если бы я не разбудил тебя, этот Карабатыр наверняка насажал бы тебе шишек.

— Нет,— замахал руками Муса,— не насажал... Из-за Хури я бы двух Карабатыров победил...

Они засмеялись.

— Ну, ладно, поверю,— сказал Зиябек.— А теперь я напую джуваз кунжутом.

— А я приведу Серого.

Муса вышел во двор и сразу почувствовал себя бодрым после тяжелого спертого воздуха джувазханы. Он помахал руками, глубоко вздохнул и пошел на конюшню. Вдруг по ту сторону тандыра — летней печи, в которой пекут лепешки,— он увидел человека. Незнакомец медленно передвигал ноги, покачивался. Муса остановился. Он подумал, что это Толбаш, который никогда трезвым не был и часто ходил змеиным следом — туда-сюда, туда-сюда. Пошатываясь, человек через что-то перешагнул, не удержался на ногах и свалился вниз лицом. Человек застонал. Муса испугался.

— Кто вы?— крикнул он.

— И м-м-м...— замычал незнакомец.

— Кто вы такой?— повторил вопрос Муса и, крадучись, подошел поближе. На одежде незнакомца он увидел кровь и перепугался еще больше.

— М-м-м... Зи-я-бек...— простонал человек.

— Зиябек?!— недоверчиво переспросил Муса, подскочил к человеку и повернул голову.— Суюм-ага!— воскликнул он.

— Зиябек...

Муса со всех ног припустил к джувазхане.

Услышав, что отец лежит во дворе, Зиябек побледнел. Подбежав к отцу и наклонившись над ним, он некоторое время не мог произнести ни слова. Потом приподнял голову отца и спросил:

— Отец, что с вами? Кто это вас?..

— Сынок, верблюжонок мой!..— проговорил Суюм-ага и закрыл глаза.

Зиябек и Муса перенесли чабана в комнату Малики. Только что поднявшиеся с постели мать и дочь испуганно жались в угол. Муса быстро постелил одеяло, и они уложили чабана.

Зиябек погладил отца по щеке и опять спросил:

— Отец, скажите же, что случилось?

Суюм-ага с усилием открыл глаза и, еле шевеля губами, произнес несколько невнятных слов, из которых можно было понять только такие:

— Волки били меня!..

Больше парни ничего понять не смогли. Суюм-ага закрыл глаза, лежал он неподвижно и тихо стонал.

— Кто они? Где Кенджа?— допытывался Зиябек, но ответа добиться не мог.

— Боже мой, что творится на белом свете!..— проговорила Малика-хола и принялась хлопотать около чабана: обмывать раны, чем-то посыпать, а голову перевязала чистой тряпкой.

Зиябек стоял и смотрел то на отца, то на хозяйку и вдруг заплакал и выбежал во двор. Муса выскочил за ним.

— Зиябек, ты куда?

— Пойду искать Кенджу!..

— Я с тобой!..

Парни бросились в степь. Было уже совсем светло, и Зиябек хорошо видел капли крови на земле, оставленные отцом, а те места, где он падал или полз, мог не

заметить только слепой. Муса спешил за своим другом и тоже видел эти следы. Парни пробежали перекресток дорог и углубились в степь. А вот и ясно видны следы копыт и большое расплывшееся кровавое пятно. Ясно, что именно здесь произошла трагедия, здесь напали на чабана двуногие волки.

Пока Зиябек и Муса, удивленные, рассматривали лошадиные следы, не понимая, почему Суюм-ага сказал, что на него напали волки, со стороны большой дороги к ним подскакали два всадника.

— Здравствуйте, ребята!— поприветствовал всадник, одетый в кожаную тужурку, в кожаной же фуражке, со строгим взглядом и черными пушистыми усами.

— Здравствуйте,— ответил Муса, отходя в сторону.

— Что вы здесь ищете?

— Э, ака, не спрашивайте. Несчастье у нас,— ответил нехотя Муса.

— А в чем дело?— всадники уже увидели на земле кровь и переглянулись.

— Сегодня ночью тут избили чабана Суюма,— ответил Муса.— С ним был его младший сын Кенджа. Но он потерялся. Вот мы его и ищем.

— А кто такой Суюм-ага, где он работал?

— Он чабан, овец пас.

— Где?

— На озере Айдынкуль, у Балтаходжи.

— Так, так...— Мужчина глянул на своего товарища и продолжал спрашивать:— Еще дети у этого чабана есть?

— Вот его старший сын. Больше нету,— Муса указал на Зиябека, который что-то рассматривал около бурьяна.

— А вы где работаете?

— У Хайдарбая, джуваз гоняем.

— Так, так...— повторил мужчина с усами и спе-

шился. Спрыгнул с коня и его товарищ. Они осмотрели то место, где упал Суюм-ага, зачем-то измерили следы конских копыт, затем проследили за следами маленьких ног, эти следы пропали в бурьяне. Мужчина с усами распорядился, и все четверо разошлись по бурьяну в разные стороны. Вскоре мужчина с усами поднял с земли продавленную домбру, огляделся вокруг, сделал несколько шагов в сторону, остановился и помахал камчой, призывая к себе остальных. Пареньки подбежали и увидели голые ноги мальчика, торчащие из-под куста тамариска. Они испугались и отступили.

Мужчина нагнулся и потихоньку потянул ноги к себе. Мальчик спал, а когда почувствовал, что кто-то его тянет за ноги, проснулся, перепугался и поднял неистовый крик, видимо, предполагая, что ночные всадники снова вернулись.

— Кенджа, ты жив!— обрадовался Знябек и обнял плачущего братишку, приговаривая:— Не надо плакать, я ведь за тобой пришел. И отец живой...

— Правильно, нечего слезы проливать, раз все обошлось,— сказал усатый мужчина. А когда все вышли на дорогу, он, улыбаясь, попрекнул мальчика:— Ты что же это в кусты спрятался? Надо было с врагами драться.

— Да, подерись с ними, когда их много...

— Сколько же их было?

— Двое. На конях.

— А кто они, не знаешь?

— Нет.

Мужчины сели на коней, но не торопились. Тот, что с усами, опять спросил:

— Скажите, ребята, часто ли навещает дом Хайдарбая человек по имени Джавлян? Носит он такую же кожаную тужурку, как у меня.

— Это косо́й, что ли?— вступил в разговор Муса.

— Да, он косит.

— Часто бывает. Вчера он и Хайдарбай вместе поехали к Балтаходже на ифтар.

— На ифтар?— удивились всадники.— Значит, сегодня они должны вернуться обратно. Так?

— Наверное, так.

— Ну что ж, до свидания, ребята! А ты, малыш, не плачь, будь мужчиной,— сказал усатый.

— А вы откуда, дядя?— спросил Зиябек, осмелев.

— Не знаете? Ну, ничего, как-нибудь потом узнаете. А пока до свидания.

Всадники пришпорили коней и ускакали. Пареньки смотрели им вслед до тех пор, пока не пропали с глаз фуражки незнакомцев в той стороне, где уже румяным яблоком выкатывалось в степь горячее солнце. Ребята, конечно, не знали, что с ними разговаривали работники ГПУ, не знали, чем же закончатся эти тревожные и непонятные события, какой стороной повернется их жизнь завтра.

Глава двенадцатая

«Что же это творится на белом свете? То ни за что, ни про что арестовали дядю Аскара, то какие-то два всадника избили Суюма-ага... А кто эти всадники в кожаных тужурках? Почему они нас так настойчиво расспрашивали? А если именно они избили чабана? Тогда почему они к нам отнеслись хорошо, помогли найти Кенджу, не обидели? Но ведь они не открыли своего имени, не сказали, откуда приехали и зачем приехали...»

Муса, следя за джувазом и за лошадью, терялся в догадках, никак не мог разобраться в происходящих событиях. Не мог он решить, как поступить дальше.

Уйти из кишлака? Куда же он пойдет? Нельзя оставлять одних тетушку и Хури, какой-нибудь Толбаш начнет над ними издеваться, и они совсем пропадут. Еще и Суюм-ага попал в беду. А Зиябек и Кенджа? И их нельзя оставлять на произвол судьбы.

В джувазхану вошла Хури, остановилась около двери. Глаза ее были полны слез. Муса глянул на девушку и крикнул:

— Хури?! Что случилось?

Девушка закрыла лицо руками и зарыдала. Муса же смотрел на тонкие косички девушки и представлял себе это милое лицо все в слезах.

Прошла минута, другая, девушка немного успокоилась и спросила:

— Что теперь будем делать, Муса-ака?

— А что, что случилось?

— Суюм-ага без памяти...

— И ничего не говорит?

— Ни одного слова. Все время бредит. Если бы отец был дома...— девушка снова заплакала.

Парню хотелось подойти к девушке, погладить ее, успокоить, но он не мог сдвинуться с места, ноги приросли к полу, и он только сказал успокоительно:

— Ладно, не надо плакать. Что-нибудь придумаем. Иди. Я сейчас приду.

Когда Муса вошел в комнату, вокруг чабана уже хлопотали Малика-хола, Зиябек и Хури. Кенджа с красными от слез глазами сидел в уголке.

Суюм-ага глухо стонал. Он то открывал глаза и обводил присутствующих мутным взглядом, то надолго закрывал их и лежал неподвижно, бледный, словно мертвец. По-видимому, добираясь до дому, он потерял много крови, по дороге держался из последних сил, а потом ослаб и не мог прийти в себя. Малика-хола при-

кладывала к его лбу прохладную мокрую тряпку, давала пить настой каких-то одной ей известных трав и все время охала и вздыхала, но вслух боялась произнести хоть слово. Она думала о том, что и ее мужа, и вот хорошего человека Суюма обижают очень плохие люди, не признающие ни совести, ни аллаха. А кто они такие, она никак не может догадаться...

В комнату неожиданно вошли Джавланбек и Дандирасул. Малика-хола и ребята в знак уважения поднялись им навстречу, а Кенджа, взглянув на Дандирасула, топорливо пододвинулся к Зиябеку и примолк.

После взаимных приветствий Малика-хола пригласила гостей:

— Проходите, присаживайтесь.

Как только гости отошли от двери, Хури, закрыв лицо платком, выскочила во двор, за ней вышел и Муса. Дандирасул проводил их злыми глазами, а Джавланбек, ничего не заметив, наклонился над больным и ласково спросил:

— Что случилось, Суюм-ага? Как вы себя чувствуете?

— Ничего...— довольно внятно проговорил Суюм-ага, уставясь на Джавланбека широко открытыми глазами.

— Ладно, ладно, лежите спокойно. Вам нельзя много разговаривать,— посоветовал Джавланбек и быстро повернулся к хозяйке.— Что случилось, Малика-хола?

— Ночью, когда он шел в кишлак, какие-то два недобряка догнали его на конях и избili. Утром он еле дошел сюда, бедный. Хорошо, что ребята вовремя увидели и занесли в комнату, а то бы он умер, бедняга.

— Два всадника, говорите?— с беспокойством пере-

спросил Джавланбек.— Действительно, негодяи. Он узнал этих бандитов?

— Нет, как можно узнать в такой темноте?— покачала головой женщина.

— И больше ничего не сказал?

— Еще не успели поговорить. Плохо ему...

— И не следует пока заводить с ним разговор — переутомление ему вредно,—«проявил чуткость» Джавланбек. Он прекрасно понимал, что необходимо срочно что-то предпринять, в противном случае чабан может вспомнить всадников, и тогда не избежать беды.

— Пусть лежит, отдыхает,— соглашалась Малика-хола.— Я его травкой полечу.

— Давайте сделаем так,— наконец, принял решение Джавланбек,— я быстренько схожу за табибом. Ну, а больной пусть лежит спокойно, отдыхает. С ним разговаривать нельзя, чтобы не переутомить...

— Вознаградит вас бог за это. Ведь двое детей у бедняги,— сострадательно вздохнула Малика-хола и скорбно посмотрела на бледное, даже синеватое, с подтеками, лицо чабана.

— Договорились. Ты пока иди домой, Дандирасул, я скоро тоже приду,— сказал Джавланбек и торопливо пошел во двор.

После того как Джавланбек и Дандирасул ушли, Малика-хола опять принялась ухаживать за больным, хотя и сдержала свое слово — не разговаривала с ним. Через некоторое время Суюм-ага почувствовал облегчение, боли, хотя и не уменьшились, но голова стала яснее, и он тут же подумал о Джавланбеке: «Где я видел этого человека?»

Суюм-ага обвел взглядом комнату, посмотрел на хозяйку, и чувство благодарности переполнило его сердце, потеплели и увлажнились глаза. «Хорошая, душевная

женщина Малика-хола. Есть же на свете такие чистые, сердечные люди...»

Но мысли чабана опять перескочили на недавних гостей. «Где я его видел? А, вспомнил!..» — чуть не вскрикнул Суюм-ага, но только застонал.

... Ранняя весна. Суюм-ага с сыновьями шагает по степи. Их догоняет всадник. Здоровается.

— Куда путь держите, ака? — спрашивает.

— Идем в колхоз Ленина, — отвечает Суюм-ага.

— Откуда идете?

— С Болтакуля. У Ярыпбая работали.

— Вы не Суюм-ага? — всадник немного косит.

— Откуда вы меня знаете? — удивился Суюм-ага.

— Песни сочиняете, если не ошибаюсь?

— Немного...

— Значит, хотите вступить в колхоз?

— А что, в колхозе плохо?

— Не могу сказать — плохо или хорошо, но дело не испытанное, — юлил всадник. — У вас хорошие дети, боюсь, превратятся в безбожников.

— Как?.. — растерялся Суюм-ага.

— Там все хлебают из одного котла, спят под одним одеялом. Так и превращаются...

— Не бывать там моей ноге, — перебил всадника Суюм-ага, взял за руки сыновей и повернул назад. Но всадник остановил его:

— Куда же вы теперь?

— Где-нибудь подыщу подходящую работу.

— Я вам помогу. В кишлаке Яккатут есть человек по имени Хайдар. Я напишу ему записку. Добрый он человек, и вам не откажет, подыщет работу.

— Спасибо вам, дай бог здоровья...

Так произошла эта случайная встреча. А разгоряченный мозг чабана продолжал восстанавливать и дру-

гне события, в ушах Суюма вдруг зазвучали голоса, услышанные им вчера вечером около юрты Балтаходжи. И один из голосов был очень похож на голос этого, только что здесь разговаривавшего человека. И у того всадника, который написал записку, один глаз немного косит, и у этого человека, который вышел сейчас из комнаты, тоже косит один глаз... А кто же здесь был второй? А не они ли ночью избивали?..

— Волки!.. Негодяи!— закричал Суюм-ага, пытаясь подняться. Но тут же упал на курпачу и потерял сознание.

Зиябек и Малика-хола приняли эти слова за бред и старались, как могли, успокоить больного. А он продолжал твердить свое — то в сознании, то в туманном бреду: «Они арестовали Аскара! Клеветники... Волки... Они воют... Они скалят зубы... Вот они, вот — волки на конях...» Лицо Суюма-ага побледнело еще больше, и синяк на щеке выделялся, как темное пятно на белом снегу. Крупные капли пота скатывались по щекам к шее...

В таком состоянии и застал чабана вошедший в комнату пожилой, с седой бородкой, с огромной чалмой на голове человек. Это был известный в кишлаке таиб-лекарь. «Убийцы!»— вдруг очень громко крикнул Суюм-ага, схватился за грудь, похрипел и умолк.

Таиб медленно, словно крадучись, подошел к больному. Присел на корточки. Долго разглядывал лицо. Потом, не поворачивая головы, обратился к хозяйке:

— Еще что говорил больной?

— Все время кричит: волки, убийцы...

Таиб еще подождал, провел рукой по лицу чабана.

— Хворь у этого человека ушла вовнутрь,— наконец заявил он, хмурясь.— Ну-ка, оставьте нас. Всякий шум и стук больному вреден. И пиалу теплой воды мне.

Ребята вышли во двор. Малика-хола подала лекарю

пиалу с водой и тоже вышла из комнаты, бросив на больного сострадательный взгляд. Доброе сердце женщины сжималось от жалости, и если бы она могла, она сделала бы все, чтобы ему помочь. «Что же будут делать дети без отца?»—горестно размышляла она и не могла найти ответа. Взять их к себе? Но она и сама не знает, как будет жить, если Аскар не вернется скоро.

А табиб в это время, продолжая сидеть на корточках, достал из кармана мешочек, высыпал в пиалу щепотку белого порошка, размешал. Приподняв голову чабана, поднес пиалу к его губам...

— Ну-ка, братец, проглотите вот это лекарство, чтобы аллах вернул вам здоровье. От всех болезней избавитесь... Еще... Еще...

Суюм-ага сделал из пиалы три глотка и уронил голову. Табиб поправил курпачу, поднялся, вышел во двор и выплеснул на землю остаток воды из пиалы, а потом три раза сполоснул ее в арыке.

— Аллах поможет — чабан выздоровеет,— сказал он Малике.— А теперь я пойду. Толбаш пригласил на ифтар. Хоть немного опоздал, но, да простит аллах мои грехи, людям надо помогать...

— Спасибо вам...— Малика-хола вытерла платком слезы.

— Не за что. Утром еще раз загляну. До свидания.

Когда табиб ушел, все, кроме Мусы — он работал в джувазхане,— собрались в комнате. Никто не произнесил ни слова — табиб ведь сказал, чтобы больного не тревожили, ему нужен покой. А Суюм-ага скоро успокоился: не кричал, не бредил, даже не ворочался. Но лицо его синело все больше. Малика-хола перепугалась и послала Зиябека за конюхом Мирзараимом. Мужчинна в доме — половины беды нет.

Мирзараим пришел скоро. Ни слова не говоря, при-

сел около больного, посмотрел на лицо, пощупал ноги и руки и сказал, покачав головой и молитвенно проведя по лицу ладонями:

— Бедный Суюм-ага уже отдал богу душу...

И Малика-хола, и Зиябек с Кенджой, пораженные, молчали. Только переглядывались. И лишь тогда, когда Мирзараим перевязал подбородок усопшего белой тряпкой, Зиябек и Кенджа с плачем бросились к отцу.

Но испытания бедняков не кончаются и после смерти.

Глава тринадцатая

Дом Толбаша находился на краю кишлака, и лучшего места нельзя было выбрать, чтобы устроить встречу. То, что Суюм-ага остался жив и мог выдать бандитов, весьма встревожило гостей Балтаходжи, и требовалось срочно посоветоваться с хитроумным Джавланбеком.

Собрались под вечер. Хайдарбай и Садиваккас пришли встревоженные, даже испуганные, поминутно оглядывались — не следит ли кто за ними. Балтаходжа приехал на лошади. Приветствие он прокричал почти на всю улицу — по мнению Хайдарбая, этот человек скоро должен накликать на себя беду. Джавланбек, как обычно, появился неожиданно, никто не заметил, откуда и как он пришел.

Толбаш встречал гостей уже навеселе, его не особенно беспокоили тревоги, но и на подлость любую он мог пойти без уговоров. С красными глазами и опухшим лицом, он не особенно вслушивался в рассуждения других баев, он ждал распоряжений.

Гости, поджав ноги, сидели на застеленном курпачами полу, перед богато уставленным дастарханом —

тут были и кишмиш, и конфеты, прошлогодний виноград и свежие яблоки. Гости пили чай в ожидании плова. Молчание длилось уже долго. Джавланбек отставил пиалу и сказал:

— Ну, что затревожились? Нечего пугаться. Я послал к этому сочинителю Маразика-муллу. Щепотки белого лекарства достаточно, чтобы он отправился в дальнее путешествие по небесам. Там он будет распевать свои песни. Так что беспокоиться особенно не стоит.

— Понятно, племянничек,— вкрадчиво вступил в разговор Хайдарбай.— Но нас не только это беспокоит, я вам скажу. Вон Саттар Абдунаби, Мирсултан со своими сыновьями на днях перешли в колхоз. В наш кишлак зачастил Салимджан-комсомол, он сбивает с пути молодежь. Что же будет дальше?

— Дальше ничего не случится, если мы будем твердо стоять на ногах,— подхватил Джавланбек, уже начиная раздражаться. «Олухи,— думал он,— раскисли. Вам улицы подметать, а не власть устанавливать». А вслух получал:— Они агитируют, и вы агитируйте. При Советской власти у всех одинаковые права...

— Права-то одинаковые, да силы разные,— бросил реплику Балтаходжа.

Джавланбек не обратил внимания на реплику, продолжал:

— Середняк-дехканин может и не вступать в колхоз, может остаться единоличником. Об этом сама власть говорит.

Долго молчали, прихлебывали чай. Послали Толбаша посмотреть, не подслушивает ли кто. Потом опять молчали не менее получаса, каждый обдумывал свое шаткое положение, прикидывал, как придется отвечать за агитацию против колхоза. А отвечать никому не хотелось.

Видимо, почувствовав мрачное настроение баев, Джавланбек заговорил более решительно:

— Вот мы, несмотря на то, что занимаем ответственный пост в районе, неоднократно открыто говорили, что в условиях Средней Азии у узбеков, казахов, киргизов, туркменов, занимающихся животноводством, колхозный строй неприемлем. И вы думаете, в этой борьбе мы одиноки? Слава аллаху, у нас есть свои люди в верхах, а в Болтакуле — Ярлыкап, в Карачике — Самандарбай, в Чубанаке — Кулахмед, в Коризе — Карим-пятидесятник. Всех вы хорошо знаете. И если мы все поднимемся, то эти самые колхозы разлетятся, как пух от ветра.

Джавланбек, конечно, не сказал, что кроме баев в кишлаках много бедного народа, а бедняки — за колхозы, за Советскую власть. И их в сотни, тысячи раз больше, чем баев. Толбаш же с Садиваккасом об этом и не задумывались, они просто верили представителю из района, который, мол, знает лучше обстановку и силы своих сторонников. Приободрились и Балтаходжа с Хайдарбаем. Бай из Яккатута даже размечтался. Наступит, мол, время, когда он не будет заискивать перед босьяками, можно будет не шептаться в темных углах. Всех колхозников они привяжут к хвостам коней и поволокут по степи, а остальных босьяков заставят работать до изнеможения. Тогда всякие мысли о равноправии вылетят из их головы. Никого не спрашивая, он женит Данди-расула на этой строптивой девчонке Хури, а если этот молокосос Муса встанет на дороге, его можно будет взять за ухо и вышвырнуть из кишлака, как кутенка.

Джавланбек дал возможность баям помечтать, утихомирить страх, а потом решил заставить подумать о практических делах.

— Все это хорошо, но сама по себе победа не придет. Надо ухо держать востро, самим быть проворными.

ми.— Он улыбнулся и подмигнул косящим глазом куда-то в сторону.— Скоро в колхоз Ленина придет трактор. Вот тогда начнется схватка!

— А что за зверь этот трактор?— растерянно спросил Хайдарбай.

— Трактор — машина. Она пашет землю.

— Выходит, железный вол? Ой-бо...

— Правильно. Вол Октября,— ухмыльнулся Джавланбек.— Да, чуть не забыл. Как зовут вашего джувазщика, уважаемый Хайдарбай, кажется, Мусой?

— Есть такой.

— Вот его и записали учеником тракториста...

— Толбаш говорил...

Хайдарбай понял, что «племянник» всячески хочет ему помочь безболезненно удалить парня со двора, развязать руки. Бай благодарно закивал головой.

А Джавланбек спокойно продолжал:

— Тракторы двигаются на ламповом масле — керосине. Так вот,— Джавланбек стал говорить тише,— трактор, который придет в колхоз Ленина, надо изжарить на собственном масле...

Баи разинули рты — уничтожить машину не то, что прикончить какого-то батрака, дело это сложнее и опаснее. Даже решительный Балтаходжа застыл с пиалой в руке.

— Недавно в Карачик тоже пришел такой вол. Люди Самандарбая обложили его сеном и подожгли...

— Трактор?!— с изумлением воскликнул Толбаш.— Если так, то и мы не хуже людей Самандарбая... Этого вола...

— Братец Толбаш,— перебил его Джавланбек,— ты не обижайся, я скажу о твоей плохой привычке. Если ты хоть немного выпьешь, то забываешь самого аллаха. Об осторожности совсем не думаешь.

— Когда это я поступил неосторожно?

— Два молодца не могли прикончить одного старого чабана...— Джавланбек сокрушенно покачал головой.— Не смогли...— повторил он ехидно,— и чуть не попались. Толбаш покраснел и отвернулся.

— Кроме того, сейчас надо забыть слова «бедняк» и «бай». Вы, дядя, теперь не Хайдарбай, а просто Хайдар-ака. Поняли?

Хайдарбай растерянно провел по лицу ладонями, сотворил молитву. Понстине настали страшные времена, каждый день приносит какое-нибудь горе, что-нибудь неожиданное. Хайдарбаю вдруг показалось, что вместе со словом «бай» у него отнимают все богатство, весь почет.

— А если я не хочу?!— заорал Балтаходжа, но тут кто-то постучал в окно, и баи застыли, переглянувшись.

Вскочил Толбаш.

— Не беспокойтесь, ведь здесь идет святое угощение ифтар,— сказал он и пошел открывать калитку.

Но в комнате все равно установилась настороженная тишина. Баи застыли, кто с пиалой в руке, кто повернув голову к двери и так оцепенев. Все чутко прислушивались к любому шороху. А со двора не доносилось ни звука. Это еще больше взволновало всех.

Наконец дверь в комнату отворилась и вошли Толбаш и таиб Маразик-мулла. Раздался вздох облегчения.

— Ну как?— сразу задал вопрос Джавланбек, не дав гостю даже сесть и отдышаться.

— Не беспокойтесь, почтенный, все в порядке,— с трудом, тяжело дыша, проговорил Маразик-мулла.— Аллах милостив. Надеюсь, завтра утром будете приглашены на похоронную молитву.

— Слава аллаху...— пробормотали вместе баи.

— Теперь мне надо уходить,— сказал, поднимаясь, Джавланбек. А увидев недоуменный взгляд хозяина дома, пояснил:— Угощения я попробую в другой раз. Но теперь я буду появляться в Яккатуте реже. В вашем кишлаке появились чужие подозрительные люди...

— Наш почтенный правду говорит,— подтвердил и Маразик-мулла.— Мне навстречу из тьмы явились двое чужаков, когда я спешил на благословенный ифтар. Как два шайтана глянули на меня и пропали. Не ходили ли они вокруг этого дома?

Джавланбеку показалось, что до его тела дотронулись куском льда. Но он превозмог страх: здесь нельзя показывать свою слабость, можно потерять власть над людьми.

— Место труса в преисподней, говорят мудрые люди,— пошутил Джавланбек и попрощался.— Оставайтесь с миром.

Без Джавланбека гости еще посидели немного, но разговор не получался, все втихомолку поглядывали на окна, прислушивались и, наконец, стали расходиться. Балтаходжа и Садиваккас уехали на лошадях, Хайдарбай и Маразик-мулла отправились домой пешком. Шли молча. Говорить о деле на улице опасно, болтать же попусту не было настроения. Вот уже и улица, на которой они живут. Но что это? Впереди качается большая тень человека. Она приближается. А вокруг темно и пустынно, как в степи. У Хайдарбая и Маразика-муллы подкосились колени, а на пути, как назло, глубокий арык, через него переброшено бревно, вместо мостика. Бай и мулла остановились и начали уступать друг другу дорогу.

— Пожалуйста, домумла-почча,— еле шевелил губами Хайдарбай, а сам со страхом глядел на человека, который тоже приближался к арыку.

— Нет-нет, все-таки вы бай...— Маразик-мулла тоже вглядывался в приближающегося человека и старался догадаться, чужой он или из этого кишлака.

Пока они уступали друг другу дорогу, старались скрыть испуг, человек быстро подошел к арыку, пробежал по бревну и громко сказал:

— Бай-ота!

— Ох, это ты, Мирзараим?!— обрадовался Хайдарбай и тут же набросился на батрака:— Ты чего бродишь ночью, да еще один и так поздно!

— Вас искал, бай-ота. По велению аллаха Суюмага скончался...

— Когда?— поинтересовался Маразик-мулла.

— Недавно я перевязал ему подбородок.

Они присели на траву возле арыка и прочитали молитву по душе покойного.

— Время позднее,— сказал мулла, поднимаясь,— покойника беспокоить не следует. Лучше зайти пораньше утром. Как вы считаете, почтенный Хайдарбай?

Мулла выручил бая, и они скорехонько разошлись по домам.

Придя к себе, Хайдарбай пожалел, что не посоветовался с «племянником» относительно женитьбы Данди-расула на Хури. А теперь жди, когда он еще появится в кишлаке, к тому же он чем-то сильно обеспокоен, и ему, видно, не до мелких дел. Может быть, посоветоваться с женой? Но один раз он уже попытался это сделать, так Бибисара ему сказала ласково: «Это пустой разговор, отец. Хотя наш сын уже возмужал, но до женитьбы ему еще далеко. Если насильно отберем прекрасную девушку у бедного человека, еще один грех возьмем себе на душу». Все становятся самостоятельными, у каждого свое мнение. Невозможно управлять людьми, если они начинают думать и сами решать, как

ним поступить. Конечно, Дандирасул не умеет даже поговорить с девушкой, мысли в голове его иногда вертятся не в ту сторону, но ведь этот босяк Муса вот-вот должен уехать в колхоз, и лучшего момента может не быть.

Хайдарбай разделся и лег в постель. Дневные тревоги утомили его, и он быстро заснул. И всю ночь над его головой стояли Ярлыкап из Болтакуля, Самандарбай из Карачика и Қарим-пятидесятник из Қариза. «Поднимайся, Хайдарбай! Хватит тебе спать. Началась священная война — газават. Вставай!» — кричали они по очереди и все вместе. Хайдарбай пытался встать, но все тело так расслабло от страха, что он не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, не мог сказать ни одного слова, будто язык прилип к деснам. Только перед рассветом он, наконец, собрался с силами, рывком сел и увидел, как Бибисара толкает его в плечо, и услышал привычные слова, которые жена говорила ему каждое утро:

— Вставайте, отец, уже светает. Пора утреннюю молитву читать.

Хайдарбай вытер потный лоб. Встав на коврик, он подумал о том, что теперь и во сне ему не будет покоя, война хоть и не началась, но она, кажется, идет и сейчас, только скрытая, и как она кончится — неизвестно. Вздыхнув, Хайдарбай плюнул себе на грудь и зашептал молитву.

Однако и молитва не облегчила его душу. Трудные, опасные пришли времена.

Глава четырнадцатая

Прошло два дня после того, как был похоронен чабан Суюм.

Арест Аскара и смерть чабана встревожили всех жи-

телей кишлака. Разговоры и пересуды велись в каждой кибитке, люди недоуменно спрашивали: «Как могло случиться, что такой смиренный человек, как Аскар, мог поднять руку на Шарифа-Ячейку? За что убили чабана Суюма? Кто убил!» Но ответа на эти вопросы дехкане не находили.

Думал о трагических событиях и Муса. Шагая за конем в джувазхане, он тоже задавал себе десятки вопросов, но ответить, конечно, не мог, на душе было тревожно и темно, как внутри прокопченной джувазханы. И самый главный вопрос был: что делать?

Уставший, невыспавшийся, он зевал до боли в скулах. А джуваз монотонно поскрипывает, равномерны шаги коня, слышится его тяжелое дыхание, и, казалось, весь мир так же натужно дышит, и люди мечутся, ища ответа на бесконечные вопросы.

Пришел Зиябек. После смерти отца юноша поник. Глаза его еще больше сузились, щеки побелели, у краешков губ появились скорбные морщинки. Теперь он старший, должен кормить и себя, и братишку.

— Ты зачем пришел?— спросил Муса.

— Дай я поработаю. Ты устал, всю ночь на ногах...

— Я пока не особенно устал,— попытался обмануть товарища Муса.— А ты, посмотри, за два дня стал на себя не похож.

— Не могу сидеть один, братец Муса. Плачь, не плачь, все равно отца не вернешь... На работе легче...

— Ну, ладно,— Муса широко и затажно зевнул и улыбнулся.— Никак не удержишься, понимаешь, рот сам раскрывается... Давай немного поговорим с тобой, меня тоже мучают вопросы...

— О чем говорить? Все равно на эти вопросы мы не ответим.

Они помолчали. Зиябек присел в уголке, склонил голову. Муса все еще шагал за лошадью.

— «Кто чище перла, кто душой — рубин, бывает жертвой гибельных лавин», — снова заговорил Зиябек. — Такие стихи часто читал мой отец. И вот он, честный и чистый, погиб... Потому что он не защищался и не напал, так? Кто побеждает в драке? Кто сильнее и хитрее и за правду дерется. Так?

— Правильно, братец, правильно! — повеселел Муса.

— А мы не умели драться... — опять опустил голову Зиябек.

— Тоже правильно, — грустно подтвердил Муса.

Скрипел джуваз, вздыхала шумно лошадь, которая при свете копилки казалась огромной темной тенью. Словно тюремная камера, была отделена от мира толстыми стенами джувазхана, но ветер жизни проникал и сюда и заставлял беспокоиться и размышлять юношей. Вихрь подхватил их и бросил в самую гущу борьбы.

Теперь разговор шел с длинными паузами. Муса спросил:

— Ну, как, домбру починил?

— Починил, — ответил Зиябек, не поднимая головы. — Только вот кто теперь будет играть на ней...

— Сам будешь играть, — заверил Муса.

Но Зиябек не оговаривался. Мысли, удушливые, тяжелые, как плиты жмыха, давили на него. Юноше хотелось отделаться от них, не думать ни о прошлом, ни о будущем, но не думать было невозможно, надо было решать, как жить дальше, кровь отца требовала ответа... Где эти гады, кто они? За что убили чабана, который за всю свою жизнь мухи не обидел.

Муса еще раз прервал мысли Зиябека:

— Как ты думаешь, братец, кружась вокруг джуваза, сколько верст за один день мы проходим пешком?

— Кто его знает,— отмахнулся Зиябек.

— Я думаю, каждый день мы проходим пешком в два раза больше, чем от нас до города Туркестана.

— Не только до Туркестана, могли бы до самого Ташкента добраться. А если мы все время будем вот так кружиться вокруг джуваза, то, наверное, никуда не доберемся. Надо действовать! — подняв голову, сердито сказал Зиябек. Глаза его заблестели. Рассудительный Зиябек никогда не говорил так горячо и со злостью. Может быть, это смерть отца его так изменила. Наверное, он начал понимать, что происходит вокруг, догадался, с кем надо драться, чтобы не было больше горя...

— Верно говоришь,— согласился Муса.— Мой дядя Аскар тоже всю жизнь кружился вокруг этого джуваза и все же остался ни с чем. Нам по-другому надо жить... Как-нибудь покинуть байский двор...

— Как?

— У меня есть план. Я все равно уйду отсюда.

Зиябек вскочил, подбежал к товарищу.

— Куда?

— В колхоз.

— Там есть у тебя знакомые?

— Есть один парень. Салимджаном зовут его. Он комсомолец. В колхозе, он говорит, очень хорошо. Работы, говорит, уйма. А ты не слышал — на собрании колхозников Шариф-Ячейка записал меня подручным тракториста? Говорят, на этой неделе придет трактор. Как поступлю на работу, так возьму отсюда тетюшку и Хури. А ты со мной пойдешь?

— Не знаю.

— Как это не знаешь? — Муса даже приостановился.— Тебе еще не надоело кружиться днем и ночью вокруг байского джуваза?

Когда открылась дверь и поток света хлынул в темное помещение, они вздрогнули. Вошел пьяный Толбаш с бутылкой в руке. Перешагнув через порог, он остановился и долго покачивался на месте, ждал приглашения, но ни Муса, ни Зиябек не проявили гостеприимства, хмуро смотрели на непрошеного посетителя. Равнодушные и даже неприязнь ребят возмутили пьянчужку, он заскрипел зубами, сделал шаг вперед и заорал бизгливо, со злостью:

— Что, я съел, а вам не досталось, что ли?

— Мы что-то сделали плохо?— спросил спокойно Муса.

— А чего нахмурились?— спросил Толбаш, видя, что пареньки не особенно-то его испугались.

— Ака, при виде вас мы должны улыбаться? — голос Мусы дрогнул, и тут Зиябек понял, как тяжело сдерживаться его другу.— Ей-богу, надоело...

Муса не закончил фразу, Толбаш прервал его, сделал еще шаг и спросил, ехидно прищурясь, вкладывая в слова все презрение хозяина к батракам:

— Надоело пить масло, что ли?— Не то от того, что он был сильно пьян, не то был очень обижен непочтительным приемом, Толбаш вдруг выпучил глаза и опять заорал что есть мочи:— Значит, масло пить надоело, сукин сын?

Зиябек не вмешивался в перебранку, но он вздрагивал от нетерпения и обиды, ему захотелось стукнуть разок этого нахала, да так, чтобы он долго помнил. Он глянул на Мусу. Но друг по-прежнему держался спокойно, не сжимал кулаки и не боялся, как прежде, говорил тихо, но четко:

— Масло я не пью. Чужое никогда не беру.

— А кто же пьет?

— Бай пьет, вы пьете.

— Я пью?

— Не орите на меня.— Муса указал на бутылку, принесенную Толбашем для масла.— Для кого же вы хотите налить масла в эту бутылку, для меня?

Толбаш растерялся. Постоял, покачался и вдруг швырнул на пол бутылку и бросился с кулаками на Мусу.

— Я вот тебе дам «не ори»...

На Муса перехватил занесенную руку, крепко сжал и крутнул назад так сильно, что Толбаш отлетел в сторону.

— Не бросайтесь куда попало. Можно руки поломать. А они вам еще могут пригодиться...

— Щенок!— завизжал Толбаш, но попятился ближе к двери.— Гонять джуваз надоело? Пить масло надоело? Убирайся отсюда, убирайся!

— А что ж, могу и убраться.

— Вон!

— Хорошо, я уйду,— решительно сказал Муса, не торопясь положил ступу, остановил джуваз.— Теперь, если вам потребуется масло, гоняйте джуваз сами.

— Сам буду гонять.

— Вот и хорошо, руки игодились,— Муса вроде улыбнулся даже и подмигнул Зиябеку.— Буланого распрягать не буду, вы ведь теперь заступите на смену...— насмешливо проговорил Муса и вышел из джувазханы.

— Подлец!— орал ему вслед Толбаш, топая ногами, как молодой петух.— Кроме тебя на свете людей нет, что ли? Не ты, так Зиябек будет гонять. Еще посмотрим, какой из тебя получится тракторист!..

«Вон оно что!— подивился про себя Зиябек.— Еще посмотрим, говорит. Значит, они уже примирились с тем, что Муса уйдет в колхоз. А я буду гонять джуваз

за двоих? Это мы еще посмотрим...»— Зиябек глянул на бушующего пьяного Толбаша и усмехнулся.

* * *

Хури сидела у окна, вышивала тюбетейку и тихонько напевала грустную песенку. Столько несчастий обрушилось на их дом, что девушка не знала бы, что делать, если бы рядом не было спокойного Мусы. Мысли о нем всегда радовали и успокаивали Хури. Вот и сейчас, любовавшись красивым узором, она надела тюбетейку себе на голову, подошла к зеркалу и вообразила, что перед ней Муса.

— Поздравляю вас с новой тюбетейкой, Муса-ака,— сказала она. И сама же ответила измененным голосом:

— Спасибо, Хури.

— Она вам очень идет.

— Потому что она вышита вашими руками, милая.

— Ну вас! Какая я милая?— Хури сложила губы бантиком и передразнила мнимого Мусу.

А в это время в комнату вошел настоящий Муса. Увидев его в зеркале, Хури сорвала с головы тюбетейку, закрыла ею лицо, однако одним глазом продолжала наблюдать за юношей.

— Зачем вы прячете тюбетейку?— спросил Муса и подошел ближе.

— Я вышивала ее для вас...— тихо проговорила Хури и покраснела. Затем повернулась, быстро надела на Мусу тюбетейку, сказала:— Как она идет вам...— и вернулась.

— Ведь вашими руками она вышита, милая...

— А ну вас...

— Взгляните на меня еще разок, Хурихон...

Девушка опять вспыхнула. «Разве обязательно смот-

реть в глаза?— подумала она.— Или он что-то хочет сказать? Так пусть говорит, я слушаю...»

А Муса смотрел на косички девушки, на покрасневшее маленькое ухо, на такие беспомощные, узенькие плечи и понимал, что не сможет выразить свои чувства словами, не сможет сказать того, что хотелось бы, какая-то сила удерживала его. Может быть, это было оттого, что его наполняла удивительная радость — он разговаривает с Хури, он рядом с ней, и она для него вышивала тибетейку, а это значит, что он ей правится.

— Скажите же что-нибудь,— попросила Хури и тихонько засмеялась.

А у Мусы отнялся язык. Он стоял неподвижно, замороженный. И не мог найти ни одного подходящего слова.

За дверью послышались шаги.

— Отойдите, мама идет,— строго сказала Хури и принялась за уборку комнаты.

Муса послушно отошел к двери и сел на топчан. Малика-хола вошла в комнату и сразу же заметила на голове юноши тибетейку. Она отметила про себя и его растерянный вид, и смущенные глаза, но ничего не сказала.

— Доченька, что ж ты самовар не поставила?— напомнила она.— Пусть Муса после работы выпьет чаю. Он устал ведь...

Хури мигом подскочила к двери, но Муса сказал:

— Тетя, мне надо с вами поговорить.

Хури настороженно остановилась. Малика-хола удивилась, отошла к окну и присела. В степенном и очень серьезном голосе парня было что-то тревожное, он никогда так смело, по-взрослому не разговаривал.

— Ну, говори, сынок!

— Я уйду отсюда,— сообщил Муса и опустил голову. Взглянуть на Хури или на тетушку он не решился — кто его знает, как они воспримут его поступок.

— Уходишь?! Куда же?— Малика-хола всплеснула руками и скорбно поджала губы. В глазах ее металось смутнение — что же они с дочкой будут здесь делать, кто их поддержит? Муса хоть и молодой, но все же мужчина.

— Я давно решил. Но никак не выдавался удобный случай. А сегодня такой случай подвернулся.

— Какой же?

— С Толбашем поссорился.

— С Толбашем?

— Да.

— Зачем тебе надо было, сынок, связываться, с этим негодяем?

— Я его не задевал. Он зашел в джувазхану пьяный, назвал меня сукиным сыном. Орал на меня, выгонял.— Муса вскинул голову, вскочил.— До каких пор мы будем терпеть оскорбления от этих негодяев! Дядя Аскар всю жизнь кружился у джуваза, не перечил хозяину, а где оказался?

На глазах Малики-хола появились слезы.

— Твой дядя упрямый, как козел,— сказала она, всхлипывая.— Сколько раз я просила уйти — не соглашался. И вот оставил нас, привязанными без нитки.

— Слезами делу не поможешь, тетя. Я подышу работу и возьму вас отсюда. Мой друг Салимджан так же советует. А пока крутить джуваз будет Зиябек.

— Куда же решил идти?

— В колхоз Ленина.

— Не знаю, сынок, не знаю...— Малика-хола покачала головой, сложила руки на груди. Много разных толков было о колхозе, и она не знала, кому верить.

— В колхозе будет лучше,— уже настойчивее заговорил Муса.— Многие туда ушли из кишлака. И никто обратно не хочет уходить. Если бы там было плохо, они не вернулись бы, что ли?

— Когда же собираешься уходить?— совсем упавшим голосом спросила Малика-хола и с жалостью посмотрела на присмирившую дочь.

— Если вы разрешите, то хоть сейчас.

— Не могу я тебя удерживать, сынок...

— Значит, договорились. Только об этом разговоре никто не должен знать.

Муса начал одеваться. Однако Малика-хола замаха-ла руками.

— Обожди, сынок, обожди. Дочка, я же сказала: надо самовар поставить. Пошевеливайся, пусть твой Муса попьет на дорожку чаю...— Она с умыслом произнесла «пусть твой Муса», чтобы Хури поменьше печалилась и надеялась, что юноша обязательно придет за ними, когда устроится на работу. Девушка ничего не сказала, выбежала из комнаты.

Уже перевалило за полдень, когда Муса, попив чаю, распрощался со всеми, кинул чапан на плечо и отправился в дорогу. Хури стояла у калитки до тех пор, пока он не скрылся за поворотом улицы. Солнце палило по-летнему, листья высоких тополей, росших по обеим сторонам улицы, были покрыты пылью, и дорога вилась неизвестно куда...

Ни Муса, ни Хури не знали в этот день, что их ждет завтра, какие еще испытания уготовила им судьба.

Глава пятнадцатая

Добрая и заботливая Малика-хола, проводив Мусу, не находила себе места, словно потеряла родного сына. «Бедный мой сынок,— вздыхала она,— с кем ты встретишься, кого тебе придется умолять, чтобы дали работу? Сможешь ли ты умиловить хозяина? Помоги, аллах, чтобы голова твоя была цела. Парень ты ловкий, наверное, найдешь свое место среди хороших людей...» — утешала она себя.

На другой день Малика-хола сидела у окна и пришивала заплатку к рубашке Кенджи. Хури тоже что-то шила для себя, сидя в сторонке. Мать и дочь за целый час не обмолвились ни одним словом. Малика-хола хорошо понимала, как трудно дочери, может быть, труднее, чем ей самой — ведь она молода и терпения у нее мало. Тетушка, конечно, давно заметила теплые отношения племянника и дочери, но не высказывала ни одного слова поощрения или недовольства — пусть сами поймут друг друга по-настоящему. В душе же Малика-хола с большим удовольствием поженила бы их. И если бы не арест мужа и смерть Суюма, ставшего почти родным человеком, свадьба, наверное, уже состоялась бы, и можно было только радоваться и ждать внука.

Но почему-то все вокруг делается не так, как хотелось бы. Словно кто-то злой рукой поворачивает события против людей, пригоршнями разбрасывает по домам горе... «А не ушел ли Муса к себе домой в Кориз? — усомнилась женщина. — Слишком много поселилось в нашем доме несчастий... Нет, нет, — запротестовала она. — Не поступит он так, он хороший...»

Малика-хола испугалась своих мыслей, вскинула голову, посмотрела на дочь. Девушка сидела бледная, вяло, с неохотой перебирала пальцами.

— Отчего ты, дочка, сегодня такая невеселая?— спросила Малика-хола, хотя и догадывалась о причине грусти девушки.— Даже слова не вымолвишь?

— Так,— пожала плечами Хури.

— Опечалена уходом Мусы?— улыбнулась Малика-хола.

Хури покраснела и отвернулась, еще ниже опустила плечи.

— Нет...

— Так что же с тобой?!

— Не знаю. Странно у нас в доме сегодня, тихо и печально.

— Наверно, оттого, доченька, что мы соблюдаем уразу. Когда человек хочет есть — ему не до шуток, не до смеха...

— Как я хотела бы, чтобы было так, как вы говорите...

Со двора вбежал Кенджа и уже с порога закричал:

— Рубашка моя готова?

— Готова, мой верблюжонок, готова. Вот, одевай.

Кенджа начал снимать грязную рубашку и зацепился ею за треугольный амулет. Хури хихикнула. Малика-хола тоже засмеялась и спросила:

— Кто это дал тебе амулет?

— Отец,— ответил Кенджа.

— Где же вы взяли его?

— Сам написал на пастбище.

— Сам написал?— притворно удивилась Малика-хола. Все, и она в том числе, знали, что Суюм-ага был грамотный.

— Я видел.

— Как же он писал?

— Карандашом по бумаге. Вот так,— Кенджа показал, как писал отец, но получилось неумело и смешно,

и женщины засмеялись громко, приведя в смущение мальчика.

Со двора донесся знакомый кашель. Малика-хола это покашливание узнала бы за версту — пришел бай. Она быстренько одела мальчика и поднялась.

— Малика-хола, вы дома? — слышался со двора ласковый голос Хайдарбая.

— Заходите, бай-ота, заходите, — пригласила Малика-хола хозяина и подумала: «Что это бай начал называть меня на «вы?» Или придумал какую-нибудь пакость?..»

— Вой-вой, проклятая спина даже шевельнуться не дает, — входя, пожаловался бай и, побряхтывая, прошел на почетное место. Садясь, он держался за спину. — Сотвори, аллах, хорошие свадьбы. Аминь. — Бай провел ладонями по лицу. — Как поживаете, как самочувствие?

— Слава аллаху... — Малика-хола скромно стояла у стены, а Хури с Кенджой пододвинулись ближе к двери.

— По воле аллаха порядочно уже истекло времени после ареста нашего Аскара. Жизнь течет быстро, как вода в арыке. — Бай пытался выразить сочувствие, но скоро понял, что только растревожил рану женщины, и решил выкрутиться: — Терпение нужно нам, терпение, говорят, золото.

Женщины молчали. Бай исподлобья обвел взглядом комнату, оглядел хозяйку и ее дочь. «Нет, не то уважение, не то смирение у этих голодранцев, — зло подумал он. — Но надо терпеть, не подавать виду, родство с батраком при новой власти обязательно зачтется... Пусть знают, что Хайдарбай не дурак...» Кроме того слух прошел по кишлаку: якобы, скоро должен вернуться домой Аскар. Поэтому надо торопиться. С женщинами-то он, Хайдарбай, как-нибудь справится, а с Аска-

ром, после тюрьмы, разговор будет особенно тяжелым, и удастся ли его сломить — бабушка надвое сказала. Пусть лучше вернется к накрытому дастархану.

Бай долго молчал. Малика-хола незаметно подала дочери знак уйти. Хури на цыпочках выскользнула в дверь, за ней шмыгнул и Кенджа.

Наконец Хайдарбай, степенно откашлявшись, как ни в чем не бывало, продолжал разговор:

— Ну-ка, Маликахон, присаживайтесь, да ко мне поближе.— Улыбнулся.— И не надо, скажу я вам, спрашивать, зачем я пожаловал.

— Зачем же пожаловали, бай-ота?— спросила Малика-хола вежливо, но приглашение не приняла, осталась у стены.

— Э-э-э, скажу я вам, не называйте меня больше баем-отцом. Времячко не такое, да. Явился я сюда, скажу вам, с добрыми намерениями.

— Что за намерения, бай-ота?

— Э, я же сказал, не называйте меня так.

— Хорошо, больше не буду, бай-ота.

— Опять... Ну, ладно. Мне нечего от вас скрывать, к вашим дверям я ступил доброй ногой, Маликахон.

— О чем вы, бай-ота? Не поняла я...— старалась выиграть время женщина, прийти в себя от неожиданного появления хозяина. Она прекрасно знала, зачем он пришел.

— Так вот, если скажу я вам,— бай потер ладони,— аллах дал вам дочь, а нам — сына. Такой разговор...

Малика-хола ожидала, что подобный разговор произойдет и все же оцепенела. Справившись немного с волнением, она тихо ответила:

— Теперь поняла, бай-ота.

— Вот и прекрасно. И разговор-то всего-навсего на песколько минут...— обрадовался бай и опять потер ла-

дони, но Малика-хола, не глядя на хозяина, так же тихо, нерешительно сказала:

— Ничего не получится, бай-ота...

Хайдарбай застыл с недоуменным выражением лица, даже растерянным, он никак не ожидал подобного ответа от жены своего послушного батрака. И неуверенно спросил:

— Э, почему не получится?

— Потому не получится, бай-ота,— уже смелее ответила Малика-хола, когда увидела, что бай юлит,— не получится потому, что мы бедные люди, а вы богатые.

— Э, я ведь сказал, что сейчас другое время: нет ни богачей, ни бедных. А если вы имеете в виду расходы, связанные со свадьбой, то, я вам скажу, можете не беспокоиться. Все расходы я беру на себя. Мне нужно ваше согласие.

— Как можно вести разговор о свадьбе, когда отец девушки сидит в тюрьме? И Суюм-ага только что умер — траур ведь у нас...— глаза женщины наполнились слезами.

— Э, какая вы чудачка? Умершего уже не воскресишь, помоги аллах оставшимся.

Но Малика-хола уже плохо слушала хозяина, она была возмущена: можно ли так попирать священные обычаи предков! Кто ему дал право издеваться над мертвыми? Есть у человека хоть немного совести?!

— Что хотите говорите, бай-ота, но я, похоронив вчера человека со своего двора, сегодня не могу играть свадьбу,— сказала Малика-хола решительно, как никогда не говорила ни с мужем, ни с соседями, а тем более с хозяином.

— О ком вы речь ведете? Не о Суюме ли казахе?

— Казах он или узбек — для меня все равно. Он был человеком и другом моего мужа — это важно.

Хайдарбай позеленел. Однако сдержал себя, не дал волю языку. Только подумал со злостью: «Черт возьми, и бабы стали выходить из подчинения. Напасть, большевистская напасть! И жена, и эта батрачка свое мнение теперь имеют!»

— Вы хорошенько подумайте, прежде чем говорить, Маликахон,— посоветовал бай.— Слава аллаху, вы сидите на святом месте, я вам скажу, едите досыта, пьете масло...

— Какое масло? Был у нас Муса — единственная опора, и того вчера Толбаш обругал и выгнал.

— Я этого негодяя Толбаша отругал как следует. Он, оказывается, пьяный был. Это мы все уладим, только соглашайтесь скорее.

— А вы сами-то подумали, бай-ота?

Теперь уже бай не выдержал, резко прервал хозяйку:

— Сам я думал и без вашей подсказки. Да будет вам известно: по поводу свадьбы я давно договорился с Аскарком.

Хайдарбай соврал, не моргнув и глазом.

— Он ничего не говорил...— твердо стояла на своем Малика-хола.

— Так я тебе сказал!—Он уже начал называть женщину на «ты».— Другой мужчина на моем месте не стал бы советоваться с бабой. Я из уважения пришел... Э, хватит! Завтра же собираем девушек.

— Вой, бай-ота, что вы говорите?!

— Послезавтра свадьба!

— О аллах, кто же во время уразы делает свадьбу? Кто придумал такой обычай?

— Сейчас нечего блюсти старые обычаи. Новые времена. И всякие тары-бары нечего разводить. Пригласи-

те близких пять-шесть девушек. Подарки и калым пошло сейчас же. Вот так я скажу тебе. До свидания.

Хайдарбай степенно поднялся и, не глядя на хозяйку, вышел из комнаты, хлопнув дверью. Он рассердился не на шутку. Только сейчас, когда Хайдарбай уже был у калитки, Малика-хола почувствовала страшную усталость. «Как она разговаривала с хозяином?! Что теперь будет? Выгонит? И куда они пойдут с дочкой?»

Вбежавшая в комнату Хури увидела плачущую мать, подскочила к ней, обняла.

— Что случилось, мама?

— Лучше бы умерла твоя мать, доченька...

— Что сказал бай-ота? Ругался, кричал?

— Было бы лучше, если бы накричал...

— Почему?

— Он приходил сватать тебя...

— За своего заику-сына?!— вскрикнула Хури, бледная. Она затормошила мать:— Что вы ему сказали, что ответили?

— Ничего не ответила...— Малика-хола закрыла лицо руками, принялась раскачиваться.— Ой-бой... Сам говорил, сам решил... На завтра назначил вечер для девушек, на послезавтра свадьбу...

Хури громко заплакала, кинулась на подушку. Заглянувший в дверь Кенджа увидел плачущих женщин и бросился в джувазхану за Зиябеком. Прибежавший юноша недоуменно спросил:

— Что случилось, тетушка?

— Завтра свадьба, сынок,— еле выговорила Малика-хола.

— Что за свадьба?

— Хури — за заику... Приходил бай и так сказал...

Ошеломленный Зиябек хмуρο смотрел на женщин, не зная, утешать ли ему хозяйку или что-то предпри-

нять. Он не заметил, когда вошел Мирзараим и шепотом спросил у Кенджи, почему плачут женщины, а узнав причину, тоже растерялся. Плач женщин словно упрекал мужчин за беспомощность, но они стояли, не шелохнувшись, не могли говорить.

— Подлецы!— наконец закричал Зиябек и ударил себя по бедрам.— Выходит, они прогнали Мусу... Ах, подлецы!

— Что будем делать, сынок?— повторила Малика-хола, не переставая плакать.

Зиябек понимал, что вся тяжесть горя этой семьи обрушилась и на него, и только он что-то может сделать, как-то помочь несчастным женщинам. И собственное горе — смерть отца, и горе этой доброй семьи нахлынули одновременно, но юноша не растерялся, на этот раз почувствовал себя настоящим мужчиной, который может помогать людям.

— Ладно, что-нибудь придумаем,— сказал он решительно, не пытаясь успокоить женщин, но они, глянув на парня, вдруг перестали причитать.— Может быть, завтра придет Муса. А если не придет — умру, но не отдам Хури этому зайке!— Зиябек резко разрубил рукой воздух.

В это время в комнату вошли три женщины во главе с женой Толбаша. В руках у них были узелки. Жена Толбаша — низенькая, толстая, как бочка, с узкими веселыми глазами, вышла вперед и сказала:

— Поздравляю со свадьбой, Маликахон!— А увидев на глазах матери и дочери слезы, развела руками.— Вай, зачем проливать слезы? Надо радоваться. Ваша дочь станет снохой самого Хайдарбая. Какая честь! Благодарите аллаха, такое счастье не всякому дается.

Малика-хола смотрела молча в окно, по ее суровому лицу катились тихие слезы. Хури уткнулась в материн-

ское плечо и вздрагивала. Мирзараим опустил голову, смотрел в пол. Один Зиябек, не скрывая презрения, разглядывал пришедших злыми глазами, готовый вот-вот броситься на них и прогнать.

Молчание хозяйки было настоящим оскорблением, однако Ходича, видно, заранее предупрежденная, не замечала ни презрительного отношения хозяйки, ни злых взглядов Зиябека. Она развернула узелок, достала паранджу из красного плюша, накинула на себя и, выйдя на середину комнаты, начала петь свадебную песню «Ёр-ёр».

Не плачь, девушка, не плачь,
Свадьба новая, ёр-ёр.
Парча твоя из золота,
Этот дом твой, ёр-ёр.
Как высокий мост,
Трон твой будет, ёр-ёр.
Как у дочери пророка,
Счастье твое будет, ёр-ёр.

Мирзараим поднял голову и демонстративно сжал кулаки. Женщины переглянулись, схватили узелки и протиснулись в дверь. Последней за ними выскочила Ходича, на ходу снимая паранджу и комкая ее в узел.

Одна победа была одержана. Но радоваться было еще рано — это хорошо понимали и Малика-хола, и Мирзараим, и Зиябек. А что их ожидает завтра?

Глава шестнадцатая

Ночь. В кишлаке Яккатут тишина, все спят. Лишь тихое журчание арыков да слабый шелест листвы, тревожимой легким ветерком, сопровождают усталые сны дехкан. Не спит одна Хури, ворочается с боку на бок,

сердце стучит в тревоге, а в голову ползут мысли одна другой страшнее. Перед глазами ужасные видения: то Дандирасул, заикаясь, что-то хочет сказать, но показывает лишь зубы, то рычит в гневе Хайдарбай.

Хури лежала у открытого окна, однако ветерок не охлаждал и в комнате было душно. Девушка сбросила с себя одеяло, легла на спину, подложила под голову руки. Тяжело вздохнула. Одна осталась она, совсем одна. Была у нее подруга, хорошая девушка Барно, но родители ее переехали в другой кишлак и вступили в колхоз. Радовали ее встречи с Мусой, но и он ушел в колхоз, и придет ли к ней когда-либо, трудно сказать.

Только в эту беспокойную душную ночь Хури по-настоящему поняла, как ей дорог Муса, без него ей так трудно, что она готова совершить любой безрассудный поступок. И не с кем ей посоветоваться — мама растерялась, даже во сне плачет, а Зиябек... Но он же чужой, неизвестно еще, можно ли ему довериться. Пришел бы сейчас Муса, она высказала бы ему открыто все, что накопилось в душе, о чем она мечтала, что скрывала за девичьей стеснительностью. Муса, Муса, где ты сейчас, думаешь ли о своей Хури?.. Вернешься ли?

Перед глазами Хури опять встал злой Хайдарбай с ехидной улыбочкой, и сердце девушки застучало в испуге, по телу пробежала дрожь — ведь если Мусаджан не вернется, тогда все пропало, некуда податься им с мамой... «Но за Дандирасула ни за что не пойду, — решила девушка. — Лучше изрублю себя на тысячу кусков, лучше сгорю!»

Испугавшись собственных мыслей, Хури рывком села на постели. Рядом лежала мама, дальше посапывал Кенджа, подложив ладошку под щеку. Лунный свет падал через окно, и комната вдруг показалась Хури такой

тесной и душной, что у нее перехватило дыхание. Она поднялась и на цыпочках вышла во двор, с облегчением вдохнула свежий воздух.

Серая туча набежала на луну, закрыла ее, вокруг разлилась тяжелая тьма, только звезды стали вдруг ярче и будто замигали. «Которая же среди них моя несчастливая звезда?» — с горечью подумала Хури и тихонько направилась в сад, погруженная в тревожные мысли. Раньше она и днем пугалась малейшего шороха листвы, быстро промелькнувшей ящерицы, а сейчас, как безумная, шла по саду, приостанавливаясь перед падающим листом, перед слабо мерцавшими в темноте цветами, словно рассказывала им о своем горе.

Она не заметила, как дошла до реки, а когда очнулась, то увидела, что стоит на высоком обрыве. Внизу кипела в лунном свете река. Хури посмотрела вниз, но ничего не увидела — перед ней была темная бездонная пропасть, и девушке показалось, что там, на дне ее, не было ни горя, ни страдания, ни грозного Хайдарбая и его противного сына. Всего один шаг отделял ее от небытия. Однако сделать этот шаг оказалось непросто. Трудно жить, невозможно трудно, и все же хочется дышать, смотреть на звезды, на деревья, любить и мечтать...

Хури на минуту закрыла глаза, и перед ней раскинулся удивительный сад. Идет она по аллее к обширному цветнику — белые и красные розы заполнили круглую поляну, нежные, с прозрачными лепестками цветы повернулись к девушке и словно просятся в руки, а легкий ветерок несет ей тонкий, чуть осязаемый запах; вокруг поют птицы: воркуют горлинки, повторяя свое бесконечное «гу-гу», соревнуются между собой соловьи, разливая по саду чистые трели, чуть слышно неизвестно откуда доносится нежная грустная мелодия. На Ху-

ри белое из маргиланского шелка платье, безрукавка, сшитая из черного плюша, обтягивающая тонкую талию, на ногах лакированные кауши. В руках у нее букет полевых цветов, среди которых ярко выделяются красные тюльпаны. Девушка идет навстречу поднимающемуся из-за окраины сада солнцу, щурит глаза и вдруг рядом с солнцем видит с букетом цветов Мусу. Он улыбается, протягивает руку...

— Мусаджан,— шепчет Хури, прижимая к груди руки с цветами, пытаюсь утихомирить сердце.

— Моя Хури,— отвечает Муса и обнимает девушку.

Но постепенно умолкают птицы, затихает дивная мелодия. Как утренний туман, растаял сад, медленно исчез Муса, потухло солнце. Хури открыла глаза, и сердце ее забилось в тревоге — опять перед ней пропасть, в ней, как облака, волнуется туман, а под ним холодная, бурная река... Доносится глухой, нестерпимо злой шум воды, стучат по дну булыжники, готовые раздробить все, что попадется на пути...

Обессиленная, испуганная, Хури опустилась на траву и обхватила голову ладонями. По щекам ее потекли горячие слезы. Неожиданно позади зафыркала лошадь.

— Кто это?!— вскрикнула Хури и вскочила.

— Это ты, Хури?— удивился Зиябек. Он держал в поводу Гнедого.— Что ты здесь ночью делаешь?

— Так...— Хури не знала, что ответить, и смущенно опустила голову.— А вы зачем пришли сюда?

— Напоить коня. Так что привело тебя сюда?— Но ответа Зиябек не получил. Подумав немного, он сказал со вздохом:— Понимаю... И я всю ночь думал, как помочь вам, но ничего придумать не смог. А посоветовавшись с Мирзараимом, пришли к такому решению: надо нам с тобой убежать. Другого выхода нет.

— Как это убежать?— Хури не могла представить

себя вне своего дома, вдали от мамы, да еще с малознакомым парнем. Что о ней скажут односельчане? Что подумает Муса?

— Возьмем вот этого Гнедого и полетим,— Зиябек похлопал лошадь по крупу.— Сейчас я запрягу в джуваз Саврасого, Гнедой за день отдохнет и умчит нас.

— Куда?!— все еще не понимая, почему Зиябек к такому серьезному поступку относится, как мальчишка, холодно спросила Хури.

— В колхоз Ленина. Если доберемся, найдем там Мусу...

Хури сразу повеселела, перебила парня...

— Ой, неужели это правда, Зия-ака? Неужели мы сумеем найти Мусу?..

— Иного выхода у нас нет,— теперь уже хмурясь, повторил Зиябек.— А теперь ты иди, уже светает. Об этом разговоре никто не должен знать, кроме тебя, меня и Мирзараима. Понятно?

— Маме тоже не надо говорить?

— По-моему, лучше не говорить,— Зиябек почесал переносицу.— А то она или примется плакать и этим выдаст нас, или просто поднимет крик. Вот так. Вечером встретимся. Где встретимся — передам через Кенджу. До свидания.

Хури опять через сад отправилась домой. Зиябек немного проводил ее, затем, ведя Гнедого в поводу, спустился по крутой тропинке к берегу. Напив коня, он поспешил домой.

В конюшне, как всегда, было душно, пахло сеном и навозом. Мирзараим возился в дальнем конце, он крикнул оттуда:

— Веди его сюда. В эти ясли я положил хороший корм.

Зиябек привязал Гнедого и спросил:

— Как вы думаете, Мирзараим-бобо, не устанет Гнедой под двумя седоками?

— Не беспокойся, не устанет,— уверенно ответил конюх.— Он всю свою жизнь провел в труде, выносливый конь. Вот целые ясли корму слопают — и будь здоров. Ноги у него быстрые,— как свистнешь, полетит не хуже птицы.

— Тогда, уважаемый Мирзараим-бобо, объясните мне дорогу.

— Ты, сынок, сначала установи место встречи.

— Наметил. Встретимся на берегу реки.

— Ну что ж, спасибо твоему отцу, коли вырастил такого сообразительного сына. Слушай меня внимательно. Сразу же за кишлаком переедете мост и выберетесь на большую дорогу. Едешь до тех пор, пока дорога не разделится на две: повернешь налево — выедешь к озеру Болтакуль, повернешь направо — попадешь в колхоз Ленна.

— Понял.

— Ничего еще не понял,— рассердился Мирзараим.— По велению аллаха, Муса оказался таким же глупым парнем.

— Почему?— обидевшись за друга, спросил Зиябек.

— Какой-то дурак поднял кулак, и он на все махнул рукой. Такую красавицу оставил, а? Разве это джигит? Он что, ягненком родился, не умеет постоять за себя? В наше время и то красавиц увозили по ночам, а сейчас совсем другая власть, она любовь защищает. Так-то вот...

Зиябек слушал горячую речь старика и вдруг засмеялся. Мирзараим обиделся.

— Чего ты ржешь? Правду я говорю...

— Конечно правду, Мирзараим-бобо. Только очень забавно говорите: «Власть любовь защищает...»

Конюх смутился, махнул рукой и пошел из конюшни. Зиябек с улыбкой смотрел ему вслед, он и не предполагал, что ему скоро придется убедиться в мудрых словах Мирзараима.

Глава семнадцатая

Под вечер подготовка к свадьбе в доме Аскара шла полным ходом, женщины металась по двору, забегали в комнаты, что-то приносили, что-то уносили обратно. Малика-хола ходила среди женщин рассеянная, не знала, чем заняться, и, глядя со стороны, можно было подумать, что она смирилась. На самом же деле сердце ее ныло так сильно, что ей было трудно дышать, она часто присаживалась, ее душила и страшная обида — ведь Хури почему-то согласилась стать женой Дандира-сула-зайки.

Командовали подготовкой к свадьбе жена бая Биби-сара и жена Толбаша Хадича. Особенно усердствовала Хадича: быстро носилась по двору, за всеми наблюдала, кричала, приказывала.

— Эй, Малика-хон, ты кого-то хоронишь, что ли? Перестань хмуриться. Вон уже девушки пришли. Эй, Рисолятхон, что ты стоишь, будто проглотила палку? Приглашай девушек в комнату, а то Хурихон одной уже скучно.

Она пыталась шутками расшевелить женщин, но те отмалчивались. В доме невесты не слышно было смеха, как это бывает на свадьбах, от всего веяло холодом.

Во двор верхом на коне въехал батрак Балтаходжи Давкара, спешил, подвел коня к глиняному топчану, на котором сидела Малика-хола, прислонившись к старому стволу высокого тополя.

— Как поживаете, Малика-хон? Поздравляю со свадьбой,— поприветствовал Давкара, прижимая руки к груди.

Малика-хола ответила скупно, не глядя на гостя.

— А где Зиябек? — бодро спросил Давкара, слово не заметил недоброжелательного отношения хозяйки.

— Кенджа, иди позови брата! — крикнула Малика-хсла, поднялась и отправилась в дом тяжелой походкой смертельно уставшего человека. Но Давкара, казалось, и этого не заметил. Увидев спешившего Зиябека, он улыбнулся и спросил, как товарища:

— Ну, парень, как идут твои дела?

— Спасибо, ака, дела идут, — пожал плечами Зиябек.

— Чем занимаешься?

— На джувазе работаю.

— Э, глупец. Тут свадьба, а ты — за джувазом. Сегодня свой джуваз-муваз оставь, в другой раз отработашь. Я сам скажу хозяину, чтобы дал тебе отдых.

— Спасибо, ака. — Зиябек сегодня во всю силу старался быть исполнительным и послушным, чтобы его ни в чем не могли заподозрить, не догадались о его намерениях.

— Для тебя другое дело есть. Вот этого коня надо кормить хорошенько. Если завтра бай-ота не пожалеет одного козла, будет козлодрание. Понял?

— Понял, — равнодушно ответил Зиябек, но в душе он обрадовался: теперь у него в руках были поводья аргамака — прекрасного скакуна. Надобность в измученном работой Гнедом отпала. Сделав вид, что боится лошади, Зиябек осторожно подошел к аргамаку. — А он не кусается?

— Вой-бой! Ты говоришь так, будто в жизни не ви-

дел лошади. Не бойся, конь смиренный, как овечка. Отведи его вон на тот клевер, что на берегу реки.

— Хорошо, ака. Но пусть сейчас отведет коня мой братишка, а я остановлю джуваз и поспешу вслед за ним. Не пугливый?

— Да я же тебе сказал: смиренный, как овечка.

Зиябек подозвал Кенджу, вручил ему коня, а сам, боясь попасться на глаза хозяйке, побежал в джувазхану. Ему не хотелось обманывать душевную женщину, так много хорошего сделавшую и для него, и для братишки, но и раскрывать тайну нельзя было. Узнав о побеге, Малика-хола могла обрадоваться, настроенные ее улучшилось бы, а это среди «почтенных сватьев» вызвало бы подозрение. Они прекрасно знают, как тяжело и женщине, и ее дочери. Их не проведешь, не первый раз они устраивают такие свадьбы.

Поспешно остановив джуваз, Зиябек отвел Саврасого в конюшню, сдал Мирзараиму, предупредив его, что у них появился настоящий скакун.

— Веление всевышнего... Только что аллах сказал мне об этом,— радостно воздел руки старик.

Зиябек подавил улыбку и сказал серьезно:

— Вам есть поручение: ночью со всех приведенных коней снимите седла и уздечки, пусть стоят в недоузниках.

— Зачем?

— Когда обнаружат бегство Хури, бросятся к коням. Но пока соберутся, найдут уздечки, седла, пока заседлают коней, мы уже будем на порядочном расстоянии.

— Ай, умная голова!— восхитился Мирзараим, хлопав парня по плечу.— Ладно, ты иди, я тут все сделаю, как положено.

Зиябек поблагодарил конюха, вышел во двор, ти-

хонько подобрался к окну и заглянул в комнату, в которой собрались девушки. Хадича, сидя в центре, стучала пальцами по несогретому бубну, чернобровая круглолицая девушка, сидящая рядом с Хури, задорно и звонко запела:

Купила на базаре платье я,
А когда рассмотрела, батюшки,
Словно мешок овощника,
Дандирасула штаны.

Девушки хохотали. Хури сидела в уголке, закутанная в шелковый вязаный платок. Бледная, испуганная, она опустила голову, замерла, словно статуя.

Под каким-то предлогом Зиябек пробрался во двор бая и сразу же услышал громкий разговор, доносившийся из дома. Хайдарбай раздраженно спрашивал:

— Ты Садиваккасу крепко наказывал?

— Да.

Судя по голосу, отвечал Толбаш.

— Почему же его нет? Джавланбек тоже не пришел. Или что-нибудь случилось?

— Не знаю.

«Если эти не явились, значит, мужчин будет не так уж много,— размышлял Зиябек.— А такие, как Хайдарбай, пусть скачут, от подобных баев шуму много, толку мало. Можно не бояться, Хайдарбай на коня не сядет. Любит чужими руками делать зло. Но как ухитриться увести Хури от этих ведьм?»

Когда Зиябек вышел со двора бая и направился на клеверное поле, солнце уже спряталось за горизонт, взошла луна. Юношу она совсем не обрадовала — от нее хоть и малый свет, но все равно далеко видно.

Ночь была тихая. Плеск, доносившийся со стороны реки, да фырканье лошадей на лугу изредка вспугивали тишину, и мир оживал на мгновение, а затем снова

погружался в сладкую дремоту. Терпкий запах клевера и сырости поднимался от реки. Клонило ко сну, и Зиябек, прошагавший день у джуваза, с трудом преодолевал тягучую усталость.

Однако время шло, откладывать побег не следовало, надо было действовать. Зиябек нашел Кенджу и полчаса наставлял его. Выслушав старшего брата, гордый серьезным поручением Кенджа с дрожью в голосе сказал «понял» и припустился в кишлак, на ходу соображая, кого из товарищей можно взять на помощь.

А Зиябек подошел к коню Давкара. Скакун встретил юношу сердитым фырканием. Но это не испугало опытного джигита — он накинул на коня седло, подтянул подпруги, снял с себя чапан, сложил вдвое и набросил на лошадь позади седла. Поправил уздечку. Теперь надо было терпеливо ждать.

«Некоторые люди говорят: когда я совершаю кражу, ночь бывает лунной,— с усмешкой подумал Зиябек и похлопал коня по шее.— Но ты нас, дружок, выручишь.»

Скакун фыркнул и ударил копытом, словно подтверждал мысли юноши. Бывают же такие стечения обстоятельств: вот этот конь нес на себе убийцу Суюма, а сейчас должен послужить его сыну. Зиябек, конечно, не знал об этом — откуда ему было знать? Да если бы знал, ничего бы не изменилось. Все его мысли и поступки были направлены к одной цели: вырвать из лап жадных и бессердечных людей хорошую девушку Хури и отвезти ее к своему товарищу Мусе. Иначе он поступить не мог.

«Что делает Кенджа? Собрал ли товарищей? Найдет ли Хури возможность убежать из дому?» Все эти вопросы беспокоили сейчас Зиябека, он прислушивался к каждому звуку, к каждому шороху, стараясь различить в них шелест девичьего платья. Он не сомневался в пра-

вильности своего поступка, знал уже твердо: бан никогда и ничего хорошего не сделают бедняку, с ними надо бороться, иначе они отнимут все, что принесла в степь новая Советская власть. Многого еще не знал Зябек, но эту истину он уже усвоил.

А Кенджа в это время точно выполнял указание брата: собрал мальчишек, вместе с ними подошел к окну, через которое была видна комната, где находились девушки. Сразу увидел Хадичу — она неуклюже плясала посредине комнаты, махала толстыми руками и топала так, что трещали цинновки и вздрагивали стены. Ребята зажимали рты, чтобы не засмеяться вслух. Но вот кто-то вызвал Хадичу во двор, и ребята сейчас же запели «Ярамазан»¹.

В этом доме одна девушка, зовут ее Хури.
В красоте ей лучших нет, она, как луч солнца.
Ярамазан мы поем у вашего порога,
Пусть аллах даст вам сына, сильного, как отец.
С берега нашей речки кто-то кричит,
Свой чапан он постелил на круп коня,
Вспоминает друга, оставшегося тут...

Ребята могли без конца петь этот «Ярамазан», на ходу придумывая содержание. Девушки, удивленные, притихли — они еще ни разу не слышали таких слов и переглядывались. А Хури вся превратилась в слух. «Что же делать? Как уйти? Только не показать виду, что это призыв, не выдать себя...» Хури засмеялась.

— Ой, как хорошо поют,— защебетали девушки.— Кто они такие?

— Там мой братишка,— сказала Хури и быстро начала собирать в платок лакомства.— Подарок вынесу братишке. Ладно, девушки?

¹ Ярамазан — род частушек, которые поют дети ночью во время поста, обходя дома.

— Неси, Хури, неси. Пусть полакамятся братишка.
«Что еще? Переодеться, да, переодеться...» — напряженно соображала девушка.

— Салимахон, дайте мне вашу косынку. В этом платке мама увидит меня и будет ворчать.

Салима отдала невестке косынку, а платок проворно набросила на себя и уселась на то место, где сидела Хури. Девушки расхохотались.

— Хадичахон подумает, что Салима выходит замуж за Дандирасула...

— Узнает Тур-ака — сам себя зарежет...

Девушки попадали со смеху на пол, а Салима так закатилась, что на глазах ее выступили слезы. Воспользовавшись суматохой, Хури с узелком под мышкой выскользнула во двор, быстренько раздала детям сладости, а те принялись петь снова:

Червонное золото, червонное золото
Пусть в воде не утонет.
А ваше богатство, накопленное,
Пусть не кончится никогда...

Хури не слушала песню, отвела Кенджу в сторону и спросила:

— Где?

— На берегу реки, под ивой.

Хури закрыла лицо платком и бегом кинулась к джувазхане. Шныряющим мимо женщинам и в голову не пришло, что невеста могла выскочить во двор в таком затрапезном виде. А девушка, вбежав в джувазхану, торопливо облачилась в рабочую одежду Мусы, которую он надевал, когда гонял джуваз. Теперь узнать Хури было почти невозможно. Она побежала садом к реке.

— Ты меня здорово напугала,— сказал Зиябек, когда Хури подбежала к иве.— Думал, парень какой-то.

— Переоделась, чтобы не узнали.

— Хорошо сделала. Однако надо спешить. Садись на коня. Правда, сидеть не особенно мягко, но кроме чапана у меня ничего нет. Не побоишься?

— Нет.

— Держись за меня.

Пока они пробирались между домов, ехали шагом. А как только миновали мост, Зиябек пустил коня рысью. Юноша и не догадывался, что девушку почти оставили силы, она еле держится, по лицу ее льются обильные слезы, и она шепчет: «Мама, моя мама, что же теперь будет?»

Девушки продолжали подшучивать над Салимой и смеяться, когда в комнату вошла Хадича и сразу спохватилась:

— Вой! А где же Хурихон?

— Она вышла подарки ребятам раздать,— сказала Салима, демонстративно поправляя на себе платок невесты.— Сейчас придет, никуда не денется.

Хадича сердито оглядела девчат и выбежала во двор. Девушки было снова принялись хохотать, но женщина вернулась бледная и растерянная.

— Ой, чертовки, Хури нигде нет. Аллах меня наказал. Вой-бой! Срам какой!..

— Что с вами, Хадича-апа? Зачем напрасно поднимаете панику?— успокаивала Салима.

— А платок... Она оставила платок...— Хадича схватилась за голову.— Вы помогли ей убежать, вы!..

Девушки повскакали с мест, возмущенные обвинением, но Хадича уже не слушала их, выбежала во двор и заголосила:

— Вой-дод — караул! Хури убежала! Проклятая Хури скрылась!

Услышав крик Хадичи, Малика-хола тоже всполошилась.

— Ой, девочка моя, что случилось с тобой?!

К ней сейчас же подбежал Кенджа и со слезами начал упрашивать:

— Тетя, не плачьте, не плачьте, я знаю...

— Лучше бы я умерла, сынок...— не слушая мальчика, залилась слезами женщина.

Тогда Кенджа огляделся, и, увидев, что поблизости никого нет, все женщины и мужчины мечутся, обнял тетю и зашептал:

— Не бойтесь, тетя не бойтесь. Хури уехала с Зиябеком.

— Ее увез Зиябек?!— воскликнула Малика-хола и испуганно огляделась, она поняла, что об этом не следует шуметь. Вспомнила она и сказанные вчера Зиябеком загадочные слова: «Может быть, завтра придет Муса. А если не придет— умру, но не отдам Хури заике». Вчера она подумала, что юноша решил ее успокоить, сказал это ради утешения. Теперь же ей все стало ясно, она обрадовалась и со слезами радости на глазах обняла мальчика, поцеловала и тихо, еще раз оглянувшись, проговорила: — Благословляю, тысячу раз благословляю... Ах, джигит мой, джигит. Какой хороший у тебя брат, Кенджа.

А во дворе стоял крик, люди куда-то бежали, возвращались, вопила Хадича. Пыхтя, появился Хайдарбай.

— Твоих рук это дело, проклятая!— заорал он не то на Малику-холу, не то на Хадичу.— С кем она убежала, говорите?!

— С Зиябеком. Я видел,— сказал плюгавенький

мальчишка, сын Толбаша, только что вбежавший во двор с улицы.

— Сукин сын!— заорал бай так, что мальчишка, перепугавшись, спрятался за мать.— Немедленно догнать! Живыми доставить, живыми!— Этот приказ уже относился к появившимся во дворе Толбашу, Давкаре и Дандирасулу. Парни стремглав бросились в конюшню. А Хайдарбай подскочил к Малике, сидевшей на глиняном топчане с Кенджой.

— Куда девала дочь, бесстыжая?!— орал он теперь на женщину. Кенджа перепугался до слез, прижался к тете и выставил вперед руки, словно таким образом думал защититься от разъяренного бая.

— Куда захотела, туда и уехала,— неожиданно спокойно ответила Малика-хола, прямо глядя в покрасневшие глаза своего хозяина.

— Отдала свою дочь какому-то босяку?— наступал бай.

Вокруг молча стояли девушки, парни, женщины. Мимо проскакали три всадника, но на них никто не обратил внимания. Только Малика-хола проводила всадников хмурым взглядом и ответила:

— Босяк для меня ровня.

— Казах, не имеющий мечети, тебе ровня?

— Казах тоже человек.

— Вот тебе человек!— заорал пуще прежнего Хайдарбай и ударил женщину ногой. Он поднял и кулак, чтобы еще ударить, но один из парней схватил его за руку.— Это еще что?— зашелся слюной бай, но когда увидел злые и решительные лица парней, недавно вступивших в колхоз, побледнел.

— Разве вы баба, бай-ота, что связываетесь с женщиной?— спросил насмешливо парень, который не дал ударить.

Это было уже оскорбление: Хайдарбай затравленно огляделся, но не увидел ни одного сочувствующего лица — свои-то парни ускакали — и, втянув голову в плечи, быстро зашагал к дому.

А Зиябек и Хури все еще ехали по дороге. Лунный свет словно ледком покрыл степные просторы, широкую пыльную дорогу и двух всадников на одном коне. Девушка перестала плакать, притихла, одного она желала: скорее доехать. Зиябек часто оглядывался назад. «Только бы не спохватились скоро...— думал с тревогой он.— Если же будут догонять, что делать? Как спасти Хури? Не лучше ли ее спрятать где-нибудь, а самому увлечь преследователей?»

И вот худшие предположения юноши оправдались, оглянувшись, он увидел погоню.

— Негодяи! Как быстро собрались,— сказал Зиябек и закричал на коня:— Чу, скакун, нажимай!

— Что же теперь с нами будет?— снова заплакала Хури. Она дрожала от страха, дрожь ее передалась и Зиябеку.

— Что-нибудь придумаем...— утешал девушку парень, оглядываясь по сторонам, ища такое место, где можно было спрятать девушку. Другого выхода не было. И вдруг за холмом Зиябек увидел два огромных мощных луча. Свет! А там, где есть свет, должны быть люди — Зиябек это знал очень хорошо. И если есть мощные лучи, значит, работает машина. И Зиябек повернул коня в ту сторону, не раздумывая. Лишь бы успеть добраться.

Но погоня приближалась. Стали уже слышны крики и гиканье. Увидев, что беглецы повернули в сторону, два всадника пустились наперерез. Конь под юношей и

девушкой выбивался из сил, по вспаханному полю скакать было очень трудно, и преследователи начали настигать свою жертву. Тогда Зиябек набрал в легкие воздуху и закричал что есть силы:

— Люди добрые, помогите! Помогите!

Выскочив в полосу света, конь споткнулся, и Зиябек и Хури полетели на землю. Но они тут же поднялись и бросились бежать на свет, прикрывая глаза от ослепительных лучей.

Трактористы отдыхали около трактора (а это был именно тот трактор, который прибыл в колхоз несколько дней назад), они услышали крики, вскочили. Среди них был и Муса, работал он подручным, подвозил воду, керосин, выполнял и другие подсобные работы, однако он стал уже тут своим человеком. Он увидел скакавшего Толбаша, все понял и закричал:

— Сергей, бай пришел! Он мне маклаш давал... Ур!..

Муса в несколько прыжков очутился около Толбаша, схватил его за ногу. Всадник свалился, и они, сцепившись, покатались по земле.

Сергей — высокий, широкоплечий тракторист — схватил разводной ключ и запустил его во второго всадника, который уже догнал беглецов и замахнулся плетью.

— Ой! Ой! — заорал Дандирасул и закрыл лицо рукой. Другой рукой он дернул поводья и припустил прочь. Глядя на него, повернул коня и подскакавший было Давкара.

А Муса с Толбашем все еще катались по земле, хрипя, стараясь подмять один другого. Очутившись под Мусой, бай дотянулся до голенища, достал нож. Занесенную с ножом руку увидел Зиябек. В два прыжка подскочил он к дерущимся, ударил ногой по руке Толбаша. Нож, блеснув, отлетел в сторону. А подбежав-

ший Сергей ударил бая тяжелым сапогом. Толбаш растянулся на земле.

Муса, тяжело дыша, поднял голову и повторил те же слова, смешно перевирая их:

— Он маклаш давал...

И только теперь Зиябек узнал Мусу. Он радостно закричал:

— Муса, братишка!

— Зиябек?— удивился Муса.— Это ты?

— Не я, а мы,— улыбнулся Зиябек.— Если ты не хотел приходить, мы сами нашли тебя.

Муса, ничего не понимая, смотрел на друга недоуменно.

— Завтра собирался прийти,— сказал он, оглядываясь.— Я ведь только два дня работаю подручным у Сергея. А что случилось?

— Об этом спроси у Хури,— ответил Зиябек.

— Хури?!— Муса замер и перевел взгляд на паренька, стоявшего около трактора.

— Иди, иди. Она тебе все расскажет...— подтолкнул Мусу Зиябек.

Муса бросился к девушке.

— Это она?— спросил Сергей Зиябека, видимо, уже знавший о любви молодых людей.

Зиябек кивнул головой и спросил скорее сам себя, а не тракториста:

— Кончилась ли их беда или еще что-то будет?..

Глава восемнадцатая

На другой день во дворе Хайдарбая, где вчера было так шумно, стояла мертвая тишина. Домочадцы в испуге попрятались, а бай с утра сидел с поникшей головой

на широкой деревянной кровати под мелколиственным карагачом и страдал от стыда и оскорблений. Надо же такому случиться: сноху почтенного Хайдарбая в день свадьбы похитил босяк! И джигиты бая не могли поймать похитителя. Босяки избили Дандирасула, до сих пор не вернулся домой Толбаш... Что творится на белом свете?!

Нет, бедняки начали позволять себе лишнее. Те, кто питался его объедками, вчера вступились за Малику и Кенджу, не дали расправиться с ними ему, баю. Чем все это кончится?

Хайдарбай сжимал руками голову и покачивался. И еще одно очень непонятное событие случилось вчера. Разозлившись на Малику, бай высказал сокровенные мысли: «Казах, не имевший мечети, тебе ровня?»— «Казах тоже человек»,— ответила женщина. Тогда бай ударил женщину ногой и закричал: «Вот тебе человек!» Эти слова Хайдарбая глубоко оскорбили казаха Балтаходжу. «Значит, мы хуже босяков?!— спросил он и, не дождавшись ответа от ошеломленного Хайдарбая, понявшего, что ляпнул лишнее, вскочил на коня и ускакал на свое джайляу.

Вздыхая и скрипя зубами от злости, Хайдарбай перебирал в памяти все эти события, пытался предугадать дальнейшую судьбу. Что же получилось? Плодородные поля бая, лежавшие на том берегу Карсакли, отошли колхозу. Скирды сена у Сырдарьи остались без присмотра и, конечно, пропадут. Самый преданный работник Аскар арестован не без участия самого же бая. Мальчишки тоже разбежались, и джувазхана пустует, машина стоит. Односельчане при встрече не кланяются, как раньше, посматривают косо. А после этой злополучной несостоявшейся свадьбы смеются прямо в глаза.

От злости Хайдарбай готов был изрубить всех на

куски, превратиться в скорпиона и жалить всех подряд. Где же они все эти: Ярлыкап из Болтакуля, Самандар из Карачика, Кулахмед из Чубанаки, Карим-пятидесятник из Қориза, которые собирались выступить против власти? Где они — блюстители законов ислама?!

Кто-то настойчиво постучал в ворота. Бай вздрогнул.

— Дандирасул!— позвал он.

— Слушаю!— ответил сын, выходя из дома. Лицо его было перевязано тряпкой.

— Открой ворота.

Во двор ворвался всадник, словно за ним гнались, лошадь его была в пене, а сам он мокрый от пота. Не слезая с коня, он направился к баю.

— Здравствуйте!— хрипло поздоровался он.

— Здравствуйте,— ответил Хайдарбай, с недоумением глядя на незнакомого человека.— Я вас слушаю.

— Такое дело, бай-ота. Вчера арестовали Джавланбека и Садиваккаса. Мне велели передать, чтобы вы были осторожнее. До свидания.— Сказав это, всадник повернул коня и рысью выехал со двора. Бай, опешив, молча смотрел на Дандирасула, который закрывал ворота.

— Отец, что сказал этот всадник?

— Умри — сказал, сдохни — сказал!— заорал в бешенстве Хайдарбай. Вскочил, вбежал в дом, потом опять выбежал во двор, не зная, на что решиться, какие меры предпринять, чтобы предупредить события. В дверях появилась Бибисара.

— Говорила я вам, что это добром не кончится,— упрекнула она мужа.

— Не каркай! Проваливай!— огрызнулся бай.

С улицы опять раздался стук. Дандирасул робко посмотрел на отца и, получив разрешение, крадучись по-

дошел к калитке, осторожно открыл ее и тотчас же отскочил в сторону. Во двор вбежал Муса, за ним спешили парни. Муса подошел к Хайдарбаю и гневно посмотрел на него. Бай, выпучив глаза, уставился на вошедших, колени его задрожали, в глазах заметался страх. Казалось, молодой джувазшик был такой же, каким ушел несколько дней назад в колхоз — на голове его та же поношенная тюбетейка, на ногах рваные сапоги, одет в тот же заплатанный халат, может быть, только цвет лица немного изменился, побледнел парень от пережитого, и все же Муса изменился за это очень короткое время.

Раньше он не смел прямо смотреть на бая, своего хозяина, а сейчас не опускал глаз, смело принимал вызов, ненавистным взглядом выражал свою обиду.

— Муса?...— еле промолвил бай, все еще не веря, что его работник так осмелел.

— Не узнаете?— усмехнулся Муса.— Где Малика-хола и Кенджа?

Бай что-то пробормотал, ребята ничего не поняли, и вперед шагнул Сергей, предварительно положив руку на гаечный ключ, торчавший из кармана комбинезона, словно ручка нагана.

— Ну?! Где они, спрашиваем?— пробасил он, надвигаясь на бая массивной фигурой.

В это время с улицы во двор вошла Малика-хола, ведя за руку Кенджу. Их сопровождали парни, которые вчера пришли на выручку. Малика-хола со слезами на глазах поздоровалась с Мусой.

— Не надо, тетя, плакать,— начал успокаивать ее юноша.— Теперь нашей ноги не будет у этого бая-хозяина. Но разговор с ним еще не закончен. Пошли, товарищи!— Муса посмотрел на бая с презрением и пошел со двора.

Когда Малика-хола, Муса, Кенджа и все другие вышли на улицу, Зиябек с двумя товарищами успел уже все вещи сложить в колхозную арбу. Увидев тетушку, Зиябек подошел к ней и пошутил:

— Вы, тетушка, наверное, проклинаете меня на чем свет стоит?

— Ты оказался настоящим джигитом...— начала было хвалить парня Малика-хола, но тут из дома выбежала Хури и бросилась матери на шею. Они обнимались и плакали от радости. Посредине двора стоял старик Мирзараим и растерянно смотрел на сборы, на веселых парней и плачущих женщин. Он оставался один в большом байском хозяйстве и никак не мог представить, что можно бросить на произвол судьбы такое добро.

Кое-как успокоив женщин, Зиябек с Мусой осторожно подсадили их на арбу. Малика-хола, увидев среди вещей два белых узла, схватила их и передала Зиябеку, говоря:

— Эти тряпки бая, сынок, отнеси ему, пусть он их на тот свет с собой возьмет.

— Дай их мне,— Муса выхватил узлы, размахнулся и бросил их через улицу к воротам бая. Из одного узла вылетела паранджа, сшитая из черного плюша, и распласталась на дороге. Зиябек выбежал на дорогу, схватил паранджу и тоже запустил к байским воротам. Паранджа опять развернулась в воздухе, пролетела немного и опустилась на деревянную колоду возле колодца, будто накрыла гроб.

Арба тихонько тронулась в путь. На безоблачном небе сияло невозмутимое солнце, степной ветерок шевелил листья тополей, и они словно приветствовали этот необычный переезд. Хури, улыбаясь, посматривала по сторонам, украдкой взглядывала на Мусу, и так и каза-

лось, что она вот-вот запоеет песню. Но глянув на мать, она всеми силами старалась спрятать свою радость. Малика-хола сидела строгая, печально смотрела вперед — она ведь бросила давно обжитое гнездо, где прожита большая часть жизни, где была радость, было и горе, а что будет там, в колхозе, она не могла еще представить. Но она не жалела, что покидала все это. Слишком много страданий и унижений пришлось ей испытать в байской неволе. Бай, который не считал женщин людьми, готовил такую же участь ее дочери. Не достаточно ли?

Когда подъезжали уже к мосту, Муса оглянулся и остановился пораженный. Прежде всего, он увидел Мирзараима, вышедшего из ворот с черным чапаном на плече и узлом, — он явно собирался куда-то уйти. Но он не успел шагнуть и пяти шагов, как остановился и попятился назад. Из своего двора вышел Хайдарбай, подошел к колодцу, остановился и тоже попятился назад. В это время мимо бая проскакал на коне Данди-расул. Навстречу ему из переулка выскочили три конника — они были в фуражках и гимнастерках. Подскочив к баю, они спешили, видимо, что-то сказали, и Хайдарбай вдруг упал на землю. Всадники бросились его поднимать. А Мирзараим, подхватив свой узелок, бросился в сторону Мусы. Запыхавшись, он подбежал к юноше и сказал, задыхаясь:

— Те трое сказали баю: «Ты арестован». Бай умерал...

— Так ему и надо, — махнул рукой Муса.

Арба, скрипя огромными колесами, переваливаясь, проехала мост через реку Карсакли, свернула чуть в сторону и остановилась возле небольшого кладбища, отгороженного от дороги высокими деревьями. Зиябек, Муса, Кенджа и другие парни подошли к еще

свежей могиле, присели на корточки. Мирзараим прочитал молитву из корана. После этого все провели ладонями по лицу.

Сергей тронул за плечо Мусу и тихо спросил, чья это могила. Юноша показал на Зиябека, сидевшего с опущенной головой, и тоже тихо ответил:

— Ота...

Сергей снял кепку.

Арба снова тронулась в путь, на выбоинах она переваливалась, как утка, колеса натруженно скрипели, женщины покачивались. Парни некоторое время шли молча, думая о том, что природа бывает несправедлива, если посылает смерть молодым. И особенно тяжело вздыхал Зиябек. Ведь не так давно они вместе с отцом проходили по этим местам, тогда на дороге стояли лужи и была по колено грязь, а сейчас вокруг трава и цветы. И странно: направляясь втроем в кишлак, они были так одиноки и беспомощны, а теперь хоть они с Кенджой и без отца, им очень трудно и горько, но зато у них много друзей, и Малика-хола им теперь как мать.

В воздухе распевал веселый жаворонок, его трели все время звучали над головой, может быть, он сопровождал счастливых Мусу и Хурн, которым тоже хотелось петь и смеяться от счастья. А шустрые воробьи вспархивали с дороги почти из-под ног лошади.

Кенджа шел рядом с трактористом, восхищенно поглядывая на его лицо снизу. Сергей ему подмигнул, а заметив на шее нитку, потянул за нее и вытянул амулет. На его вопрос мальчик не сумел ответить, а Зиябек коротко сказал «отец». Развернув бумажку, Сергей увидел текст — арабские буквы разбегались, как муравьи, прочитать он не смог и попросил это сделать парней. Но оказалось, что читать никто не умеет. Сергей

покачал головой и хотел уже отдать амулет мальчику, когда увидел на дороге тарантас и всадника.

— Председатель едет,— сказал Салимджан.

Поравнявшись с арбой, тарантас остановился.

Председатель сам правил лошадю, держал в руках вожжи. Ему было лет пятьдесят. На голове его красовалась меховая шапка. Он оказался веселым человеком.

— Далеко ли путь держите, юноши?— спросил он удивленно, будто ничего не знал и не слышал.

— В колхоз,— ответил Салимджан.

— Значит, богатыри и старики удирают из родного кишлака, как зайцы...

Парни не поняли, что председатель решил пошутить, растерялись, а Салимджан загорячился:

— Но ведь мы...— начал он возмущенно, но председатель перебил его.

— Что мы?

— Ведь Муса и Хури не могут жить вместе с Хайдарбаем!..— выкрикнул Салимджан.

Муса покраснел, а Хури закрыла платком лицо. Председатель и тут не подал виду, что заставил засмущаться молодых людей, будто и не слышал их истории, он продолжал удивляться:

— Так, так, выходит, вы удираете от Хайдарбая? Такие смелые и здоровенные джигиты?!— засмеялся председатель.

Мусе смех председателя показался обидным, и он сердито возразил:

— Никто не испугался Хайдарбая, и никто не бежит от него, раис-ака. Мы едем, чтобы работать в колхозе, вместе работать.

— Очень понятно,— перестав смеяться, сказал председатель и сощурился.— А кто вам сказал, что в колхоз надо ехать? Земли Яккатута тоже принадлежат колхо-

зу Ленина. И сегодня на заседании правления мы решили в Яккатуте создать отдельную бригаду. Поняли, товарищи, члены Яккатутской бригады?

Парни переглянулись. Но им, конечно, многое еще было непонятно, и они не особенно обрадовались. Тогда председатель сказал:

— А теперь послушайте товарища Таджикиева.

Всадник улыбнулся и все поняли, что он и есть Таджикиев. А Муса с Зиябеком вдруг вспомнили, что именно этот всадник в фуражке, гимнастерке и с усами вытаскивал за ноги из травы спящего Кенджу в то злополучное утро, когда отец еле дошел до дому. Они переглянулись и приготовились слушать.

— Долго я не задержу вас, молодые люди,— сказал Таджикиев.— Вы должны знать, что идет смертельная борьба за новую власть, за колхозы; враги Советской власти ничем не брезгают. Эти враги покушались на Шарифа, избили, а потом отравили Суюма-ага. Оклеветали честного человека Аскара. Кто эти враги? Вы знаете: Хайдарбай, Балтаходжа, Садиваккас, Джавланбек. Все они арестованы.

— И Джавланбек?!— удивился Салимджан.— Он ведь районная власть...

— Был он у власти... К сожалению, и там еще бывают люди с черной душой, и мы это должны учесть. А теперь у меня к вам, тетушка Малика-хола, есть просьба: приютите пока этих ребят — Зиябека и Кенджу, деваться им некуда. Завтра вернется к вам Аскар-ака.

— Ох,— вздохнула от радости тетушка и прижала к себе дочь.

— Да и Сергея придется взять в сыновья,— добавил председатель.— У него родителей-то нет, из детского дома он. Но вот трактор пригнал. Так сказать, парень со счастливым шагом.

— Да я со всей душой... Милые мои детки!...— произнесла Малика-хола и вдруг заплакала. Она вытирала слезы головным платком и улыбалась, а слезы все лились и лились. И все с улыбкой смотрели на тетушку и не утешали, потому что от радости не утешают.

Воспользовавшись паузой и увидев, что Таджиев подбирает поводья, собирается уезжать, любознательный Сергей подошел к нему и протянул амулет.

— Вы, может быть, прочитаете эту записку?— спросил он.

Таджиев взял потертую пожелтевшую бумажку, развернул и пробежал глазами строчки. Немного подумал и сказал:

— Это стихи Навои. Их трудно перевести, а смысл их примерно такой:

Ты в жизни должен достичь чего-либо,
Не к лицу тебе оставаться ни с чем.
Прожить свою жизнь впустую,
Значит выйти из бани грязным...

— Здорово,— сказал Сергей.

— Кто же эти стихи переписывал?— поинтересовался Таджиев.

— Говорят, его отец,— показал Сергей на Кенджу.

— А, Суюм-ага... Он и сам сочинял песни. Хороший был человек, честный. Ну, ладно, молодые люди, я поехал — дел на сегодня еще много. До свидания.

Всадник с места помчался галопом, а они все некоторое время смотрели ему вслед, с восхищением и завистью. Солнце уже палило вовсю, небо становилось пепельным, птицы попрятались в листве деревьев, росших по обочинам дороги, а парни будто не замечали всего этого, завороженно смотрели на ловкого всадника. Только председатель, прищурившись, озабоченно поглядывал на молодежь и думал о чем-то своем.

А Зиябек вдруг вспомнил, что держит в руках домбру своего отца и захотелось ему что-нибудь сыграть и спеть. На память даже пришли слова одной грустной песни, сочиненной отцом: «Степь широка, она без края, там много чабанов и мало баев...» Зиябек вздохнул — не научился он ни играть, ни петь, не думал, что когда-нибудь пригодится ему это умение. Но он научится, обязательно научится и играть на домбре, и петь; он станет сочинять и песни, только не грустные, какие были у отца, а веселые, о новой жизни, о хороших друзьях-товарищах, о красивых девушках. Зиябек улыбнулся и нежно погладил теплый гриф инструмента.

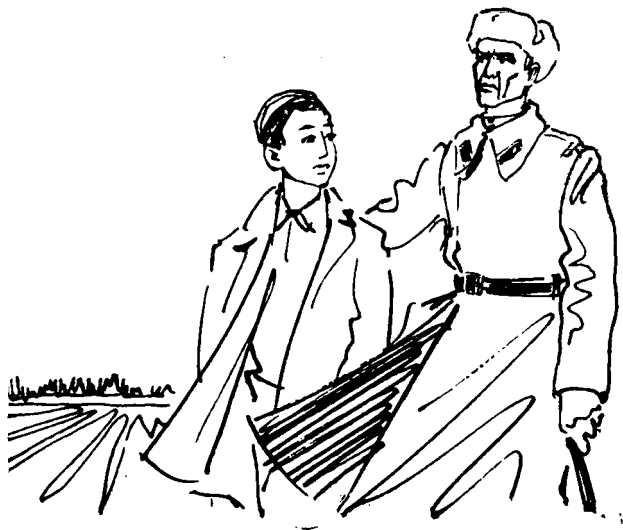
Первым опомнился Муса, счастливо глянул на Хури и, подскочив к лошади, схватил поводья и начал поворачивать арбу назад. Парни тоже встрепенулись, заговорили, и вот уже арба катится обратно в кишлак. Якатут, за ней гурьбой идут молодые колхозники, громко разговаривают, смеются, и не знают они, как долг их путь и как много трудностей у них еще впереди. Зато они уверены в том, что с прежней жизнью покончено, настали другие дни.

НАСЫР ФАЗЫЛОВ

В РОДНОМ КАРКАРАЛИ

Перевод с узбекского С. ВОЛГИНА.

Пролог

Один раз в год, хотя бы на несколько дней, я приезжаю в свой родной кишлак Каркарали. Непреодолимая сила тянет меня туда. Вдохнешь целебный аромат садов и полей, окунешься в прозрачную воду знакомой речушки, поглядишь в задумчивую даль степей и светлее станет на душе, почувствуешь себя моложе, сильнее.

Приходилось ли вам, стоя у тандыра, обжигая пальцы, разломить пышащую жаром хрустящую лепешку, обмакнуть кусочек ее в холодную воду и съесть?

Если не приходилось, то вы потеряли очень много.

Но больше всего тянет меня в Қарқарали живущий там народ. Где бы я ни находился, чем бы ни занимался, я никогда не забываю своих односельчан, даже иногда про себя советуюсь с ними...

Любо мне видеть юных, безусых пареньков, только начинающих басить, напоминающих мне юность, тревожные и тяжелые военные годы... Мне любви непосредственность и искренность милых и нежных девушек кишлака, робко улыбающихся в ответ на приветствие, смущающихся от самой скромной шутки...

«Если ты жаждешь осмысленной жизни, если не хочешь испытать горечь ошибок и заблуждений, сбившись с пути, то в неделю, в месяц, хотя бы раз в год оглянись назад и отчитайся перед своей совестью — был ли смысл в прожитых днях?» Не помню уж, где и когда прочитал я эти мудрые слова, но они запали мне в душу.

На этот раз, взяв отпуск пораньше, я приехал в Қарқарали с женой Машхурой и сыном Эркином. Им было интересно побывать в сельской местности, когда природа оживает, а земля пахнет еще и снегом, и зеленой травкой, выбивающейся на пригорках, пахнет набухшими почками на деревьях. А охота на птицу при весеннем разливе рек?! В ней есть особая, ни с чем не сравнимая прелесть. Сколько уток в наших местах! Заросшие камышом озера, бывает, усеяны ими точно листвой земля в осеннюю пору.

Как всегда, в первую очередь мы заехали к дяде Пулату. Можно было бы остановиться у моего закадычного друга Агзама, но, как говорит дядя Пулат: «Старших не уважишь, никто тебя не уважит». Правда, если посмотреть с другой стороны, то ведь Агзам не какой-нибудь дальний родич дяде Пулату, а родной сын. И живут они рядом.

Жена дяди Пулата, тетушка Манзура, встретила нас

радостно, обняла всех и сразу же поспешила, захопотала по дому. Тетушка уже старенькая, но держится еще крепко, если и прихварывает, то не жалуется. Отлежится — и опять захопотала. Свои поседевшие волосы она всегда заплетает аккуратно, платья носит чистые и глаженные, одним словом, аккуратистка. Тетушка быстро приготовила чай, для Эркина достала сушеного урюка и грецких орехов. Усадила нас за дастархан и начала потчевать.

Если встретились две женщины, давно не видевшиеся, то разговор может длиться бесконечно. Так случилось с тетусшкой и с моей женой. Поэтому, выпив пиалу горячего чая, я поспешил во двор, знакомый и родной, может быть, даже больше, чем родительский дом. Тетушка Манзура любит надо мной подшучивать. «Таков уж наш мулла, не усидит на месте, обязательно оглядит весь кишлак да еще заглянет за околицу».

Тут надо сказать, что в наших Туркестанских краях к молодым обращаются не по имени. Если молодой человек немало учился, то в знак уважения его называют «мулла йигит», что значит ученый, если же парень очень молод — «кенжатой» — что означает буквально «последыш». Девушек же называют «сулувкиз» — прелестная, или «шакаркиз» — сладенькая, или «бодомкиз» — миндальная.

Моя тетусшка Манзура, как все добродушные женщины, очень полная и, как я уже говорил, подвижная, почти всегда спешит. В доме и во дворе у нее чистота удивительная — ни соринки, ни пылинки.

Дядя мой учитель, стал им по призванию. Еще до института он перечитал огромное количество книг, большею частью художественных произведений, и поэтому стал преподавателем литературы. В противоположность жене он тощ, высок, медлителен. Только при-

щуренные глаза всегда задорные, с искринкой юмора. Он уже очень седой, проглядывает и лысина. Дети его любят, может быть, потому, что свой предмет он знает глубоко, в памяти хранит много отрывков из произведений и читает их мастерски. Должно быть, поэтому каждый мой приезд не обходится без разговоров об учебниках, и дядя не преминет мне сказать с упреком: «Ну, что ты за журналист, скажи? Куда ты глядишь? Как пишут учебники литературы? Сухо, бледно! Дети из них получают знания ограниченные, информационные. Неужто, например, Навои не отличается от Лутфи, Дурбек от Саккаки, Муками от Фурката? А про всех там одно и то же: там-то родился, там умер, такне-то написал стихи, то-то сделал. А дух поэзии, своеобразие, исключительность таланта? Думают ли об этом авторы?»

Дядя иногда, конечно, перегибает палку, но это от того, что он любит свою работу, тяжело переживает неполадки, старается что-то улучшить, усовершенствовать. Признаться, мне нравится разговаривать с дядей о литературе, он очень хорошо знает и современных писателей, их произведения, но не нравится он мне тогда, когда начинает критиковать. Возражать ему трудно, он очень эрудированный. От споров я стараюсь уклониться, чтобы не попасть впросак. И на этот раз все вело к спору, но я сумел, извинившись, выскочить во двор, оставив в доме для продолжения разговора жену.

В старых постройках этого двора, в каждом камешке, в каждом кирпичике, можно сказать, есть частица моей души, частица детства. Потому-то в любой приезд я хожу вдоль заборов, брожу по задворкам, вспоминая свое детство. Почему-то передо мной возникают предметы, которые давно исчезли со двора. Например, гнезда горлинок под камышовыми карнизами... Как часто, несмотря на запрет отца, не боясь возможного наказа-

ния, вытаскивали мы из гнездышек неоперившихся еще птенцов. Правда, мы их не мучили, лишь с любопытством рассматривали и помещали обратно в гнезда. Но в каком ужасе летали вокруг нас их родители и в отчаянии чуть ли не кидались на нас. И вот однажды произошло событие, которое навсегда отбило у нас охоту к подобным шалостям.

В то время в нашем кишлаке были только низкие глинобитные дома, крытые камышом, политые глиняным раствором, перемешанным с саманом — мелко нарезанной соломой. Сейчас-то ведь большая часть домов в Каркарали кирпичные и высокие. Даже в сохранившихся старых постройках стены приподняты, камышовые крыши заменены железными либо черепичными. Так вот, однажды наше внимание привлекла необычная дыра, зиявшая под камышовым карнизом нашего старого домишки. И сразу же зуд любопытства лишил нас покоя. Может быть, там гнездо невиданной птицы? Или птенцы необыкновенной величины и красоты? Не обнаружив в положенном месте около кладовки лестницы, мы кинулись к ослу, пасущемуся у ручейка. Осел, как ему положено по своему характеру, долго упирался, не хотел уходить с лужайки, но мы тащили его за веревку, подталкивали сзади и наконец поставили около стены. Агзам держал осла за уши, а я взобрался на ребристую спину и запустил руку в загадочную дыру. Пальцы мои коснулись чего-то мягкого и холодного. Глядя на дружка, который, задрав голову и крепко сжимая в руках уши осла, блаженно улыбался, я схватил мягкий предмет и вытащил руку наружу. И тут лицо Агзама перекошилось от ужаса, глаза, как говорят, полезли у него на лоб. Он выпустил уши осла и буквально окаменел. Почувствовав свободу, осел немедленно двинулся к ручейку, а я, потеряв равновесие, полетел на зем-

лю. Пальцы я, конечно, разжал, и из моей руки выскользнула змея. Я еле успел заметить, как она, крутнувшись в воздухе, шлепнулась на землю вместе со мной и тут же штопором ушла в дыру под стеной.

Детство, детство! Сколько лет прошло с тех пор, сколько воды утекло, мы давно повзрослели, обзавелись семьями, разъехались, а кишлак все так же мил нам, воспоминания детских лет яркие, незабываемы... И, может быть, незабываемы именно потому, что наше детство пришлось на суровые годы Великой Отечественной войны, годы испытаний на крепость нашего строя, на мужество и твердость духа советских людей.

В тысяча девятьсот сорок восьмом году, закончив среднюю школу, мы вместе с Агзамом приехали в Ташкент на учебу. Через пять лет мой дружок окончил сельскохозяйственный институт, вернулся в кишлак, долго работал агрономом, а последние три года руководил колхозом. Я же после учебы стал журналистом.

... Я бы еще долго бродил по двору, предаваясь воспоминаниям, но тетя Манзура позвала меня:

— Мулла йнгит!

Я спешил к дому. Тетя Манзура и дядя Пулат стояли у очага и не то совещались, не то спорили о чем-то. Я подошел к ним.

— Подействуйте, пожалуйста, племянник, на своего дядю,— будто с недовольством попросила тетя.— Я хочу сварить плов, а он советует шилпилдок¹, говорит, что для горожан эта еда редкостная. Рассудите нас. Может, сами подскажите, какое блюдо вам больше по вкусу?

— Заказывай, племянник, шилпилдок! Поджаренный,

¹ Шилпилдок — блюдо из кусков теста и мяса.

поперченный...— начал было доказывать превосходство этого блюда дядя, но тетя решительно перебила его:

— Да подождите же, пожалуйста! Пусть мулла йнгит сами скажут.

Я смотрел на этих уже седых людей, таких близких, заботливых и гостеприимных, и радовался, что жизнь наша такая — выбирай самое лучшее кушанье, не стесняясь, желание будет исполнено. И я решил пошутить:

— А не лучше ли сварить гуджу?— серьезно спросил я.

— Гуджу?— с удивлением переспросила тетя.— Ту, что ели в войну?

— Ту самую,— подтвердил я.

Они переглянулись.

— Нет ли у тебя температуры?— с беспокойством спросил дядя и пошел ко мне.

— Вай, мулла йнгит, вы все такой же шутник, посмеиваетесь над нами, стариками,— всплеснула руками тетя.

— Никаких шуток!— продолжал я настаивать, стараясь как можно дальше запрятать предательскую улыбку.— А разве плохая еда? Видать, вам жалко горсть этой беленькой муки из джугары или она у вас вся перевелась? Что же, тогда придется мне самому позаботиться, на базе ее сейчас завались... А с молочком да со сливочным маслицем — пальчики оближешь...

Только тут тетя с дядей окончательно поняли, что я шучу, и от души рассмеялись. Дядя погладил бородку и, погрузнев, сказал тихо, медленно произнося слова:

— Да... Тяжелые были времена... А теперь вот мы шутим...— и неожиданно и смешно забеспокоился:— Жена, а вдруг наш разговор услышит невестка и подумает, что нам жалко джугары?..

— Вай, не дай бог!— заохала тетя, качая головой.— Мулла йигит не могут забыть те времена, как приедут, так начинают вспоминать.— Но, упрекая меня, тетя, как всегда, и сама окунулась в воспоминания:— Ах, какое было время! Гуджу-то выдумали, кажется, как раз в ту пору, когда у нас появился Акмал-ака...

«Когда у нас появился Акмал-ака...»— мысленно повторил я, и у меня защемило сердце. Не все люди оставляют след в памяти, а тем более в душе...

— Пусть будет по-вашему, дядя,— рассеянно произнес я.

И с этой минуты, вплоть до вечера, и даже за вкусной едой, мастерски приготовленной заботливой тетей, я невольно продолжал с болью думать о тех далеких днях, когда к нам в кишлак приехал израненный Акмал-ака. Чтобы как-то уйти от тяжелых воспоминаний, я сказал дяде:

— Что-то Агзам задерживается.

— Еще утром уехал в район на конференцию. Видимо, заседание затянулось,— ответил дядя.

— А Эшмат-ака где? Почему он не заходит?

— Он вместе с Агзамом уехал. Должно быть, вернуться к ночи. Утром Эшмат прибежит обязательно.

Распахнулась калитка, и во двор вошли Машхура с Эркином. Она отчего-то никак не могла унять смех. Мы смотрели на нее с недоумением.

— Сарвар, вы бы послушали, что говорит ваш сынок Эркин!..— проговорила она с трудом и опять засмеялась.

— Что же он говорит такое смешное?— спросил я.

— Увидел козу и спрашивает: «Мама, она из мультфильма, да?»

Я также не удержался от смеха. И тетя смеялась. Только дядя чуть улыбнулся и сказал серьезно:

— Что же вы хотите, ребенок не видел животных на

воле, от природы оторван, живет среди камней. Оставили бы его у нас на лето, побегал бы он по полям, повидал бы не только домашних животных, но и птиц, и разных жучков и таракашек... Думаете, ерунда?! Нет! Природа облагораживает человека, делает его сердечнее, добрее...

Я не возражал дяде, и Машхура промолчала. Но я знал: расстаться с Эркином — это для нее сверх всяких сил. Я подумал было о том, чтобы оставить их с глазу на глаз, но разговор отложил до более подходящего момента. Мне вообще не хотелось сейчас ни о чем разговаривать. Воспоминания не отпускали, тревожили. Акмал-ака вставал передо мной изможденный и прихрамывающий, но с веселыми глазами. Веселые глаза на болезненно бледном лице...

Утром я поднялся рано, умылся прозрачной холодной водой из арыка, с удовольствием вдыхая удивительно свежий и тоже холодный воздух. Машхура с Эркином еще сладко спали, и я не стал их будить, хотя соблазн был большой. Уж очень хотелось, чтобы Эркин разделил со мной радость этого утра. С улицы доносилось покрикивание пастуха, мычание коров, повизгивали собаки...

— Мансурджан! — негромко позвал дядя своего младшего сына, паренька лет четырнадцати, которого вечером я видел лишь мельком.

— Слушаю, папа, — сразу же откликнулся с террасы Мансур.

— Сведи пегую в стадо.

— А рыжую?

— Не надо. Она скоро отелиться должна.

Я пошел вместе с Мансуром, очень уж хотелось полюбоваться садами перед восходом солнца, когда все вокруг окрашивается в удивительные, нежные тона, и

все люди, хотя и не совсем еще проснувшиеся, такие улыбчивые, добродушные...

Дядя снисходительно улыбнулся.

— Что, не терпится?

— Похожу немного,— сказал я, скрывая нетерпение.

За нами увязалась Лолахон, дочурка Агзама, первоклассница. Даже таким малышам в кишлаках не спится по утрам — неизвестно, что их поднимает в такую рань: привычка ли, хозяйственные дела взрослых или красота окружающей природы?.. Так втроем, погоняя одну корову, вышли мы на широкую улицу, обсаженную высокими тополями, стройными, стреловидными.

Весна...

Свежее дыхание весеннего утра, невнятный, но такой знакомый разноголосый шум проснувшегося кишлака, трепетание и шелест зеленой листвы на деревьях, тихий шорох нежной травки у арыков — все это волновало меня, очаровывало. И утренний ветерок, хотя и прохладный, был таким ласковым... Нет, мы не зябли, только поживались... В такое утро в городе обязательно кутаешься, боишься простудиться. Здесь же, по примеру Мансура, я тоже вышел в одной рубашке. Я шагал вразвалку, подставляя свежему ветру открытую грудь.

На одном из холмов, упершись подбородком в конец посоха, стоял пастух — низенький, но широкоплечий старик в новой шапке — лохматой, теплой и выдавшем виды халате. Жители кишлака гнали скотину к этому холму. А вокруг холма все было усыпано цветами. Повсюду пламенели маки, тюльпаны...

За холмами показалось солнце: и сады, и горы вдаль вдруг яснее проступили сквозь тонкую дымку утреннего тумана. В сторону реки с криканьем пролетела стая уток. Я с трепетом проследил за полетом красивых птиц...

Мы отвели в стадо корову и уже возвращались обратно, когда я обратил внимание на полуразрушенную кибитку у самого берега сая и снова вспомнил Акмала. Я даже приостановился. Мансур с удивлением смотрел на меня, он не понимал, что меня встревожило. Но я не стал ничего объяснять, только вздохнул, предложил веселым голосом:

— Давайте, ребята, собирать тюльпаны.

— Давайте!— обрадовались Мансур и Лолахон.

— Я буду собирать здесь у берега, а вы там, на холме. Идет?

Дети побежали к холму, а я некоторое время постоял у берега, глядя им вслед, потом медленно побрел вдоль реки, забыв о цветах.

Думами моими завладели события давно минувших, военных лет...

Глава первая

Тогда тоже стояла весна. Но даже от цветущих деревьев, от зеленой травы и красных диких маков веяло скорбью. Столько горя, столько мук переносили люди — и там, на фронтах, и здесь, в тылу, что даже красота природы вызывала боль, напоминала о счастливых мирных днях, воскрешала образы дорогих людей, которые были сейчас в огне сражений...

В те дни, о которых я начинаю рассказ, из черных туч, сплошь устлавших небо, целую неделю почти беспрерывно лил дождь. По дорогам расползлась слякоть — ни пройти, ни проехать. И вдруг, словно по маговению волшебной палочки, небо над кишлаком и полями прояснилось. Дивное время года! Быстро меняется цвет неба. Бывает так: утром сквозь тучи брызжут лучи солнца, весело становится на душе, а через час тучи

снова закрывают солнце и небо, снова льет дождь. К обеду ветер расшвыривает тучи, очищает небо, и все — деревья, трава, дома — парит, сохнет.

Во время дождей земля на улицах кишлака Каркарали превращалась в глинистое месиво. Ходить было трудно, грязь под ногами густая, как тесто...

В тот день мы с Агзамом возвращались из школы, и арбу Эшмата, запряженную парой волов, увидели на главной улице кишлака. Большие, в полтора метра, колеса, облепленные комьями грязи, еле поворачивались, волю кое-как тянули пустую арбу. Было видно, что, пройдя под дождем долгий путь из города, животные обессилели, даже в стойло не торопились. Они медленно вытаскивали ноги из густой грязи, от спутанной, всклокоченной шерсти на их крупах шел пар. А мы, дети, не обращали внимания на то, что животные измучились, нам бы незаметно подкрасться сзади, повиснуть, прокатиться. Тут нам и грязь нипочем.

Шлепая по лужам, мы подкрались к арбе и только хотели повиснуть на задке, как Эшмат громко, со злостью прикрикнул на нас: «Вон, чертенята!» И в то же мгновение над нами свистнула плетка. Мы, пораженные, отскочили. Вот тебе раз! Эшмат-ака раньше никогда так не поступал! Он всегда делал вид, что не замечает наших шалостей. Что же с ним случилось сегодня? Лицо у него мрачное, чем-то он, видимо, расстроено, хмуро глядит перед собой. Мы обиделись, идем за арбой молча, надеясь, что арбакеш еще смилостивится.

Эшмат недавно вернулся с фронта. Без ноги. Он и раньше работал арбакешем, и сейчас в той же должности, хотя и ходит на костылях. Сперва с жалостью смотрели, как он, опираясь на костыли, так и эдак, подпрыгивая на одной ноге, ухитрялся взобраться на арбу. Но очень скоро Эшмат наловчился, и мы наблюдали за ним

уже без сострадания. Работал он не покладая рук, не зная передышки, но был всегда общительный и добрый. Завидев нас, он улыбался, радовался встрече — видно, он любил детей.

Что-то с ним случилось сегодня... И почему-то, не смотря на дождь, он без своей шинели, в одной фуфайке, шинелью же прикрыт хворост на арбе. Нам это, конечно, показалось загадочным. На всякий случай держась на безопасном расстоянии, мы забежали вперед волов.

И вдруг шинель зашевелилась, хворост зашуршал, и это для нас было так неожиданно, что мы застыли от удивления. У Эшмата-ака какие-то секреты! Он что-то интересное везет из города! Но спросить, что там, под шинелью, мы никак не решались. Переглядываясь, мы с Агзамом зашагали впереди арбы. Другие мальчишки тоже хлюпали по дороге сзади, не пытаясь взобраться на арбу.

Возвращаясь из города, Эшмат-ака обычно сразу же сворачивал к колхозному сараю, сегодня же почему-то проехал прямо к правлению колхоза. Остановив волов и зажав костыли под мышками, он осторожно спрыгнул с арбы, озабоченно оглядел свою расстеленную на хворосте шинель и, опираясь на костыли, вошел в правление. Мы сейчас же окружили арбу, но все же залезть на нее не решились, стояли и ждали, не пошевелится ли еще раз шинель.

Скоро из здания правления вместе с Эшматом вышли бухгалтер колхоза Иззатулла и его сын по прозвищу Хасан-очки. Заболевшего председателя колхоза Султана-бобо отвезли на днях в Чимкент в больницу, и поэтому бухгалтер временно решал все вопросы. А вообще-то надо сказать, в колхозе ни одно дело не обходилось без его совета — так говорила мама. Был

Иззатулла высок, черен лицом, худощав, но жилист. Люди говорили, что он болен легкими. И впрямь, когда мне приходилось стоять с ним рядом, я слышал, как у него при вдохе внутри что-то скрипело, словно там крутился старый чигирь. С первого взгляда на его лице можно было увидеть лишь глубоко запавшие глаза, черные и поблескивающие, горбатый нос и закрученные вверх, как рожки винторогого козла, усы. Носил он всегда каракулевую ушанку, суконный китель и брюки-галифе. А на ногах — хромовые сапоги с калошами.

Хасан-очки — любимчик Иззатуллы. Он тоже щедушный, жидкий, хотя ему уже далеко за двадцать лет. Он болтлив и нагл. Говорят, что из двух близнецов Хасана и Хусана¹ остался жив только он. Должно быть, поэтому папаша в нем души не чаял. На фронт его не взяли из-за глаз. В начале войны он работал в городе учителем, но почему-то его прогнали, и он явился сюда, к папаше. Лодырь он был изрядный, не брался даже за то дело, которое ему по силам. Он носил большие очки. Они придавали его маленькому личику лисье выражение. А так как в Каркарали никто кроме него не носил очков, ему и дали прозвище Хасан-очки.

Солидной, степенной походкой, которая никак не вязалась с его худобой, Иззатулла подошел к арбе. Рядом семеня его сынок. Эшмат ловко уцепился за края арбы, приподнялся на руках и быстро оказался наверху. Он осторожно потянул шинель. Под ней на хворосте, свернувшись калачиком, лежал человек. Мы затаили дыхание.

— Вот мы и приехали, товарищ, — вежливо, почти ласково сказал Эшмат.

¹ Хасан и Хусан — так обычно называют близнецов-мальчиков.

Незнакомец, сделав усилие, медленно приподнялся. Он был в старенькой шинели и новой шапке-ушанке, какие носили зимой все солдаты Красной Армии, на ногах у него были выдавшие виды ботинки и чистые зеленые обмотки. Лицо худое, безжизненное. Словно не понимая, куда он попал, незнакомец огляделся, а увидев Иззатуллу вместе с Хасаном-очки, вздрогнул. По лицу его прошла судорога. Но, видно, он сумел быстро взять себя в руки и тихо произнес:

— Здравствуйте, товарищи!— В его голосе слышались усталость и безразличие. Он вглядывался в бухгалтера, словно хотел вспомнить, где он его видел.

Иззатулла оглядел незнакомца с головы до ног и, помедлив, на приветствие ответил, но настороженно и холодно:— Здравствуйте!..

А Хасан-очки почему-то зашел за спину отца и на приветствие приезжего не ответил.

Солдат — мы сразу догадались, что это раненый солдат,— прилагая заметное усилие, морщась, вытащил из бокового кармана толстую записную книжку в дерматиновой обложке и начал ее перелистывать. Он нашел какую-то бумажку и, покашливая глухо, протянул ее Иззатулле. Бухгалтер, держа бумажку кончиками пальцев, пробежал глазами написанное, молча повернулся и ушел в правление. Хасан-очки засеменял за ним.

Прошло довольно много времени. Мы с любопытством и нетерпением ждали, что же будет дальше, поглядывали то на дверь правления, то на солдата. Он тоже поглядывал на нас, мне даже показалось, что он один раз подмигнул. Но к нам уже немало приехало эвакуированных, поэтому интерес к приезжим стал ослабевать. Часть ребят ушла, а мы с Агзамом решили дожидаться конца этой загадочной встречи.

Наконец, из здания правления вышел Иззатулла и

кивком головы отозвал Эшмата-ака в сторону. Мы с Агзамом — любопытство нас просто замучило — незаметно приблизились к взрослым.

— Его надо отвезти в ту кибитку, что была ба-ней,— шепнул Иззатулла Эшмату довольно громко, ука-зывая рукой на окраину кишлака.

— Но ведь...— начал было возражать Эшмат.

Но бухгалтер прервал его:

— Это приказ!

— Но нельзя же так!— нетерпеливо повысил голос Эшмат.— По совести делать надо...

— Так в бумаге написано...— опять понизил голос до шепота Иззатулла.

— Поместить в кибитку написано?

— Сказано: вези!

— Сказать можно все! Эх, вы!..— Эшмат взмахнул камчой, словно хотел кого-то ударить, в два прыжка оказался у арбы, вскочил на нее и неистово закричал:

— Чух, поганые! Чух, проклятые!

Арба покатила на окраину. Я пошел за ней. Агзам решил от меня не отставать. Вот арба повернула к старой заброшенной кибитке, где мы не раз играли в прятки.

Почему так поступили? Мы никак не могли понять. Правда, эвакуированных у нас было много отовсюду: с Украины, из Белоруссии, из городов России... У всех сельчан было тесно, однако для одного-то человека можно было найти место. Это происшествие мы обсу-ждали с Агзамом до самого вечера, но так и не поняли, почему с вновь прибывшим человеком обошлись так не-гостеприимно. А на другой день во время уроков я все представлял себе, как он, ссутулившись, сидит на соло-ме и надрывно кашляет. Кажется, и Агзам думал о том же, потому что, прогив обыкновения, он был молчалив.

Когда уроки кончились, мы, повесив через плечо свои сумки, торопливо покинули класс.

Небо начало проясняться, тучи расплывались, то и дело показывалось солнце. Но не надолго. Дул пронизывающий ветер... А мы с Агзамом деловито шагали на окраину, не обращая внимания на ребят, которые с криком, визгом, перегоняя друг друга, проносились мимо нас.

— Эшмат-ака привез его вчера в это самое время,— сказал я.

— Да,— подтвердил Агзам.

Ватага ребят добежала до окраины кишлака и свернула к бане. Мы удивились, думали, только мы знаем о солдате. Подошли к бане. Солдат сидел на солнечной стороне, прислонившись к стене между двумя окнами, обняв колени и опустив голову. Став в сторонке, мы молча смотрели на него.

— Заснул,— произнес кто-то.

— Нет, думает,— возразил другой.

Ребята еще некоторое время глазели на незнакомца, затем убежали в кишлак. А мы с Агзамом остались, долго смотрели на солдата, не решаясь подойти, хотя нам этого очень хотелось. Человеку в старой шинели, наверное, было холодно, но разглядывал он нас, в общем-то, доверчиво и ласково.

— Ну, ребятки, подойдите поближе,— вдруг чистым молодым голосом пригласил он.

Мы вздрогнули, но с места не двинулись.

— Что, боитесь?— шутливо, с улыбкой спросил он.

— Нет,— ответил Агзам.

— Так подойдите же.

Мы переглянулись. Затем, не отрывая от него глаз, с опаской подошли. Солдат почему-то тяжело вздохнул и спросил:

— Из школы?

— Да,— ответил я.

— Хвала вам, сынки. А в каком классе вы учитесь?

— В седьмом.

— Как тебя зовут?

— Сарваром его зовут,— опередил меня Агзам.

— Хорошо. А тебя, сынок?

— Его Агзамом зовут,— теперь за товарища ответил я.

— Вы очень хорошие мальчики,— похвалил солдат и снова с натугой вздохнул.

— А вас как зовут, дядя?

— Меня зовут Акмалом,— ответил он охотно и, немного помолчав, спросил:— Ребята, не попадали к вам мальчик и девочка из Ташкента без родителей?

— Нет,— ответил я.

— Значит, мне сказали неправду...— Он опять вздохнул и спросил меня:

— Какие у тебя книжки в сумке, Сарварджан? Покажи-ка мне, пожалуйста.

Я быстро снял ляжку с плеча, положил сумку на землю и, расстегнув пуговицы, одну за другой начал вынимать книги и подавать ему. Он рассматривал книги со странной жадностью, словно человек, не евший много дней, которому в руки попала лепешка. Мы наблюдали за ним и удивлялись — разве он никогда не видел учебников? Осмотрев все книги, он выбрал «Хрестоматию по литературе» для седьмого класса, приблизил ее к лицу, вдохнул глубоко, прижал ее на мгновение и зажмурил глаза. Потом он протянул мне книжку и, вынув из кармана носовой платок, вытер лоб и щеки.

Я спросил:

— Что с вами, дядя?

— Ничего, сынок, ничего...— произнес он устало и

снова опустил голову. Только тут я увидел, что его коротко остриженные волосы совсем седые. Его плечи стали вздрагивать. Видимо, он силился унять дрожь, но никак не мог... Наконец, нервы его, видимо, не выдержали, и мы увидели, как из глаз на руки закапали слезы. Я дернул Агзама за рукав, мы попятнулись и тихо, стараясь не шуметь, ушли. Трудно было смотреть на человеческое горе...

Глава вторая

Отец мой на фронте. Мы живем вчетвером: мама, я, братишка Тимур и сестренка Халима. Кибитка у нас маленькая, поэтому к нам никого из эвакуированных не поселили. Работает только мама, трудится она, не покладая рук, день и ночь. Днем вместе со всеми в поле — засыпает удобрения, ухаживает за посевами хлопчатника, а вернувшись поздно вечером домой, доит корову, стирает, латает одежду, готовит ужин и еду на завтра, моет нас, укладывает спать. Конечно, и я помогаю ей, но я еще не все умею делать. Надоенное молоко через день мама отдает соседям, а они тоже через день отдают молоко нам. Это называется тегишик. Один день, можно сказать, мы постимся, зато на другой молока и сливок получается вдоволь, кроме того, вроде и тратится меньше. Мы пьем молоко без лепешек. Если достанем немного зерна, то мама пропускает его через домашнюю крупорушку — яргучак, — а потом печет нам лепешки и готовит суп. И нет на свете вкуснее этих лепешек и этого супа.

Раз в день в поле для всех работающих колхозников готовится еда в большом казане. Иные сельчане приводят на станы детей. Мама иногда тоже водит нас туда,

но все равно мы часто голодные. Бывало, братишка и сестренка плачут, просят хотя бы кусочек лепешки. Мама отворачивается от них и молчит. Сколько раз объясняла она им, что идет страшная война, фашисты хотят нас закабалить, но малыши очень плохо все это понимают. Я же хоть и считался уже «большим и умным мальчиком», тоже втайне от малышей пускал слезу. Но если кто замечал мои слезы, я говорил, что упал и ушибся. А чаще всего я вспоминал своего папу, и тогда плакал, уже не скрывая своего горя.

По дому и мне приходилось много работать. Я приготавливал корм для коровы, затем долго скреб лопатой и начисто подметал пол. Мама во всем любила порядок и чистоту.

Но сегодня я проявлял особенное рвение. Вернувшись с поля, мама увидит чистый хлев, подметенный двор, порядок в кибитке и будет радешенька. А я воспользуюсь этим и выпрошу у нее касу или полкасы молока и несколько сушеных кругляшков творога, который у нас называется куртот. Мама, конечно, даст, и я все это понесу раненому солдату. «Бедный Акмал-ака, наверное, сидит, сжавшись от холода...» — думаю я, и сердце мое сжимается от жалости.

Управившись со всеми делами, я привел братишку и сестренку из детского садика, то есть из дома Унсанбуви. К ней, к этой доброй старушке, многие родители отводят своих ребят, и они там целый день играют. Унсанбуви хоть и старенькая, но еще подвижная, и ребят держит в строгости.

Усадив малышей возле сандала, я уже принялся было за домашние задания, когда вернулась с работы мама. Она выглядела очень усталой, щеки у нее ввалились. Из-под платка выбилась запыленная, но все равно черная прядь волос. И хотя уже стало смеркаться, в доме

вроде бы стало светлее. Мама улыбнулась, и мы весело защебетали.

Мама зажгла лампу.

— Сарварджан, наверное, стадо пришло,— сказала она.— Привести бы корову надо...

Отложив учебники и тетради, я побежал на улицу встречать стадо — это моя каждодневная обязанность, как, впрочем, и многих других мальчишек кишлака. Утром после дойки мы выгоняем коров в стадо, а вечером встречаем. Когда мама подоит корову еще раз, я веду ее в коровник и привязываю.

Стадо уже прибыло, но я успел вовремя и пригнал корову домой. Мама подоила ее и унесла молоко соседям в счет тегишик. Выполнив кое-какие другие дела, мама тоже села к сандалу погреться и отдохнуть. Вижу, она заметила, наконец, мое особенное усердие в хозяйстве, очень ласково посмотрела на меня и погладила по голове шершавой, но такой легкой ладонью.

— Какой ты у меня молодец, сыночек! И за коровушкой присмотрел, и прибрал повсюду. Ах ты, богатырчик мой, облегчение мое... Ну, как дела у тебя с учебной, сыночек?

— Хорошо, мама.

— А я тоже скоро пойду в школу,— вставил свое Тимур.

— И я...— пролепетала Халима.

— Пойдете, пойдете, милые,— мама и их погладила по головкам.

Я решил, что настал самый удобный момент, чтобы попросить у мамы немного молока и сушеного творога.

— Мы вчера, возвращаясь из школы, вместе с Агзамом ходили к Акмалу-ака...— начал я издали, боясь сразу получить отказ.

Мама с удивлением спросила:

— А кто это такой Акмал-ака?

— Ну, тот, которого привез на арбе Эшмат-ака. Вот к нему мы и ходили.

— Его зовут Акмалом? Откуда вы узнали?

— Сам он сказал. Попросил у меня книгу, я дал, а он прижал ее к лицу и заплакал.

— Заплакал?

— Да, заплакал. Мы спросили, что с ним, а дядя ответил: так, мол, ничего не случилось, вспомнил кое-что.

— Бедняжка, наверно, детей, семью вспомнил,— сочувственно вздохнула мама.— Слышала я, что Иззатулла плохо поступил... Ему, бедняжке, наверно, и есть нечего.

— По-моему, у него ничего нет.

— Может, молочка дать? Отнесешь?

— Конечно, мама!

Мама дополна налила в касу молока и подала мне.

— Не пролей!

— Дайте и несколько шариков курта,— попросил я.

Ничего не говоря, мама дала шесть штук. Я уже отправился было за порог, но мама позвала:

— Сыночек, постой-ка!

Мама взяла у меня касу из рук, отошла к нише, накрыла касу белой тряпочкой и вернула мне молоко, сказав:

— На, носи. Не хорошо, когда ночью в молоко заглядывают звезды.

С касой в руках и куртом в кармане я быстро зашагал по улице. А сам то и дело поглядываю на касу с молоком — не пролить бы. И вдруг где-то на полпути передо мной вырос человек, я чуть было не опрокинул

касу от испуга. Но, присмотревшись, я узнал Таташа-джиини. Таташ — юродивый. У него что-то неладно с головой. Ходил он не как все нормальные люди — всегда куда-то торопился, бежал. И все время мурлыкал под нос какую-то ему одному известную тягучую песню. Жил он и спал где придется, одет был во что попало. Но человек он был совершенно безвредный.

— Хо-о! — выкрикнул он немного гундося. — Кто ты, кто ты?

— Я — Сарвар.

— Хо-о, а что в руках?

— Молоко.

— Хо-о-о, покажи! — Он выхватил из моих рук касу и начал жадно пить молоко. Я вцепился обеими руками в касу, пытаюсь отнять ее.

— Это не тебе, отдай! — закричал я.

— Хо-о, кому же? Скажи, кому? — перестав пить молоко, заинтересовался Таташ.

— Солдату. Он живет там...

— А? Он плохой, плохой! Хо-о-о! — тоже закричал Таташ, но касу мне возвратил. — Хо-о, он отнял у меня дом... Теперь мне негде жить... Кто даст мне молока? У меня отняли молоко... Хо-о, плохо, вай, плохо!..

И он, мурлыча и плача, стремительно побежал прочь. Я стоял как вкопанный. Мне было его жалко. Заглянул в касу — молока стало на два пальца меньше. И жалость моя прошла, мне даже хотелось повернуть обратно, ведь солдат мог подумать: «Сколько молока выпил по дороге этот мальчишка!» Но какая-то сила все-таки потянула меня вперед. Вот, наконец, и заросший двор. Я заглянул в черный провал двери и крикнул:

— Акмал-ака!

— Кто там? — отозвался жилец.

— Это я, Сарвар.

— Сарвар? Сарварджан? Поди сюда, сынок,— ласково и сонливо позвал солдат.

Ничего не видя, я направился на шелест соломы, с каждым шагом ощупывая пол ногой, осторожно держа обеими руками касу с молоком.

— Принес вам молока,— сказал я для того, чтобы в темноте он случайно не выбил у меня из рук посуду.

— О, напрасно ты утруждал себя, сынок. Ну, коли принес, спасибо,— поблагодарил он.— Вот лампы-то у меня нет. Еще не совсем устроился. Да ладно, обойдемся.

— Вот и курт еще,— достал я и подал ему шарики.

— Спасибо, сынок, спасибо.

Солдат осторожно принял у меня в темноте касу и выпил молока, а курт положил в вещмешок про запас.

— Недавно приходил тут какой-то парень, скандалил. Я не совсем разобрал, о чем он толковал мне. Ты не видел его? Кто он такой?

— Не знаю, о ком вы говорите...

— Странный какой-то.

Я догадался, что речь идет о Таташе-джинни, но рассказывать о нем мне не хотелось. Можно расстроить солдата, а ему надо залечивать раны. И я промолчал.

— Сарварджан, кто у тебя дома?— немного подождав, осторожно спросил он.

— Мама, я, братишка и сестричка. Больше никого. Папа на фронте. А что?

— Да так...— замялся он и опять помолчал. Белое лицо его в темноте можно было немного разглядеть, но что на нем было именно сейчас, я не рассмотрел. Все-таки над чем-то он, видно, задумался, потом поднял голову и сказал чуть насмешливо:

— Чудно! Из правления мне передали немного зерна. А я не знаю, что с ним делать — ни котелка у меня,

ни другой посуды. Котелок-то в госпитале забыл. Хорошо, что хоть ложку сохранил, а то и за солдата можно было бы меня не считать... Какой-то стал я неприспособленный... После контузии забываю все начисто... Так о чем это я? Да... Не сварит ли мне кашу твоя мама?

— Сварит, дядя, мама не откажется,— торопливо заверил я.— У нас есть свой яргучак, зерно перемелем,— добавил с радостью я, чтобы он больше уверился в моем обещании. Мне очень хотелось ему чем-то помочь — тогда ведь и спрашивать о войне будет легче.

— Если это не трудно...

— Нет, нисколько!

Акмал-ака высыпал из мешочка зерна в пустую уже касу, протянул мне. Осторожно держа касу в руках, я попрощался. Расспрашивать, где он воевал, как был ранен, я пока не отважился. «Вместе с Агзамом спросим»,— решил я и отправился домой.

Глава третья

Вернувшись домой, я застал у нас за сандалом дядю Пулата и Эшмата-ака. Мама ставила самовар. Он у нас медный, старенький, но с медалями, это большая наша семейная драгоценность. Мама кипятит его только для особо уважаемых людей, все остальное время самовар стоит в нише, на возвышении. Дядя Пулат и Эшмат нас навещают часто. Эшмат и папа были самыми большими друзьями. И на фронт ушли вместе.

Эшмат, как может, помогает нашей семье: мама иногда дает ему сузьму — сладкий творог, сливки, и он отвозит наш товар в город, а там мой дедушка продает их и, купив зерна, чаю или что-нибудь из одежды, присылает нам. Вот и сегодня Эшмат, кажется, привез кое-что от дедушки.

И верно, только я успел поздороваться, мама начала расстилать дастархан на сандале. Хотя сегодня я уже видел дядю Пулата, все равно поздоровался с ним снова.

Дядя Пулат, как мне показалось, был не в настроении. Он нехотя ответил на мое приветствие и тут же спросил:

— Ты пришел от Акмала?

— Да, от него, дядя,— ответил я.

— Так...— неопределенно сказал дядя и потербил свою поседевшую бородку. Видимо, перед моим приходом они говорили про солдата.

— А что это у тебя в руке?

— Каса.

— А в ней?

— Пшеница.

— Пшеница?!— удивился арбакеш. Я понял его — ведь пшеница тогда была на вес золота, это хлеб, и я было собрался ему ответить, но меня тут же перебила мама.

— Где ты ее взял?— закричала она, неизвестно о чем подумав.

— Акмал-ака дал. Ему из правления принесли.

— А зачем он ее тебе отдал?— опять вступил в разговор дядя. И у него голос был строгий, мне даже страшновато стало. Я ответил ему поспешно:

— Он попросил, чтобы мама кашу сварила. Я сказал, что мама не откажет.

Тут все присутствующие облегченно вздохнули, а мама покачала головой и сказала сочувственно:

— Вай, бедняжка, бедняжка...

— Негодяй!— неожиданно ругнулся Эшмат, посмотрел на меня сердито, но больше ничего не сказал. Я сжался от страха.

«В чем я провинился?»— замелькали у меня тревожные мысли. Но мама подошла ко мне, взяла кашу и, погладив по голове, сказала мне тихонько, чтобы я шел к малышам. Только тут я понял, что слово «негодяй» ко мне отношения не имело.

Пока закипел самовар, Эшмат и дядя Пулат о чем-то тихо разговаривали. Я не прислушивался.

Вдруг я увидел, что мама положила на дастархан буханку хлеба и три кусочка сахара. Буханка круглая-прекруглая! Когда мы видим хлеб, нам даже не до сахара. Хлеб! Нас тянет к нему неодолимая сила, тяжело, очень тяжело удержаться, но подойти мы, ребятишки, не смеем. Если подойдем, то мама скажет, что так не поступают хорошие дети. Тимур и Халима об этом тоже знают и только смотрят на хлеб блестящими и жадными глазами. Они ведь почти не помнят, что до войны хлеба было вдоволь, а я все помню и всеми своими детскими мыслями проклинаяю немецких фашистов. Если бы я мог, то убежал бы на фронт и сражался бы не на жизнь, а на смерть с проклятыми шакалами. Только мне уезжать нельзя — мама не справится с моими братишкой и сестренкой... Эх, судьба моя незавидная!..

А вот у сандала уже стоит шумящий самовар. Вода в нем булькает, веселится, и он словно стал новее.

— А ну Сарвар, Тимур, Халима, подойдите сюда,— позвал нас дядя.— Подойдите, детки.

Братишка и сестренка не заставили себя ждать, быстро подбежали к дастархану, а я, не желая получить упрек в невоспитанности, не торопился.

— Сарвар, не слышишь, что ли?— упрекнула меня мама. Она вытирала пиалушки.— Дядя зовет!— сообщила она, словно я не слышал этого зова.

Тут и я быстро уселся рядом с малышами, которые

пристроились возле дяди. Сел я рядом с Тимуром, он пальцем поманил меня.

Эшмат-ака начал резать буханку. А мы все не спускали глаз с хлеба. Смотрел, смотрел я, как Эшмат-ака разрезает буханку, как на ножике остаются крошки хлеба, и громко проглотил слюну. Все заметили, но хорошо, что никто ничего не сказал. Хлеб был малость недопечен, и все же запах от него шел нестерпимо аппетитный. Середина буханки немного раскрошилась, и малыши, проявляя нетерпение, начали подбирать крошки и пререкаться.

Хотя дядя Пулат тоже наблюдал за действиями Эшмата, думал он, оказывается, совсем о другом.

— Худо,— произнес он, хмурясь.

— Что худо?— спросил Эшмат-ака.

— Зачем этого человека надо было помещать в холодную кибитку? Другого места нельзя было найти?

— Полное безобразие!— согласился Эшмат-ака, очищая лезвие ножа от прилипшего хлеба. И после некоторого раздумья предложил:— А если нам самим поместить Акмала к кому-нибудь, у кого потеплее? Как, потвоему, к этому отнесется Иззатулла?

— Ему, конечно, не понравится,— уверенно заявил дядя Пулат и в подтверждение резко махнул рукой.— Только вот найдется ли такой дом, куда можно будет поместить солдата? Возьмем тебя, Эшмат: семейка небольшая и эвакуированных двое. И ко мне нельзя — одна комнатуха на пятерых. Если бы дело было летом... А другим предлагать — дело сложное. Ведь человек-то был...

— Что еще?— насторожился Эшмат.

— Иззатулла говорит, что Акмал был осужден за воровство...

— Ну и что? Человек пролил кровь. Если и была

вина, он искупил ее. Человек перед лицом смерти всю свою жизнь обдумывает заново, поступки свои оценивает строго. Если человек дважды побывал в госпитале, ему можно верить... Немало повидал таких...

— Ну, ладно,— сказал дядя Пулат.— Приедет Султан-бобо, тогда посмотрим. Во всяком случае, оставлять его там нельзя...

Я затаил дыхание. Так вот, какие дела, оказывается... Я даже о хлебе на минуту забыл. «За что же был осужден солдат? Как это — искупил вину?» Вопросы кружились у меня в голове, летали, метались, словно стрижи, но попросить разъяснения я не осмелился.

Мужчины опять долго сидели в задумчивости, попивая чаек, кладя в рот малюсенькие кусочки сахара. Можно сказать — для близира — сладости от них почти не ощущалось. А мама все разливала чай по пиалушкам, из самоварного краника вырывался пар, и самовар уютно шумел, точно нашептывал какую-то свою песенку — веселую, гостеприимную и шутливую... А мы медленно жевали хлеб, чтобы подольше продлить удовольствие...

— Сарвар, ты долго разговаривал с дядей Акмалом, когда вы были у него с Агзамом? — обернувшись ко мне, спросил дядя Пулат.

— Долго. Он рассматривал наши книги, прижимал их к груди... — Я рассказал все, как было. Эшмат и дядя Пулат переглянулись. Мама тяжело вздохнула, ей было жалко раненого солдата.

Эшмат отхлебнул из пиалы чай и сказал невесело:

— Когда я вез его на арбе, он так печально рассматривал наши поля, будто что-то вспоминал и мучился.

— Вы разговаривали? — спросил дядя Пулат.

— А как же.

— О чем?

— Он, оказывается, раньше работал в городе учителем, поэтому интересовался, есть ли в кишлаке школа, сколько в ней учится детей. О школе я рассказал, ну, а сколько детей у нас, какие из них учатся, какие нет — откуда мне знать.

Дядя Пулат улыбнулся.

— Тебе своих-то трудно посчитать, не только чужих...

— В руке он держал толстую маленькую тетрадь, — не обратив внимания на шутку дяди Пулата, серьезно продолжал Эшмат-ака. — Хотел, видно, в ней что-то прочитать, только арба качалась, да и руки у него здорово тряслись. Это от контузии, я знаю. А когда подъехали к речке Карсак, на воду опустилась стая уток. Солдат обрадовался, посветлел лицом и сказал: «Чудные места... Чудные!»

— Может быть, он бывал у нас? — оживился дядя Пулат.

— Не знаю.

— А еще о чем говорили?

— После не удалось поговорить. Когда переехали через Карсак, нас нагнал на иноходце Иззатулла. Прогнал мимо, не поздоровался. «Кто это?» — спросил солдат. «Наш бухгалтер», — ответил я. Он ничего не сказал, прилег на хворост, укрылся с головой... Он, кажется, сильно израненный, но не жаловался, только тяжело вздыхал.

Мужчины задумались. Мама воспользовалась перерывом в беседе и обратилась к Эшмату:

— Дедушка Сарварджана ничего больше не сказал?

— Дед? — точно опомнившись, вскинул голову Эшмат-ака. — Сказал, как не сказал! «Соскучился по внукам, говорит, хотел бы съездить, повидать, да все некогда. Заботы одолели». И в самом деле, мы тут жалу-

емя, тяжело, мол, а ведь городское житье сейчас еще труднее.

— Да, пока война не кончится, достатка не будет. Фронту всеми силами надо помогать. Чем больше мы поможем, тем скорее победим проклятого фашиста,— сказал дядя Пулат.

Потом заговорили об ушедших на фронт родных, знакомых, соседях, молодых и пожилых уже, о том, что от нескольких фронтовиков давно нет писем. Потом забирались по домам.

— Эшмат-ака, у вас завтра в городе нет никаких дел?— спросила мама.

— Нет, послезавтра поеду. Приготовь, что надо,— ответил Эшмат.

— Не о том я...

Но Эшмат-ака не обратил внимания на заминку мамы, взял свои костыли и вышел во двор вместе с дядей Пулатом.

Мама постелила малышам постель, постояла у окна, подумала и вдруг сказала мне:

— Сарварджан, сыночек, пойдем-ка со мной.— Она повела меня на веранду.— Ты, сыночек, легче меня, лезь на балахану.

— Зачем?— удивился я. Признаться, мне было боязно. Там темно, среди разного скарба и скорпионы могли оказаться.

— Найдешь мешок и подашь мне,— наказала мама и посадила меня.

Очутившись на балахане, я в первую минуту двигался, ничего не различая, наткнулся то на бидон, наверное, дырявый, то на старую люльку. Наступил на глиняный горшок и, кажется, раздавил его...

— В правом углу мешок... Вон там... К стенке приставлен,— поясняла мама.— Нашел?

Я не отвечал. От страха я сжал зубы. Наконец я нашупал мешок и радостно крикнул:

— Нашел!

— Тащи его сюда.

— А что в нем, мама?

— Колосья.

— Колосья?— не поверил я.

— Подавай же!— сердито приказала мама, и я заторопился.

Большой мешок до половины был набит колосьями и оказался очень тяжелым — килограммов двадцать-двадцать пять. Я кое-как дотащил его до края балаханы и свалил на руки матери. Когда я спрыгнул вниз и вошел в комнату, мама, очистив один колосок, собрала зернышки на ладони и подошла к лампе.

— Точно золотые. Пшеница яровая, сами сеяли. Это я после обмолота подмела хирман, думала, пригодится на черный день...

Мне все уже было ясно. Мама, бедняжка, не будет знать покоя всю ночь. И точно: она до полуночи не сомкнула глаз — обмолачивала в ступе колосья, веяла, отделяла мякину от зерна. Я как мог помогал.

Меня стало клонить ко сну, я зевал во весь рот. Устала и мама, со лба ее и щек катился пот.

— Хватит, мама, ложитесь спать,— посоветовал я.— Отдохните, а то ведь на работу вам надо идти.

— Верно, скоро на работу уже надо собираться, сынок.— Мама пальцем смахнула со лба крупные капли пота. Постелив на циновки скатерть, она сказала:— Сейчас немного зерна размельчим, чтобы завтра можно было приготовить еду. Постараюсь с работы вернуться пораньше. Позовем в гости твоего солдата. Обогреется человек у сандала, да и внимание людей ведь тоже согревает...

Я обрадовался — интересно же, что расскажет солдат. Придет, наверно, и Эшмат-ака, не зря же мама спрашивала, есть ли у него завтра в городе дела.

Мама поставила на скатерть крупорушку. Я держал один конец скалки, другой конец был воткнут в ямку круглого камня. Мама начала вертеть камень, зерно стало превращаться в крупу.

Легли спать мы поздно, но очень довольные.

Глава четвертая

После уроков я, отмахнувшись от приглашений дружков и даже не сказав ничего Агзаму, направился прямо к старой бане. Ночью, укладывая меня спать, мама сказала: «Завтра после уроков сходишь к солдату и скажешь, чтобы вечером он пришел к нам. Позовешь также Эшмата-ака и дядю Пулата. Они побеседуют — все на сердце станет легче». И вот, нарушив заведенный порядок, не выполнив еще домашнего задания, шагаю я на окраину кишлака.

Сегодня совсем тепло, небо безоблачное. От земли поднимается синий пар. На деревьях завели свои звонкие песенки разные птички, особенно веселятся и кричат воробьи. По берегам арыков на солнечной стороне уже проросла молодая еще светло-зеленая травка. У дувалов лентами выются подсохшие тропинки, идти легко. Земля у нас высыхает быстро. А все-таки как все удивительно в природе! Три дня назад, когда приехал в кишлак Акмал-солдат, был настоящий ливень. Вчера ударил морозец. А сегодня уже весна...

А вон и старая баня. Только я хотел повернуть в переулок, как меня кто-то окликнул:

— Сарварджан!

Позвали очень тихо, поэтому я даже не понял сразу,

откуда идет голос. Я огляделся и увидел метрах в пятидесяти, на солнечном зеленом склоне невысокого холма, раненого солдата. В руках у него была палка. Поигрывая ею в воздухе, он помахал мне другой рукой, подзывая к себе. Я подошел. Вижу, настроение у солдата хорошее, лицо довольное. Улыбается он.

— Рад видеть тебя, Сарварджан в своих владениях,— шутливо повел он вокруг рукой.

— Здравствуйте!— поздоровался я.

— Здравствуй, дорогой! Да вырасти тебе большим и сильным джигитом!— пожелал он мне.

Шинель у него была распахнута, ворот гимнастерки растегнут, голую грудь он подставил солнцу. Хоть было довольно жарко, ушанку свою он не снял. Из-под шапки на висках выбивались седые волосы. «Наверное, весь белый»,— подумал я.

Вычерчивая посохом на земле кружочки и жмурясь от солнца, он говорил так, словно меня тут не было:

— Вот и дожил до весеннего времени благополучно. Ну, точно прибыл домой, свиделся с женой, детьми своими...

— У вас есть дети? И сын есть?— спросил я.

— Сын тебе ровня, а дочка на два года моложе,— ответил он.

— А как зовут вашего сына?— Я совсем осмелел, пододвинулся к нему ближе.

— Фархадом его зовут,— мягким и нежным голосом ответил он. Потом ласково, словно своего сына, осмотрел меня и спросил:— Сколько тебе, Сарварджан?

— В этом году исполнится пятнадцать.

— И моему Фархаду тоже...

Солдат с тоской и нежностью осматривал меня, видно, он очень любил своего сына, и мне почему-то вспомнился мой папа, вспомнились те минуты, когда он осо-

бенно был ко мне ласков, готов был исполнить любую мою просьбу. У него были в эти минуты такие веселые глаза, он так радовался, что мне становилось тоже нестерпимо весело, даже сердце заходило. А сейчас я смотрел на солдата, и мне было его жалко.

— Акмал-ака, а вы ночью не мерзнете?

— Нет. В местах, где я воевал, тридцать пять — сорок градусов мороза было. А здесь не погода — халва.

— А где вы воевали? — я спросил и лишь потом спохватился: человек больной, ему рассказывать трудно, да и вопрос этот я хотел задать вместе с Агзамом, ведь ему тоже интересно послушать о войне.

— Э, сынок, рассказ этот длинный, о фронте как-нибудь после поговорим, — убеждал он меня.

А мне так хотелось узнать, в каких краях он воевал, кем был на фронте, много ли убил фашистов. Но все же я переборол свое любопытство, просить больше не стал.

— Хош, — вздохнул солдат и спросил: — Ты сейчас из школы?

— Да. Только что кончились уроки.

— Ты любишь литературу, сынок?

— Люблю.

— А какие книги ты читал?

Я замаялся. Оказывается, за все время я очень мало книг прочитал до конца. Не то книги попадались скучные, не то времени было у меня маловато... А скорей всего сам я не особенно старался, любил побегать по улице. Я так и рассказал солдату.

— Э, так не годится, Сарварджан. Любить литературу и не читать книг! Что это такое? А что за человек ваш учитель по литературе?

— Хороший человек. Мой дядя, — хвастливо сообщил я.

Солдат неопределенно покачал головой, не то одобрил мое сообщение, не то в чем-то засомневался, и спросил снова:

— А какие ты знаешь сказки?

— «Соврешь, трижды соврешь и сорок раз тоже», потом — «Бей, дубинка...»

— А дастаны? «Тахир и Зухра», «Алпамыш», «Раушан»?

— Я их названия слышал, но не читал.

— В школе у вас есть библиотека?

— Есть. Но таких книг там нет.

Он посмотрел на светлое безоблачное небо, о чем-то подумал и сказал, чуть улыбнувшись:

— А хочешь, я расскажу одну из этих поэм? Слушать будешь?

— Вы знаете их на память?

— Знаю. Я ведь тоже люблю литературу...— и он тихонько засмеялся. Затем заговорщически мне подмигнул.— Давай, Сарварджан, договоримся так: я расскажу тебе все сказки, какие знаю, каждый день буду рассказывать по одной, а ты поводишь меня по кишлаку, покажешь поля, сады. По рукам?

— Хорошо, согласен!— обрадовался я.

— Но еще одно условие: ты и сам будешь регулярно читать книги. А я очень строгий, часто буду проверять. Договорились?

— Ладно...— с неохотой выговорил я это слово. Обещания-то надо выполнять, а я не особенно надеялся, что сумею долго сидеть за книгами. Однако слово вылетело, и настроение у меня испортилось.

— Хвала!— воскликнул обрадованно солдат.— В таком случае, прямо сейчас я прочитаю тебе одну поэму.

По всему было видно, что солдату отпускать меня не хотелось, он желал, чтобы я хоть немножечко еще поси-

дел с ним. Одному ведь скучно. Хотя дома меня ждали неотложные дела, я сел на камень и превратился весь во внимание, как говорил мой дядя. Солдат тоже уселся поудобнее, застегнул шинель, немного подумал, глянул на другой холм, что возвышался в отдалении, и спросил:

— Хош, какую же тебе вначале прочитать поэму? Может, начнем с «Раушана»?

Я промолчал. Мне было все равно, с какой поэмы он начнет, только мне хотелось его немного поторопить — домашние дела откладывать нельзя было.

Наконец, он откашлялся, приложил руку к груди и начал говорить. До этого я думал, что он человек немногословный. Оказывается, ошибался. Он сразу преобразился, стал каким-то совсем другим — подвижным, резким, я даже рот разинул. Когда он рассказывал о врагах, о проделках Қарахана, глаза у него прямо-таки горели ненавистью. Приподнявшись, он читал стихи то с гневом, то с презрением. Он, наверно, не замечал, что взмахивает своими слабыми руками, стучит концом палки о землю, словно собирался сам вступить в сражение. Когда же дело дошло до Раушанбека, глаза солдата засияли восторгом, он заговорил до того красиво, что я затаил дыхание. Все будто происходило передо мной: я представил себе, как Раушан летел на своем сказочном скакуне через поля около нашего Каркарали, будто его крылатый конь пил воду из нашего сая Карачик, а седобородый, с лучистым лицом, старик Гер-оглы-бобо на своем коне Гыр-Ат во главе четкого ряда сорока нукеров-богатырей скачет через наши холмы Куштепа, и след от копыта его коня огромен, как тот очаг, который с давних времен остался на месте заброшенного аула недалеко от нас...

Когда же солдат начал пересказывать приключения Раушана, я почему-то представил себе виденный не-

сколько раз большой-пребольшой базар в городе. Раушан, ища свою Зульхумор, говорил:

Ехал я мучным базаром,
Ехал я мясным базаром,
Ехал шерстяным базаром,
Ехал скобяным базаром,—
Ну, а где же базар колпачный?

И каким-то уже совсем другим голосом, с глубокой болью, передавал горе и плач несчастной с выколотыми глазами матери, лишившейся шести сыновей-батыров. Из глаз моих невольно тоже брызнули слезы, Гер-Оглы-бобо будто превратился в моего деда, которому очень хочется повидать нас, но все мешают дела, заботы. У рассказчика, кажется, и вовсе застонала душа, когда он повествовал о скитаниях внука Гер-Оглы-бобо, искавшего Раушана и настойчиво преодолевавшего неимоверные препятствия. Не знаю, может быть, и солдат вспоминал свою семью, свой дом или однополчан, где-то воюющих, лежащих в госпиталях или погибших за счастье и свободу Родины. Дядя Пулат тоже много рассказывал разных историй, но у него не получалось так красочно и сильно, так вдохновенно, как у Акмала-солдата.

Наконец, то ли он устал, то ли остановила его тяжесть воспоминаний, но только он вдруг задохнулся, смолк и сказал:

— Остальное дослушаешь завтра, Сарварджан.

Вынув большой платок, он провел им по глазам, затем, точно попав из тьмы на свет, прищурившись, посмотрел вокруг затуманенными глазами.

Заходившее солнце уже опустилось на макушку молодой акации и покачивалось, как надутый красный детский шар. Заслушавшись, я и не заметил, как пролетело время. Опираясь на трость, солдат с трудом поднялся.

— Теперь, Сарварджан, ты иди домой, отдохни. И я прилягу. Засиделись мы.— Он поправил шинель, проверил, все ли крючки застегнуты, затянулся ремнем.— Вроде бы прохладнее стало,— добавил он и поежился.

— Ветер подул холодный,— сказал я.

— Ну, пошли.

— Акмал-ака, мама просила вас прийти сегодня к нам в гости.

— В гости?

— Я пришел за вами.

Подумав, он ответил:

— Спасибо. Я бы с удовольствием пошел, но чувствую себя неважно...

Мне показалось, что это просто отговорка.

— Без вас я не уйду,— стоял я на своем.

— Об-бо, мулла Сарвар, ты еще и настойчивый, оказывается,— улыбнулся солдат.— А кто еще будет?

— Дядя Пулат, Эшмат-ака.

— Да? Тогда скорее шайтан свернет себе шею, чем я не уважу этих людей. Быть по-твоему, мулла Сарвар.

Я сбегал к дяде Пулату и арбакешу Эшмату, пригласил их, как велела мама, и, быстро управившись с домашними делами, снова пришел к солдату, чтобы повести его к себе домой. Пока я отсутствовал, он подстриг бородку, немного почистил шинель и вдруг стал выглядеть моложе.

Глава пятая

Мы уже подходили к нашему дому, когда навстречу нам, мурлыча по своему обыкновению песню, попался Тоташ-джинни. Он всегда почтительно приветствовал встречных, а на этот раз поспешно проскочил мимо не

поздоровавшись. Не поприветствовал он меня, наверное, потому, что рядом со мной был солдат. Насколько я знал, только двум людям не по душе было прибытие Акмала в наш кишлак. Одним из них был Иззатулла, а вторым Таташ-джинни. Почему солдат не понравился Таташу, мне было известно, а с какой стати Иззатулла возненавидел фронтовика, я не мог уразуметь.

Мы пришли. Мама, оказывается, тоже только что вернулась с работы, привела малышей сама и уже разводила в очаге огонь. Поздоровавшись с гостем, поинтересовавшись его здоровьем, она постелила на сандал скатерть. Гость же стоял у порога, смущенно смотрел на свои грязноватые ботинки и не решался пройти и сесть.

— Проходите, пожалуйста, не стесняйтесь, у нас не богатые хоромы,— пошутила мама.— Сарварджан, ты посиди, поговори с гостем, а я поставлю самовар. Скоро, наверно, придут дядя Пулат и Эшмат-ака.

Мама вышла. Гость сел на пол, разматал обмотки и снял ботинки, только после этого он прошел к сандалу, сел и оглядел нашу комнату. Особым убранством мы не могли похвалиться. Посередине комнаты — деревянная подпорка потолка. На полочку-дощечку, прибитую к столбу, поставлена лампа. Ее еще не зажгли, поэтому в доме полумрак, вещи еле различаются. В одной стене две широкие ниши, в них по сундуку, и на каждом из них лежат старенькие ватные одеяла, которые у нас называют курпа. В противоположной стене четыре ниши поменьше, они сделаны высоко. В них разная домашняя утварь. Но первое, что бросалось в глаза приходившим к нам людям,— это патефон и дутар. Их купил отец еще до войны. Он очень любил музыку, сам неплохо играл на дутаре. С тех пор, как отец ушел на фронт, дутар лежит недвижимый. Я еще не научился. О бра-

тишке и сестренке и говорить нечего. Мама бережно хранит дутар в сшитом ею чехле из красного сатина. Но патефон я иногда завожу, будто для малышей, а на самом деле очень люблю послушать музыку сам.

Наш гость как увидел дутар, так и не мог оторвать взгляда. Видно, здорово соскучился по музыке, догадался я.

— Вы играете на дутаре?— спросил я осторожно.

— Когда-то играл,— оживился он.

Я встал и подал ему дутар. Он внимательно посмотрел на меня, потом встревоженно на дверь, может, стеснялся мамы, и очень бережно вынул дутар из чехла. Оглядел его со всех сторон, погладил, постучал легонько ногтем, приложил к уху и послушал. Дерево тихонько загудело.

— Хорош,— с удовольствием признал он.— Только вот струны надо бы сменить, старенькие, изношенные.— Он начал настраивать инструмент. Когда струны зазвенели влад, гость спросил:— Ну, мулла Сарвар, что тебе сыграть? Или все равно? Ну-ка попробуем.— Он начал наигрывать незнакомую мне мелодию, и лицо его засветилось.— Отвык. Раньше лучше получалось.

Тут вошла мама. Она зажгла лампу и оглядела нас немного удивленно. Я боялся, что она посмотрит на меня неодобрительно, я ведь не спросил у нее разрешения взять папин дутар, но все обошлось благополучно. А солдат заиграл что-то веселое, бодрое. Играл он вполне прилично, не очень-то, значит, отвык. И как только раздались звуки дутара, мне показалось, что наша комната преобразилась, стала светлее и уютнее. Мама, прислонившись к стене, тоже заслушалась. Веселая мелодия постепенно затихла и внезапно перешла в другую, которую я слышал,—«Мунажат». Дутар заволновался, загрустил, и опять каким-то другим, будто печальным,

стал наш дом. Мелодия эта, видимо, каждому напоминала какие-то происшедшие в жизни события: мама, наверно, думала о папе, о проводах на фронт, о его трудной окопной боевой службе, она пригорюнилась, с тоской смотрела в окно, на глазах ее появились слезы; а гость наш вначале почему-то чуть заметно улыбался, потом улыбка с его лица исчезла, морщины на щеках и на лбу углубились, наверно, теперь он вспоминал что-то другое, невеселое, он мерно покачивался в такт музыке. Я смотрел то на маму, то на гостя и чувствовал непонятное смятение от того, что вдруг заиграл у нас папин дутар и, может быть, так же хорошо и душевно, как это было при папе. У меня часто-часто заколотилось сердце...

А гость играл одну вещь за другой, нет, видать, он нисколько не забыл свою выучку. До чего же хорошо играл...

Подошел дядя Пулат, и тут же за ним, постукивая костылями, пожаловал и Эшмат-ака. Входя, они поздоровались. Гость, приложив руку к груди, хотел было подняться для приветствия, но дядя Пулат предупредительно помахал рукой:

— Сидите, сидите! Не стесняйтесь. Будьте как дома. С благополучным прибытием вас, товарищ!

— И вам желаю благополучия,— ответил гость.— Здоровы ли вы, домулла?

— Благодарю. Не жалуюсь.

Не успели они как следует расспросить друг друга о здоровье, о делах домашних, как мама внесла шумящий самовар, постелила дастархан, подала на блюдечке несколько кусочков сахара, положила небольшую буханку хлеба. Она села за дастархан у столба и принялась разливать чай. Эшмат-ака, разрезав хлеб на тонкие кусочки, предложил гостю в первую очередь:

— Берите, пожалуйста, товарищ. Вы наш гость.

Первую пиалу чая дядя Пулат, Эшмат и гость выпили молча, может быть, еще не знали, как приступить к разговору, или не хотели сразу беспокоить солдата расспросами. Эшмат, увидев дутар, лежащий на кошме около гостя, не мог скрыть своего удивления, приподнял брови: до этого ли ему сейчас! И чтобы гость не заметил его недоумения, он оставил пиалу с недопитым чаем и приступил к разговору:

— Хош, товарищ, хотелось бы нам познакомиться с вами поближе. Тогда на арбе нам не очень-то удалось поговорить. Расскажите нам, из каких краев вы приехали, где воевали, какая судьба вас постигла.

Солдат отпил глоток горячего чая, отложил подальше от себя шапку-ушанку. Только сейчас я обратил внимание на то, что волосы его торчат клочьями, будто он только что поднялся после тифа. То ли от жара сандала, то ли от чая, очень горячего, то ли от вопросов Эшмата, только на лбу гостя выступил пот. Вынув из кармана брюк платок и вытирая им лоб, он сказал:

— Я ташкентский. Возвратился, как вы уже, наверное, знаете, из госпиталя.— Он помолчал, не решаясь еще что-то сказать. Долго глядел молча на пиалу, но чай не прихлебывал и вдруг проговорил сдавленно.— В сорок первом году меня осудили... Потом по моей просьбе послали меня на фронт. Это я рассказываю для того, чтобы после не было недоразумений и сплетен...

Дядя Пулат, желая знать подробности, спросил со свойственной ему прямоотой:

— За что же вас посадили в тюрьму?

— Оклеветали...— вздохнул гость, но смотрел он на дядю прямо, не смущаясь и не боясь.— Люди говорят: берегись пожара, потопа. Ну, а клевета, оказывается, бывает еще хуже. Человек, подвергшийся клевете, если

не получит сразу поддержку товарищей, точно в огне горит и ко дну идет.

— Это верно, тяжело,— подтвердил Эшмат-ака.

Слова арбакеша немного приободрили приунывшего было гостя. Задумавшись на мгновение, он затем вскинул голову, серьезно, пожалуй, испытующе осмотрел нас всех, наморщил лоб и сказал тоже довольно резко:

— Я работал в Ташкенте директором средней школы. Я педагог, преподавал литературу. Мой же бывший ученик оклеветал меня...

— Ученик?— недоверчиво переспросил дядя Пулат.

— Да, самый любимый ученик...— Голос гостя задрожал, но он и в таком болезненном состоянии мог сдерживать себя и поэтому продолжал рассудительно:— Какой-то мудрец сказал: «Я пригрел щенка. А когда он стал собакой, то в меня же и вцепился». Он был способный, этот мальчишка, и я уделял ему много внимания. И вот он же...— голос солдата сорвался.

— Каким образом?— теперь уже поинтересовался и Эшмат, но на гостя он смотрел теперь с недоверием.

— Чтобы вам было ясно, надо мне рассказать все сначала.— Гость сел поудобнее, сделал глоток чая. Вдохнул.— Я уже говорил вам — преподавал я литературу, а как директор интересовался всеми учениками вообще. Мальчик — назову его условно Арифом — был способный, но физически слабый и поэтому учиться ему было трудно. Жил он у дяди, а родители находились в кишлаке. Дядя не очень-то смотрел за Арифом, был занят своими делами, а я, жалея мальчика, уделял ему много времени, стал фактически его опекуном. Он хорошо окончил десятый класс, не без моей помощи поступил в университет, часто навещал меня. После окончания университета он стал преподавателем нашей школы, то-

же не без моей помощи. Я продолжал поддерживать его своими знаниями, опытом. Чтобы голова у него не закружилась от успехов, на педсоветах, случалось, как друг, я открыто говорил ему о его недостатках. И он вроде бы относился ко мне по-прежнему уважительно. Но скоро я почувствовал, что он стал меня чуждаться, меньше принимает мои советы, поступает по-своему. Однажды он пришел ко мне домой, что за последнее время случалось с ним редко. Говорили мы о разном. Разумеется, больше всего о литературе. Расспрашивал он и о том, как я живу, не тяжело ли с питанием. Конечно, было тяжело, ведь двоих детей надо было кормить, а время военное, напряженное. Я знал, что из колхоза родители Арифу кое-что привозят, но он никогда ничем не делился. Однако я не обижался. Родители его тоже не ахти сколько могли ему прислать. Долго мы беседовали, а когда он ушел, я почему-то расстроился. Не то предчувствие было какое-то, не то просто из-за экономических трудностей, о которых пришлось поговорить. Сами-то мы взрослые — терпели, а вот дети...

Все, что произошло дальше, случилось для меня так неожиданно, что я не успел и опомниться. В школе стали пропадать продукты, предназначенные для завтраков учащимся. Я решил проследить за доставкой и оформлением документов. Но меня опередили. В милицию поступило анонимное заявление, в котором меня же обвиняли в хищениях. И что меня особенно ошеломило — Ариф подтвердил подозрение. Нашелся и еще один подлый свидетель... Ну, а время, сами знаете было какое, разбираться особенно было некогда. Дальше суд... Словом...

— Посадили! — воскликнул дядя Пулат, только я не понял, возмущился он или удивился.

— Да... Ариф, как я потом узнал, стал директором,

ну, а я попросился на передовую. Кстати, мне повезло: я ни разу не отступал.

Первый раз я пошел в бой под Москвой-матушкой, и погнали мы фашистов здорово. Ранило меня уже под Калинином. Ранение было не особенно тяжелое, отлежался я и опять уехал на фронт. Теперь уже, как говорили солдаты, мы дали прикурить гитлеровцам под Курском. Но здесь меня зацепило как следует. Правда, надо сказать, что я совсем не берегся, был сам не свой. А причина в том, что еще в госпитале я получил злополучное письмо — жена моя вышла замуж за другого, уехала из Ташкента, а детей отправила не то в детский дом, не то к родственникам в кишлак. Это был для меня второй и, может быть, сильнейший удар...

После этого рассказа гостя мы долго сидели неподвижно. Казалось, пошевелись кто-нибудь из нас и на него свалится вся непомерная тяжесть, какая выпала на долю солдата. Я и не заметил, когда вышла из кибитки мама, когда вошла с двумя касами гуджи в руках, настолько я был поражен несчастьями, свалившимися на голову Акмала. Я исподтишка наблюдал за ним, когда все занялись едой. Он ел, словно проделывал какую-то особую, торжественную процедуру: жевал медленно, еду смаковал, хотя она и не была особенно-то вкусной. Доев гуджу, он вытер со лба пот и поблагодарил маму:

— Большое вам спасибо! Очень хотелось горяченького.

— Налью еще? — приветливо предложила мама, протягивая руку за касой.

— Нет, не надо, я наелся, — ответил Акмал, отдавая касу. — Еще раз большое вам спасибо!

Мама собрала все касы и унесла. Вскоре снова появился шумящий самовар. Дяде Пулату, видно, надоело

сидеть в сумерках, он снял с полки лампу и поставил на сандал. И сразу люди, сидящие за дастарханом, повеселели. Или мне только так показалось? Когда я впервые увидел солдата, лицо его выглядело не только худым, но даже каким-то для меня неприятным, а тут вдруг лицо его стало ласковым, симпатичным. И чем больше он говорил, тем больше хотелось его слушать.

— Как вы сейчас себя чувствуете?— спросил дядя Пулат.

— Да еще плоховато,— ответил Акмал,— легкие у меня пробиты. Врачи сказали, что необходимо пожить в сельской местности. Вот я и нашел здесь прекрасную местность и очень любезных людей.

— Вы детей-то нашли?

— Нет еще.

— А писали куда-нибудь?

— Пытался... Пока ничего не узнал. Вот малость поправлюсь и тогда возьмусь за поиски по-настоящему.

— Верно,— согласился дядя Пулат.— И жена, может быть, вернется...

— Не знаю...— покачал сокрушенно головой гость.— У меня сын Фархад — ровесник Сарварджану... И дочка уже подросла, наверное...

— Поправиться вам надо,— снова посоветовал дядя Пулат,— а уж потом браться за поиски. Ведь вначале самому надо основательно пристроиться, найти по силам работу.

— Работа, надеюсь, найдется. Я ведь еще не стар, на это не смотрите...— он притронулся рукой к своим седым волосам.— А особенно сейчас, когда каждая рука может принести немалую пользу...

Мама, прислонившись спиной к стене, о чем-то задумалась, наверное, о том, что пусть бы приехал папа с такими же ранениями, больной, но все равно пусть бы

приехал. По крайней мере, я так думал об этом. Эшмат почему-то гневно смотрел в окно, а дядя Пулат опустил голову.

Гость пригладил рукой волосы. Но они не подчинялись, растопыривались во все стороны.

— Вот ведь как сложна жизнь,— снова тихо заговорил он, обращаясь к дяде Пулату.— Такую «услугу» оказал мне мой ученик... Трудно проникнуть в нутро человека, особенно подлого. Почему иные не радуются успехам друзей, завидуют им, а иногда становятся врагами? Почему так, домулла-ака?

Ему никто не ответил, видно, нелегко на такие вопросы отвечать. Дядя Пулат долго не поднимал голову, потом глянул на гостя сочувственно.

— Не расстраивайтесь,— сказал он.— Увы, бывают такие негодяи. Но нет худа без добра. Только вчера вы были на грани жизни и смерти, а сегодня вот на дворе весна и вы поправляетесь. Не так ли?

— Пожалуй, вы правы. Поистрепались мои нервишки, и я стал видеть много темных пятен.

Эшмат протянул гостю пиалу с чаем. Попивая чай, Акмал, видно, успокоился и вдруг, улыбнувшись, сказал:

— Чудно! Человек странно устроен. Например, нам сны, знаете ли, иногда снятся удивительные. Однажды во сне будто вернулся в Ташкент, выскочил из поезда — и прямо в школу, в учительскую. Там ничего не изменилось, столы, стулья, шкафы остались все те же, на одном шкафу рулоны географических карт. Захожу в кабинет. В глубине его сидит на моем месте Ариф, читает газету. Он меня не заметил. Я подошел к нему, кашлянул. Оторвался он от газеты и, как увидел меня, так и обмер. «Вставай, негодяй! Пришел настоящий директор!» — говорю я ему. А он от испуга весь сжался, задрожал и шепчет: «Хоп, домляджан, хоп, хоп...» и,

ютихоньку пятясь, выскользнул из кабинета. Вбежала девушка-секретарь, та же, что была при мне, увидела меня, засияла, а через минуту кабинет наполнился давними друзьями и приятелями — и ушедшими на фронт, и уже погибшими, стариками, оставшимися в школе. Мы стали обниматься и гут я проснулся.

— Хороший сон вы видели, — определил дядя Пулат. — По-моему, вы, домля, снова вернетесь в свою школу и будет у вас друзей не меньше, чем прежде.

Эшмат-ака по характеру своему был человеком прямым, не стесняясь никого, он иногда любил рубануть с плеча. Не сдержался он и на этот раз. Долго не принимал участия в разговоре, хмурился, поглядывал на собеседников и вдруг жестко спросил:

— Судя по вашим словам, дорогой гость, у вас было немало друзей и приятелей. А когда вас судили, куда же они попрятались?

— Плохой друг все равно, что тень: в солнечный день от нее не убежишь, а в облачный — не сыщешь, — за гостя ответил пословицей дядя Пулат.

Акмал отрицательно покачал головой.

— Вы верно сказали, домулла, про плохих друзей. Но у меня было много хороших, только все они к тому времени ушли на фронт. Да и время, вы сами знаете, было не такое, чтобы долго разбираться и детально. Кроме того подлецы действовали хитро, так все подстроили, что вина моя была как будто очевидной. Да и то сказать, вина-то моя все же была — ротозейство. Ведь за моей спиной действовали воры, а я не разглядел. А дети недоедали... — Он задумался, опять провел рукой по своим белым волосам. Потом добавил: — А слова ваши, домулла, насчет плохих друзей — очень верные.

— Это не мои слова, домля, их сказал казахский писатель Абай.

— Острые слова,— сказал гость.— Сколько умных мыслей на свете... Запомнишь — боль утоляется. Возьмите слова Навои: «Друзьям, тайно иглы вонзающим, предпочтительнее враг, открыто пику вонзающий». Как метко!

Они стали говорить про мудрость писателей и ученых, вспоминали поэтов многих народов, вспоминали такие имена, которые я никогда и не слышал...

И вдруг с грохотом отворилась дверь, в кибитку вошел Иззатулла. Перешагнув через порог, он остановился и оглядел нас всех по очереди. Все были удивлены его вторжением. Он, наверное, тоже не меньше удивился, увидев у нас солдата и дядю с Эшматом за чаепитием.

А мне было всегда интересно наблюдать за черными закрученными усами Иззатуллы, похожими на рога винторогого козла, и сейчас я их разглядывал внимательно, не обращая внимания на его сердитые, глубоко запавшие блеклые глаза. На голове его как всегда была каракулевая ушанка, он был в военном кителе с боковыми и нагрудными карманами и в брюках-галифе. Стоял он, широко расставив ноги, переводя взгляд с одного на другого,— мама сидела у самовара, Акмал-ака у окна за сандалом, напротив — дядя Пулат, на месте, считающемся почетным, Эшмат-ака против него, а ближе к порогу прилепился я. Около гостя, на войлоке, лежал дутар. Вроде праздничная обстановка.

По-моему все это Иззатулле показалось подозрительным, потому что, взглянув в его злое лицо, я даже испугался. Я закрыл глаза и бухгалтер неожиданно предстал передо мной черным рогатым козлом, готовым меня боднуть. Испугавшись, я скорее открыл глаза, и козел сразу снова превратился в Иззатуллу. А он улыбнулся ехидно и сказал с иронией, растягивая слова:

— Ого, все в сборе. Приятного вечера честной компании!..

— И вам, Иззатулла-ака,— скромно ответила мама.

— Я послал вам мешок зерна, солдат,— сказал он Акмалу, насупив брови.— Посланец не нашел вас...

— Меня позвали в гости...— словно оправдываясь, сказал Акмал.— Давно я не сидел у домашнего очага.

— Возможно. Но мы не должны вас искать!— сердито выговорил солдату Иззатулла.— Не так ли?— И он вышел, хлопнув дверью.

Мы замерли.

Все мы смотрели на дверь, словно там все еще стоял наш бухгалтер. Он вообще слыл грубым человеком, но такого нахальства даже от него не ожидали.

— Ну и негодяй!— прямо определил Эшмат.

Но Акмал поднялся, даже чуть-чуть улыбнулся, видно, он не обиделся, надел шапку и тогда задал странный вопрос:

— Эшмат-ака, кем приходится вашему бухгалтеру этот молодой человек в очках, что встречал нас у управления колхоза?

— Хасан-очки? Да это его сын.

— Ага, понятно,— посерьезнев, сказал Акмал и закашлялся. Справившись с кашлем, он вытер губы платком, прижал руку к груди:— Спасибо вам за угощение, за теплые слова. А я пойду все же, продукты получу.

Когда Акмал ушел, старшие молча переглянулись. Никто и не предполагал тогда, что Хасан-очки имел к данному событию самое близкое отношение.

Глава шестая

Дядя Пулат и Эшмат-ака тоже вскоре ушли, мама уложила нас в постель, а сама еще долго возилась, хо-

дила, делала что-то, но, должно быть, мысли ее были заняты чем-то своим, тяжелым. И вдруг, прислонившись к столбу, она застыла, руки ее обвисли, она закрыла глаза и бледность разлилась по ее лицу. Я поднял голову.

— Мама, что с тобой? Почему ты не ложишься?— спросил я.

Она вздрогнула. С трудом подняла веки, пошевелила руками и, видимо, пересилив усталость, спросила:

— Ты не спишь, сынок?

Она подошла ко мне, поправила одеяло и, наверное, только сейчас решившись, быстро подошла к сундуку, сбросила с него одеяла и другие вещи на войлок. Вложила ключ в замок и со звоном открыла его.

Приподняв крышку, она отодвинула в сторону отцовский халат и вытащила еще совсем крепкие валенки. Я сразу их узнал — это были папины валенки.

— Сарварджан,— тихо позвала мама, постояла немного, разглядывая валенки, потом поставила их на пол и со вздохом сказала:

— Если наш папа вернется здоровым, обувь мы ему найдем. Ты эти валенки отнеси завтра Акмалу-ака. Хоть и весна уже, а на дворе холодно. Больному человеку тепло нужно.

«Мама моя!»— хотелось крикнуть мне, но крикнуть я постеснялся, только вскочил и крепко ее обнял.

— Хорошо, аяджан. Отнесу обязательно.

Мама поставила валенки у входа. Наказав мне завтра отвести к бабушке сестренку и братишку, выполнить школьные домашние задания, привести в порядок комнату и двор, она тоже легла спать.

Сегодня у меня выходной день. Мама ушла на работу в поле, а я немножко попозднее разбудил сестренку Халиму и братишку Тимура. Они не любят рано вставать, капризничают, приходится их уговаривать или

даже прикрикнуть. Я с ними строг, и они меня слушаются, не то что маму. Покормил я их и отвел к старушке, а сам вначале приготовил корове корм, подмел двор, прибрал в доме. Заглянул в учебники. А к полудню, зажав валенки под мышками, я отправился на окраину кишлака. День был облачный, над землей стлался негустой туман. Погода вроде не очень холодная, но почему-то в такое время пробирает неприятная дрожь.

Разглядывая в тумане словно бы плавающие деревья, я и не заметил, как подошел к заросшему двору, к старой полуразрушенной кибитке, которую давно надо было сломать. Подошел к пролому в глиняном заборе и думаю: «Сейчас войду в кибитку, встречу с солдатом, отдам ему валенки. И обрадуется же он!» Потом вспомнил, что он любит греться на солнце, перешел на другую сторону двора, и к своему удивлению, не увидел солдата на том месте, где он обычно сидел. «Холодно, поэтому, наверное, забрался в уголок и полеживает там»,— решил я и крикнул:

— Акмал-ака!

Никто не отозвался. Я вошел в кибитку. Смотрю, на соломе лежит Таташ-джинни. Увидев меня, он заулыбался.

— Где Акмал-ака?— спросил я.

— Хо-о, ушел, ушел,— залепетал он радостно, потряхивая кудлатой, давно не стриженной головой.

— Куда ушел? Сам ушел?

— Ушел, ушел. Хо-о-о...— только и повторял он и все улыбался, словно встретил закадычного друга и не нарадуется. От Таташа-джинни, конечно, ничего не узнаешь. Он снова обрел свое убежище и рад до смерти.

Обескураженный, я вышел на улицу. Огляделся. Вокруг никого. Понуриясь, я направился к своему дому, но

за поворотом повстречал Агзама. Увидев зажатые у меня под мышками валенки, он очень удивился — ведь вокруг была грязь.

— Не твои ли это валенки?— засмеялся он.— И не носить ли ты их собираешься?

— Нет,— сказал я сердито.— Валенки папины.

— А куда ты их несешь?

— Акмалу-солдату хочу отдать.

Агзам подбоченился.

— Хе, Акмал-ака давно у нас. Еще вчера вечером Эшмат-ака с папой привели его.— И вид у дружка моего был такой гордый — вот, мол, как надо действовать,— что я испытал странное чувство: с одной стороны, позавидовал Агзаму, у которого находился теперь солдат, с другой стороны, обрадовался тому, что человек находится теперь в уютном месте, в тепле.

— Ну, я побежал, у меня срочное поручение,— сказал Агзам и, улыбнувшись горделиво, припустился дальше. Я же, направляясь к дяде, подумал: «Привел, наверное, к себе после вчерашнего столкновения с Иззатуллой».

Когда я пришел к дяде Пулату, он сидел во дворике и беседовал с солдатом. Сперва я даже не узнал Акмала. Изменился он здорово: на нем была фуфайка, пусть и не новая, но чистая, на голове тубетейка дяди Пулата, на ногах шерстяные носки. И вообще он выглядел здоровее прежнего. Он встретил меня с улыбкой.

— Здорово, Сарварджан!

— Здравствуйте!— ответил я, смутившись оттого, что не поздоровался первым.

— Здравствуй, племянник!— поприветствовал меня и дядя Пулат.— У тебя валенки? Зачем ты их принес?

— Мама дала. Она сказала, чтобы я отнес их дяде Акмалу.

Дядя Пулат встал и взял у меня валенки. Вижу, глаза у солдата засветились. Дядя Пулат подошел к нему и положил валенки у его ног.

— Примерьте-ка, домля. Надевайте прямо на носки.

Солдат сперва надел валенок на правую ногу, улыбнулся. Затем надел другой валенок на левую ногу и встал. Потопал и сказал:

— Спасибо, Сарварджан! Передай своей маме огромное спасибо и пожелай от моего имени хорошего здоровья.

— Ну, точно для вас делали!— с восхищением определил дядя Пулат.

— И вам спасибо, домля,— прижал руку к груди солдат.

Я был очень рад. Радовались все. А солдат настолько повеселел, что мне даже показалось — морщинки на лице немного разгладились.

— Очень тепло ногам,— проговорил он растроганно,— жаль только, ходить в них можно лишь в доме... На улицу не выйдешь...

— Ничего не поделаешь, домля, такие у нас места, почва такая,— согласился дядя Пулат,— как пойдет дождь, сразу же и на улицах, и на поле образуется желтая жижа. Ну, а там, где грязь, непременно отыщутся одна-две жабы... Родится плесень...— Он многозначительно посмотрел на солдата.— Но вы не огорчайтесь, скоро будет так жарко и сухо, что дождик ли, ручеек ли — благодатью считать станем.

При словах его: «Там, где грязь, непременно отыщутся одна-две жабы, родится плесень»—Акмал тихонько засмеялся. Улыбаясь или смеясь, он менялся в лице, становился симпатичным и, пожалуй, энергичным.

— Зачем же мне огорчаться, домулла?— сказал Акмал.— Ведь в злобных словах обычно правды не быва-

ет... А жаба... Она при всем при том ведь тоже полезное существо...

Они думали, что я маленький, ничего не разумею. Я же прекрасно понимал, о ком идет речь. Дядю Пулата удивили последние слова солдата. Я полагаю, он думал так: «Чудно! Иззатулла только вчера оскорбил человека, и вот он сегодня говорит: «Жаба тоже полезное существо», защищает его». Дядя Пулат нехотя согласился с Акмалом и, уже не считаясь с моим присутствием, сказал прямо:

— Может, и был он раньше человеком. Даже кипяток, говорят, не забывает о том, что когда-то был холодной водой. Этот же, как стал начальником, забыл, что вокруг него люди.

— Не стоит особенно-то огорчаться, домулла. Вернутся наши джигиты, и он исправится... Заставят исправиться...

— Когда боднет дойная корова, то не очень больно, домля, а когда яловая, как эта... Надо же!.. — возмущенно закончил дядя Пулат. — И опять взмахнул рукой. — Надо же: прислал пять килограммов зерна, а расписаться приказал за мешок!.. Да за такие дела!.. Вот, погодите, узнает наш председатель...

— А когда он прибудет? — спросил Акмал, видно, желая переменить тему разговора.

— Возможно, в ближайшие дни. Здоровье его, говорят, улучшилось. Да и работа на полях пошла полным ходом. Он непременно придет, вот тогда и Иззатулла поубавит прыти.

Каждый может понять, с каким интересом я слушал разговор взрослых и, по совести говоря, все время боялся, что меня прогонят. Но они про меня, видно, забыли.

Туман уже давно рассеялся, облака на небе поре-

дели. Солнце то выглядывало из-за облаков, то исчезало, и по улице, по домам проплывали огромные лохматые тени. А легкий ветерок был теплый и приятный.

Акмал долго, задумчиво смотрел на небо, в его темных глазах грусть перемежалась с радостью, а лицо оставалось печальным. В такие минуты мне думалось, что он вспоминал своего Фархада. И вдруг он сказал:

— Может, Сарварджан поводит меня по полям?

— А не устанете, домля?— спросил дядя Пулат озабоченно.— Не лучше ли вам отдохнуть сегодня?

— Столько дней я отдыхаю, что от безделья, пожалуй, устал.

— Вам виднее, домля.

— Погуляем по полям, Сарварджан?

— Погуляем,— обрадовался я.— По дому я все сделал, что мама велела.

— В таком случае, Сарвар, выводи из сарая ишака, оседлай его для нашего воина,— велел мне дядя Пулат.— Агзама я отправил по делу, и что-то он запаздывает. Как вернется, и я двинусь вслед за вами.

— Как прекрасно!— сказал Акмал.

Акмал-солдат едет на ишаке вдоль берега Карсак-сая. Я иду рядом. Весеннее солнце хорошо греет землю, золотит крыши кибиток, зеленые побеги ранней травы. Вдали переливается серебряное море, оно словно исчеркано длинными ветками тутовника. Акмал отпустил повод, предоставил ишаку свободу. Седок о чем-то задумался, а ишак то и дело сходит с тропинки, жует на ходу травку, двигается лениво, ему, конечно, хочется попасть. Обочины дороги подсохли, идти нам легко. Мне все хочется расспросить Акмала о войне, как он воевал, получил ли орден или медаль, но никак не

выберу подходящего момента, боюсь утомить раненого солдата. Может, сам как-нибудь расскажет. А он молчит и молчит.

Движемся мы очень медленно, и мне становится скучно. Я то и дело пускаюсь вдогонку за порхающими бабочками. Акмал улыбается.

Когда мы отъехали от кишлака довольно далеко, перед нами распахнулись во всей своей красе поля, серебряный поясok Карсаксая, обрамленный островками зеленой травки. На большом поле взмахивали кетменями женщины. Ребята чуть постарше меня сидели верхом на конях, тянувших за собой плуги. Откуда-то послышалась песня:

На том берегу реки тополя,
Я с тоскующей душой смотрю туда,
Хотела бы написать, но не могу,
Хотела бы поклониться любимому — стыжусь...

На том берегу реки пасется стадо коров. Вот и Супабек стоит, опершись о свой посох. Он опытный пастух, уже много лет пасет скот колхозников, и всегда у него полный порядок.

Запахи весны кружат голову. Акмал жадно вдыхает свежий чистый воздух, покашливает тихонько. С тех пор, как мы выехали из кишлака, он не проронил ни слова, видно, обуяли его запахи сырой земли, прелесть ровных хлопковых полей, красивые извилины Карсаксая.

Я спросил его, пристраиваясь рядом:

— Мы куда поедем, дядя Акмал?

Акмал с ответом помедлил. То ли он к работающим женщинам подойти стеснялся, то ли не хотел отвлекать их от работы. Помолчав, он посмотрел на стадо и сказал:

— Поедем к Супабеку.

По берегу Карсаксая мы ехали довольно долго, пока не перебрались через мост и не свернули в сторону пашегаюя вдаль стада. После того, как мы проехали мост, Акмал слез с ишака. Спутав животному ноги, я пустил его пастись, а мы пешочком зашагали по проселочной дороге. Акмал уже был наслышан про хорошего старика пастуха Супабекя и от меня, и от Эшмата. Но знаком пока с ним не был.

Супабек был, по-моему, очень интересный человек. Поговоришь с ним разок, потом так и тянет к нему. Он казах, но так как вырос среди узбеков, то хорошо говорит и на узбекском языке, и не ползет в карман за острым словцом.

— Здравствуйте, здравствуйте,— приветливо встретил Супабек.— Пожалуйста, пожалуйста, дорогие гости!

— Не уставать вам. Здравствуйте!— поздоровался Акмал, приложив руку к груди.— Как поживаете, как ваше здоровье, отец?

— Благодарим, дорогой гость, благодарим.— Супабек с интересом оглядел Акмала. Затем перевел взгляд на меня.— Значит, гостя привел, сынок? Спасибо, спасибо. Только вот жарко уже. А поправляетесь ли вы, дорогой гость?

— Поправляюсь. Хорошие люди быстро вылечивают,— ответил Акмал, покашливая.

Поздоровавшись, спросив о здоровье, Супабек посчитал первый разговор законченным, пригласил нас пройти к берегу реки, зашагал впереди, мы направились следом. Шерстяной чекмень Супабекя перепоясан ремнем, на голове его казахский тельпак — круглая шапка, отороченная мехом. Сапоги, поцарапанные колючкой и сухой травой, побелели, на них было несколько заплаток, пришитых умелой рукой. Шагал он слегка согнувшись, но споро и легко. Когда мы дошли до большого

ветвистого куста тамариска, пастух присел под ним в тень и пригласил нас сесть на траву. Мы не отказались. По всему было видно, что Супабек давно избрал это прохладное и удобное место для отдыха, может, и обещал здесь ежедневно. Из-под куста он извлек свои переметные сумы, положил рядом с собой. Потом провел ладонью по щеке, прошептал что-то и вытер рукавом лицо.

— Сегодня жарко,— повторил он и обратился к Акмалу:— Значит, решили прогуляться, дорогой гость? Похвально. Весной в поле душа блаженствует. Мне Эшмат вчера рассказал про вас. Таковы, выходит, дела наши...

Я не понял Супабека,— утешал ли он или просто приветствовал, как полагается, гостя. И Акмал, может быть, тоже не совсем понимал речь пастуха, но вроде бы соглашался, слушал с одобрением, только изредка взглядывал на меня и едва заметно улыбался.

Высказав предложение о наступлении на днях еще большей жары, но сказав, что для хлопчатника такая погода очень хороша, Супабек потянул к себе суму и вытащил из нее деревянную чашу и лепешку, завернутые в чистый платок. Постелив платок, он разломил лепешку, развязал горлышко хурджуна. Акмалу, как городскому жителю, все это, наверное, было интересно, он наблюдал за действиями старика с нескрываемым любопытством. Налив половину чаши айрана — разведенного кислого молока, пастух протянул ее Акмалу, который, слегка удивившись, некоторое время держал чашу в руках и разглядывал белую густоватую жидкость.

— Пейте, гость, пейте. Айран холоденький.

Вечером, после возвращения стада, дети пастуха обязательно обходят дома и собирают ошхалол — особую плату натурой. Каждый дает что может: кто гуджу, а

кто айран или лепешку. Хлеб кладут в отдельный мешочек, а жидкость наливают в большую тыквяную посудину.

Акмал выпил айран с охотой, от удовольствия даже зажмурил глаза. Я про себя над ним посмеивался — ствык, наверное, на фронте от такой пищи и теперь радуется.

— До чего вкусный,— похвалил гость.— Спасибо, отец.

— Чабан без айрана не чабан, дорогой гость,— философски произнес Супабек и сам выпил добрую порцию айрана. Потом пригласил:— Пожалуйста, ешьте лепешку.

Полчашки айрана выпил и я и убежал к сыну пастуха Марджанбеку, присматривающему за стадом. Когда я подошел, он тупым перочинным ножом-самodelкой обстругивал таловый прут, пытаюсь сделать себе посох такой же, как у отца,— гладкий, с красивыми узорами. Мы с ним долго ходили за стадом, а когда я вернулся к кусту тамариска, Акмал и Супабек все еще беседовали и общались теперь друг с другом, как старые добрые друзья. Акмал изредка задавал вопросы, пастух обстоятельно отвечал на них. Подойдя, я услышал, как Акмал спросил:

— А вам сколько лет, отец?

— Уже семьдесят стукнуло. Года бегут, как молодые жеребята.— Он начал подниматься и закричал.— Уй-бой! Спина проклятая... В шестьдесят лет не вскочишь на коня, в семьдесят без опоры не встанешь. Верно сказано. Теперь вы, дорогой гость, отдохните тут в тенечке, поговорите с Сарваром. А я схожу к Марджанбеку, он ведь мальчик, «чабан — от стада убегающий».

Супабек вскинул посох на плечо и, слегка пригибаясь, направился к стаду.

Мы остались с Акмалом. Вокруг тишина. Лишь изредка в небесной синеве, трепыхая крылышками, точно жалуясь на что-то, поют жаворонки да восторженно стрекочут кузнечики. Акмал лежал вверх лицом, положив голову на охапку травы, глядел в небо широко открытыми глазами. Я сидел рядом, разглядывал спешащих вереницей тружеников муравьев.

— Сарварджан,— позвал меня Акмал.

— Я вас слушаю,— по-солдатски отозвался я немедленно.

— Скажи-ка, о чем ты сейчас думал?

— Так, ни о чем... А что?

— Мне пришла в голову хорошая мысль, мулла Сарвар.— Акмал приподнялся и пододвинулся ко мне.— Теперь на поле мы будем приходить с бумагой и карандашом. Я стану кое-что говорить тебе, а ты мои слова записывать. Я бы и сам записывал, да руки у меня еще сильно дрожат после контузии. Если что и напишу, то никто не разберет. Только о нашей затее не говори ни слова. Согласен?

— Ладно,— ответил я.— Но у меня же уроки.

— Так мы будем приходить в свободное время. Ладно?

— Хорошо,— еще раз согласился я, откровенно говоря, не видя в этом деле ничего особенного и необходимого. Но коли просит солдат, отказать в просьбе я не мог.

Акмал снова лег и улыбнулся.

— С этого дня ты не мулла Сарвар, а мирзо Сарвар, то есть самый настоящий писарь.— Он взял травинку в рот, как делаю и я иногда, погрыз ее и сказал:— А хороший старик Супабек-ота, душевный человек...

Я приподнялся, взглянул в ту сторону, где паслось

стадо. Супабек разговаривал с каким-то конным. У старика интересная привычка: увидит вдали прохожего, подзовет его и начнет расспрашивать — откуда идет, куда, зачем, кто он. Определенно, он и сейчас учинял допрос проезжему человеку. Но вот он, попрощавшись с всадником, зашагал к нам.

— Идет,— сказал я.

Акмал приподнялся, сел. Супабек подошел к нам улыбающийся, сияющий приветливостью.

— Не заскучили, дорогой гость?— Он погладил бородку.— Побеседовал малость с мальчиком, который поехал в город. Скоро наш аксакал прибудет. Очень хорошо! Мальчик повел ему коня.

Старик присел в тень куста, большим платком, наверное, с головы старухи, вытер пот с лица и шеи.

— Стадо баранов во главе со львом гораздо умнее, чем стадо львов во главе с бараном!— проговорил он так, между прочим.

Акмал улыбнулся и подмигнул мне. «Мирзо Сарвар, была бы сейчас у нас тетрадь, живо записали бы эти слова»,— так я понял его улыбку. Супабек же, восприняв улыбку солдата по-своему, видимо, счел нужным разъяснить свою поговорку:

— Конечно, Изаттулла не баран, а Султан-аксакал, пожалуй, не лев, но в присказке есть доля правды. Во всяком случае, очень хорошо, что возвращается председатель. Увидите, дорогой гость, теперь ваше положение поправится.

По всему было видно, что Акмал очень доволен сегодняшней нашей прогулкой, и я был за него рад. Мы хотели уже отправиться в кишлак, но Супабек упросил Акмала остаться до обеда. Я ушел — в доме еще были дела. А Супабек и Акмал вечером пригнали стадо вместе.

Глава седьмая

Как-то после уроков, управившись с домашними делами, я пришел к Агзаму. Акмал и дядя Пулат сидели и беседовали за низеньким столом.

— Здравствуй, мирзо Сарвар!— ответил на мое приветствие весело Акмал.

Знаками я дал понять Акмалу, что принес тетрадь. «После»,— одними губами проговорил он мне.

И тут в дом вошел Султан-бобо. Приветствие он произнес задорно, не по-стариковски, хотя и голова и борода у него были совсем седые, а лицо в многочисленных морщинах и очень бледное. Видно, болезнь тряхнула его не на шутку. На нем был полосатый узбекский халат, уже выдавший виды, но сапоги хромовые и новые. Дядя Пулат и Султан-бобо обнялись.

— Как вы тут поживаете? Как чувствует себя дорогой гость?— сразу приступил к расспросам председатель колхоза.

— Спасибо, живу неплохо, —не стал жаловаться Акмал.

— А вы подлечились немного?— спросил дядя Пулат, озабоченно оглядывая старика. Садясь, он определил радостно:— Сейчас вы гораздо лучше выглядите, аксакал. Дай бог здоровья докторам.

— Премного преуспели, брат, наши доктора в науках. Но больных все много. Большинство раненые.

— Да, много раненых...— вздохнул дядя.— А что там говорят о конце войны, аксакал?

— Что могут говорить? Сами знаете, брат, что в газетах написано. Уже в логово фашистов наши пришли. Штурмуют наши на всех фронтах. Вчера из Чимкента поехал я в район, зашел в райком партии. И там говорят о том же: час победы приближается, но как скоро

он настанет, зависит от нас с вами тоже, от тех, что трудятся в тылу. Поезжайте скорее в Каркарали, сказали мне, засучите рукава и — за дело. Сегодня в полдень прибыл и еще не присел. Много дел у нас...

Тетя принесла кипящий самовар, старенький, с вмятым боком. Выложила на стол четыре кукурузные лепешки, пять кусочков сахара. Откуда она взяла сахар — никто не знал. Только все удивились. Поручив мне разливать чай, тетя вышла из дома по каким-то своим делам. Сперва я подал пиалу с чаем Султану-бобо, затем Акмалу. Порядок я давно знаю.

Отпив несколько глотков чая, Султан-бобо сказал Акмалу:

— Не огорчайтесь, дорогой гость. Я ведь знаю уже обо всем, — он потер висок, видно, у него побаливала голова. — Что тут было, я слышал от Эшмата и, сказать правду, расстроился даже.

Акмал почему-то смутился.

— Расстраиваться-то особенно не из-за чего, — сказал он.

— Ладно, что было — былшем поросло, — решительно заявил Султан-бобо, а взглянув на дядю Пулата словно с упреком, продолжал: — Изаттуллабай, кажется, наруководил тут. Отсеялись поздно, всхожесть, я видел, неважная. Сейчас самое время поливать пшеницу, но никто и пальцем не пошевелил. Арыки не очищены. Спрашиваю: в чем дело? «Люди виноваты, ленятся», — отвечает Изатулла.

Султан-бобо сердито оглядел присутствующих, нахмурился еще больше, от переносицы поперек лба у него прорезалась глубокая морщина, а глаза по-прежнему были внимательными и незлыми.

— Разве людей понуканиями заставишь хорошо работать? Люди жаждут доброго слова. Боль у них...

— Верно,— подтвердил дядя Пулат.

— Люди у нас удивительные,— вставил слово Акмал.

Султан-бобо с недоумением глянул на солдата: откуда, мол, ему известно, какие у нас люди.

— Сегодня наш гость побывал на полях,— пояснил дядя Пулат.

— Очень хорошо.— Лицо Султана-бобо посветлело.— Полчаса назад мы в правлении совещались. Завтра все хоть немного пригодные к работе выйдут в поле. Так мы решили. Иначе нельзя. Надо немедленно очистить арыки от чали. Ничего не поделаешь, придется повозиться в воде. Иначе не сможем поливать. И к тебе есть просьба, Пулат-ака: выдели-ка подростков покрепче, вроде Сарвара и Агзама, на полевые работы. Без них совсем туго придется нам. Что скажешь на это, парторг?

— Надо помочь,— ответил дядя Пулат.

— Очень прошу. Никак не обойтись без ребят. Пусть помогают — такое время.

— Завтра утром решим, аксакал, не сомневайтесь.

— Очень хорошо Ну, будьте здоровы.

Председатель поднялся из-за стола. Акмал, глядя на дядю Пулата, приложил руку к груди и наклонил голову, и тот, улыбнувшись, сказал:

— Аксакал, гость просит дать и ему какое-нибудь дело, хочет и он помочь посильно.

— Отлично!— обрадовался председатель.— Вы человек образованный, дорогой гость, я попрошу вас устроить в перерыве читку газет.

— Это я могу,— согласился Акмал.— Но мне хотелось бы делать что-то еще...

— Не волнуйтесь, будет вам еще работа,— улыбнул-

ся председатель.— Если чувствуете себя в силах, возглавьте бригаду по очистке арыков.

— Вот как здорово вы встречаете дорогих гостей, дорогой председатель...— шутливо упрекнул Султанабобо дядя Пулат.

Все засмеялись.

— Уж вы, братишка-гость, не обижайтесь,— попросил председатель, перестав смеяться.— Сейчас не до торжественных встреч. А ваша помощь, пусть даже с пуговичку, будет для нас величиной с верблюда. Да и притом, когда находишься среди людей, вроде забываешь о своих болях. По себе знаю.

— Верно, председатель.

— Хоп, договорились. Теперь разрешите мне идти, сегодня нужно еще кое-где побывать.

Дядя Пулат и Акмал пошли провожать председателя, а мы с Агзамом остались в доме вдвоем.

— Теперь и мы выйдем на чали,— обрадовался Агзам.

— Раздолье!— воскликнул я.

Откровенно говоря, и учиться-то нам уже не очень хотелось — на дворе весна, и улица такая привлекательная... Мы с Агзамом стали толкать друг друга плечами — просто так, чтобы дать выход своему восторгу.

В дом вошли, покашливая, Акмал и дядя Пулат, и мы сейчас же перестали бороться, но дядя Пулат сказал:

— Ну и петухи! Не пора ли вам расходиться?

Я нетерпеливо посмотрел на Акмала — в руках у меня была тетрадка. Он меня понял, кивнул и вышел. Вслед за ним выскочил и я, выскочил торопливо, чтобы Агзам не привязался с расспросами. Мы остановились у калитки и Акмал вытащил из кармана сложенную вдвое ученическую тетрадь и протянул мне со словами:

— Перепиши, Сарвар, в свою тетрадь все, что тут написано. Латинские буквы хоть немного знаешь?

— Знаю.

— Прекрасно. Страницы, какие надо переписать, я загнул. Надеюсь, эта переписка урокам не помешает?

— Нет,— категорически заявил я.

— Прекрасно,— повторил он это слово и, как взрослому, пожал руку.— До свидания, Сарвар.

— До свидания,— попрощался и я и, как некое сокровище, сунул тетрадь за пазуху.

Вечером я уселся за сандал и начал перелистывать тетрадь Акмала. Страниц пять из нее были вырваны. Остальные исписаны вкривь и вкось — видимо, рука у солдата еще не окрепла. И все же, хотя и с трудом, но слова разобрать можно было. Четыре листа были загнуты. Их я и должен был переписать. Но читать я начал сначала.

Это были впечатления солдата о нашем кишлаке, о его людях, обо всем, что он увидел и передумал. Сквозь все эти записи проходила одна главная мысль: такой народ фашистам никогда не победить.

И еще — в каждой строчке чувствовалась тоска по своей семье, по детям.

Некоторое время я сидел тихо, задумавшись. Потом спохватился и быстренько переписал в новую тетрадь текст, написанный на загнутых листах. Потом увидел еще одну запись.

«14 апреля. Понравился мне пастух Супабек-ота. Замечательный старик. Мысли его мудры, полны смысла и простоты, подобно жизни».

Ночью я долго не мог заснуть, передо мной то поглаживал бородку Супабек, то улыбался Акмал, то шурился Хасан-очки, шурился хитро, с насмешкой, и мне очень хотелось разбить его очки.

Глава восьмая

Возвратившись из школы, я выпил молока и лег на кошму около сандала. Надо же немного отдохнуть... И настроение прекрасное — можно помечтать. Сегодня в наш класс вместе с учительницей вошел мой дядя Пулат и сказал, что на полях стало дел невпроворот, людей не хватает, поэтому необходимо послать на работу подростков покрепче и успевающих в учебе.

— Посоветовавшись с учителями, ребята,— продолжал дядя,— мы решили пока освободить от учебы и послать на работу таких учеников: Разика, Абдунаби, Сарвара, Агзама, Сагиндика и Рузи. К работе они должны приступить завтра.

Сказав это, дядя Пулат ушел, а в классе поднялся невообразимый шум.

— А почему меня не записали? Я же исправил двойку по математике!— громче всех кричал самый маленький ростом и худющий Ибрагим.

— Куда тебе,— махали руками ребята,— еще переломисься.

— Тише, ребята, тише!— успокаивала нас учительница.

Но мальчишки ее не слушали. Да и девчонки остались недовольными, сердито переговаривались:

— А мы что? Хуже ребят, что ли? Некоторые из нас лучше работать будут.

Все ребята, которых назвали, были очень довольны. И я тоже. Теперь я без всяких оговорок джигит, успевающий, примерный ученик. Да еще буду работать вместе с Агзамом под руководством солдата Акмала. Он уже сегодня, я слышал, возглавил бригаду по очистке арыков. Значит, работа уже началась. Не пойти ли мне туда?

Я вскочил, быстренько приготовил корм корове, почистил в стойле, подмел во дворе. Натаскал воды, заполнил все посудины. Затем, сунув за пазуху дневник Акмала, отправился к Агзаму.

Мы повстречались по дороге.

— Ты куда?— спросил я.

— На поле,— ответил Агзам.

— И я на поле.

И мы захохотали.

— Как ты думаешь, Агзам,— спросил я, перестав смеяться,— мы считаемся мобилизованными?

— Конечно. Мы солдаты трудового фронта!— воскрился Агзам.

— Пошли, возьмем кетмени,— предложил я.

— Побежали,— тут же согласился Агзам.

Мы сбегали ко мне домой, взяли два кетменя и направились в поле. Идем по тропинке. Небо сероватое, на нем столпились кучи облаков, и белесых и, темно-кудрявых. Дует легкий ветерок. Прохладно. Высоко-высоко распластала крылья какая-то могучая птица — не то орел, не то коршун. Как он может оттуда рассмотреть добычу?

— Слушай, Агзам,— говорю я,— как ты думаешь, есть в мире кишлак красивее нашего Каркарали?

— Нет,— сразу отвечает он.— Речка у нас во!— он показал большой палец.— Дыни у нас во!

— А люди тоже хорошие,— подхватил я.— Например, твой папа, мудрый старик Супабек-бобо, Эшмат-ака...

— Только Хасан-очки никуда не годится,— возразил Агзам.— Да и отец его совсем зазнался.

— Правильно,— согласился я,— но их совсем мало, хороших людей гораздо больше.

Мы задрали головы — над нами пролетела стая ди-

ких уток. И мне почему-то захотелось тоже полететь — бывает, нахлынет на меня какое-то странное желание и я от него никак не могу отделаться.

Спрашиваю я Агзама:

— Ты хотел бы быть птицей?

Он подумал и ответил:

— Только орлом.

— А воробьем?

— Фи! Чик-чирик, чик-чирик!..

Мы опять захохотали.

Уже на том берегу реки мы увидели стадо и старика Супабека, а за небольшим холмом показались работающие колхозники.

— Знаешь, Сарвар, — сказал Агзам, — мой папа тоже хочет после занятий в школе в поле прийти.

— А чего он будет делать одной рукой?

— И я об этом ему сказал. Но он говорит, что хоть кетмени точить будет.

Я забыл сказать, что у дяди Пулата одна рука давно была перебита и срослась неправильно, и ею он работать не может.

Разговаривая и смеясь, мы и не заметили, как пришли на место работы. Большинство тут были женщины и девушки, только поодаль группа джигитов, возглавляемая сыном Супабека Джумабеком, копала арык. Около них, воткнутое древком в земляной вал, полоскалось на ветру небольшое красное знамя. Это переходящее знамя, ребята завоевали его. Почти все они окончили семилетку в нашей школе, некоторые попытались учиться в городе, но вернулись — жить там было очень трудно — и все стали работать в колхозе. Их называли допризывниками или крылатыми потому, что они уже прошли двухмесячную военную подготовку. Среди них особенно выделялись Акбар и Джумабек. Акбар сла-

вился как непревзойденный остряк, его даже называли Акбаром-шайтаном. А его закадычный друг Джумабек был, напротив, молчаливый, физически сильный парень. Наверное, сам отец послал его на копку арыков.

Невдалеке, тихонько покашливая, прохаживался Акмал. Он с улыбкой посматривал на Таташа-джинни, опустившегося на колени и пьющего воду из глиняной посуды. Рядом с ним лежал кетмень, значит, и тот пришел работать. Вообще-то, физически он очень сильный, только недоразвитый умственно.

На травянистой полянке, где были разбросаны ложки и касы, на брюхе лежал верблюд. Через его спину были перекинута связанные два бидона. Около верблюда суетился Хасан-очки, что-то озабоченно искал.

— Эй, четырехглазый, чего потерял?— закричал Акбар.

— Камчу мою не видел?— сощурился Хасан-очки. От солнца его очки сверкнули.

— Ты протри очки,— посоветовал со смехом Акбар,— камча, возможно, в твоей руке.

Хасан-очки, не веря самому себе, устался на правую руку, в которой и была камча. Смущенно ощерившись, вскочил на верблюда, поднял его и уехал, сопровождаемый всеобщим смехом.

Работающие люди уже порядком устали, часто останавливались, вытирали пот со лба. Но все же то там, то здесь раздавались шутки и смех. Особенно переключались ребята и девчата.

Мы подошли к Акмалу. Он глянул на нас с удивлением, но прижал руку к груди для приветствия.

— Уже пришли? Ну что ж, добро пожаловать, ребята.

Не долго думая, мы направились к группе парней. Акбар, конечно, не преминул встретить нас насмешкой:

— Это вы куда, молодцы? Сразу под знамя? Вон куда вам надо шагать,— и он указал на группу девушек.

Но Агзам не захотел шутить, сказал:

— Ты, Акбар, побольше кетменем работай, а не языком.

— И-е! Еще только сын учителя, а уже учит!

Переговорить Акбара — надо котел гуджи съесть.

Мы работаем, стараемся, пот льет градом. Кетмени наши становятся все тяжелее и тяжелее. Мы с Агзамом часто останавливаемся передохнуть, но над нами никто не подшучивает. Конечно, если бы мы поели мяса с хлебом, было бы сил побольше, а от одного молока палваном не будешь. И все же мы работаем, арык увеличивается и увеличивается.

— Ассалям алейкум, бригадир!— услышал я и, подняв голову, увидел подъехавшего на коне бухгалтера.

— Здравствуйте!— сдержанно ответил Акмал.

— Как идут дела?

— Неплохо.

Иззатулла оглядел работающих, окинул взглядом выкопанные каналы и покачал головой.

— Вы, кажется, больше любезничаєте с ними, а надо приказывать. Иначе до осени не выроем этот арык.

Акмал хотел было что-то сказать, но, видимо, не посчитал необходимым ввязываться в перепалку здесь и только крепко сжал губы. А Иззатулла повернул коня и поехал вдоль арыка. Колхозники смотрели на него холодно, даже не поздоровались. Точно не заметили. Иззатулла остановил коня и спросил:

— Ну, каков ваш новый бригадир?

Вопрос был задан с насмешкой, все это почувствовали и по глазам было видно, что вот-вот вспыхнет скандал. Но, как всегда, вперед всех выскочил Акбар-шайтан.

— Каков бригадир, спрашиваете, Иззатулла-ота?— переспросил он, прикладывая руку к груди и слегка кланяясь.— Неужели вы не видите? Или вам тоже купить очки?..

Девчата и ребята захихикали.

— Смеешься?— покраснел от злости бухгалтер, но не заругался, а строго спросил:— Я спрашиваю, каков новый бригадир...

— Теперь понятно. Во!— показал большой палец Акбар.— Нам не нужны пшеничные лепешки, давай нам пшеничные речи...

— У тебя, парень, и прежде язык был длинный, а при новом бригадире стал еще длиннее.— Взбешенный Иззатулла повернулся к Акмалу и пообещал сквозь зубы:

— Я еще поговорю с вами после,— и повернул коня в сторону.

— Зачем откладывать? Сейчас очень горячий разговор может получиться!— крикнул вслед ему Акбар.

Колхозники опять засмеялись.

По блестящим глазам Акмала было видно, что он остался доволен этим резким разговором, но ни одним словом он не поддержал Акбара, не попрекнул его за невежливость. Вмешиваться в перепалку ему, понятно, нельзя было — человек он новый, взаимоотношений людей не знает.

Мы с Агзамом теперь старались работать равномерно, торопливость в таком деле не нужна — быстро изматывает. А пот пусть течет, остановить его невозможно.

В этот день мы только копали новый арык. После работы Акмал измерил длину и каждому записал его выработку в тетрадь. В это время с того берега реки показалось стадо и послышались окрики Супабека.

Акмал сел на ишака, а мы с Агзамом пошли рядом.

Разговаривать нам не хотелось, так мы устали. Позади нас шли парни, они перешучивались, особенно изощрялся неунывающий Акбар. И вдруг девушки, стойкой шедшие за нами, запели песню, не очень громко, но с охотой и весело.

— Ты очень устал?— спросил меня Агзам.

— Очень,— признался я.

— Может, вечером придешь ко мне? Отдохнешь немного и приходи.

— Ладно,— пообещал я.— Если мама отпустит.

Мама меня отпустила, когда я управился со всеми домашними делами, которые, по-моему, все переделать невозможно. Я прибежал к Агзаму вовремя. Дядя Пулат, Акмал и Эшмат сидели во дворике на деревянном помосте, а Агзам пристроился в сторонке и распустил уши. Рассказывал Эшмат.

— Я и не знаю, о чем рассказывать-то. Война есть война. Атаки да контратаки, как говорил мой командир взвода лейтенант Карасев. Так случилось и в тот день. Взяли мы одну высоту, а она оказалась очень важной. Гитлеровцы — в контратаку. А я же пулеметчик, лежу на фланге. Как начал косить, они вначале попадали, а потом побежали. Но не успокоились. Их артиллерия начала лупить. А в кого в первую очередь летят снаряды? В пулеметчиков. Напарник мой был сразу убит, а я лежу в окопчике, притаился. Снаряды, мины вокруг рвутся, осколки прямо-таки поют на разные голоса. О смерти поют. Ничего. А когда затихла артиллерия, пошла опять пехота. Ну, делать, нечего, поднялся я и опять давай косить, благо пулемет мой целехонек. Пять раз ходили гитлеровцы в контратаки и пять раз мы их отбивали. А тут темнеть начало. К ночи война утихать начинается. Пovýлезли мы из окопов воздухом подышать, ноги поразмять. И тут откуда ни возьмись мина, и под-

косила меня. Случайная. Вот так оно на войне иногда бывает...

— По-всякому бывает,— подтвердил Акмал.

— Вы лучше о себе расскажите, Акмал-ака,— попросил Эшмат.— Вы и рассказывать умеете получше меня. Да и артиллерия, как говорят, бог войны.

— Вообще-то, да, но у меня было орудие сорокапятимиллиметровое. Это вроде вашего пулемета.

— Не говорите так, Акмал-ака. Мы, пехотинцы, всегда чувствовали себя увереннее, если с нами катились ваши пушечки.

— Дядя Акмал, а подбивать вам танки приходилось?— спросил теперь я.

— Я же говорил: приходилось. На моем орудии было нарисовано три звездочки — это значило, что мой расчет подбил три танка противника. Но те танки были полегче, не «Тигры».

— Расскажите, как вы их подбивали.

— В следующий раз, ребятки. Сейчас уже пора на отдых. Ведь завтра надо трудиться во всю силу.

— Правильно, надо ложиться спать,— поддержал и дядя Пулат.

И мы разошлись.

Глава девятая

Эшмат-ака приболел, а нам надо было отправить дедушке молочные продукты — задолжали мы за материал, купленный маме на платье. Она обносила совсем. Но одного меня мама пускать не хотела и упросила бригадира, чтобы он отпустил со мной и Агзама. Ему тоже надо было кое-что отвезти дедушке для обмена.

Вечером я пригнал домой корову из стада и отправился к Агзаму, чтобы договориться. Ездить нам разрешили только полдня, поэтому встать следовало пораньше. Войдя во двор, я застал дядю Пулата и тетьку Манзуру у очага.

— Агзам дома?— спросил я.

— Дома, пишут с Акмалом-ака,— ответила тетька.

«Пишут? Неужели дневник переписывает и Агзам?— с обидой подумал я.— Ведь Акмал говорил, чтобы никто не знал о дневнике, кроме нас... Не может быть!»

Захожу в дом и вижу: Акмал действительно говорит что-то, а Агзам, то и дело шмыгая носом, пишет. Я остановился пораженный. Такого обмана я не ожидал.

— А, здравствуйте, мирзо Сарвар!— подняв голову, поприветствовал меня Акмал и, видя, что я стою растерянный у порога, догадался о моих мыслях, улыбнулся и пояснил:— Вот мы с муллой Агзамом пишем письмо в Семипалатинск, хочу начать поиски моих ребят.

Я облегченно вздохнул.

— Мы уже все написали,— похвалился Агзам, складывая листок треугольником.

— Дайте я напишу адрес,— попросил я.

— Пожалуйста, у тебя почерк хороший,— разрешил Акмал.

Агзам, вижу, поморщился, не понравилась ему моя просьба. Но все же я взял треугольничек и посмотрел на Акмала. Он продиктовал мне адрес горисполкома.

В это время в дом вошел секретарь правления колхоза, поздоровался и сказал:

— Акмал-ака, вас вызывает председатель.

— Меня?— удивился Акмал.

— Да, вас.

Когда секретарь ушел, Акмал засмеялся и сказал:

— Значит, стал я уже необходимым человеком. Хорошо.— И он торопливо направился к двери.

...Утром, еще затемно, мы с Агзамом на двух ишаках отправились в город. Мы ехали рядом и распевали песню:

До тебя далеко-далеко,
А до смерти четыре шага...

Небо было звездное, ветерок прохладный. Кругом тишина. Мы и не заметили, как доехали до города, и ввалились во двор к дедушке. Передав продукты, мы привязали ишаков к дереву и отправились на улицу. Прежде всего мы бросили в почтовый ящик письмо Акмала, купили в киоске несколько газет и пошли на базар — нам было интересно поглядеть на разные товары. Чего тут только не было! Приняв нас за покупателей, продавцы окружили нас.

— Возьмите брюки-галифе! Совсем новенькие.

— Солдатские сапоги. Наилучшие!

— Немецкий кинжал не надо ли? Во как сверкает!

— Продаю фонарь. Берите, отдам совсем дешево.

Шум, гвалт, выкрики нас прямо-таки оглушили. Ловкач-джигит набросил на плечи Агзама черный пиджак и закричал неистово:

— Бери, парень, совсем дешево! Если нет денег, тащи масло, пшеницу. Обменяем!

Мы кое-как пробились сквозь эту толпу и медленно пошли вдоль полотна железной дороги. Я молчал, говорить не хотелось. Молчал и Агзам, смотрел в землю. Невдалеке мы увидели ребяташек, собирающих недогоревший уголь, выброшенный из топок паровозов или рассыпанный при перевозке. Неожиданно ребята закричали: «Эшелон идет, эшелон!» и побежали поближе к линии. Мы тоже остановились, подождали поезда. Он

приближался к станции, пыхтя и оповещая о своем приходе пронзительным гудком. Когда с нами поравнялись вагоны, мы увидели раненых солдат с перевязанными руками и ногами, с забинтованными головами. А один, положив рядом с собой костыли, играл на гармошке известную всем песню о Катюше.

Возвращались мы к дедушке печальные. Ведь у меня был на фронте папа, а у Агзама старший брат. Может, и они уже едут в таком же поезде...

Бабушка нас накормила хорошо: дала по лепешке, сладкого мучного варенья и сушеного урюка. Мы стали собираться в обратный путь. Дедушка сказал бабушке:

— Положи-ка, старая, тот ситец в хурджун. Расплатился я за него.— Затем, почесав затылок, вспомнил что-то и спросил меня:— Сарварджан, сколько у вашего Иззатуллы коров?

— Две,— ответил я.

— Почему же его сын через день на базар приезжает, сливки привозит, будто у него десять коров?

— Не знаю, дедушка.

— Да... Не мешало бы узнать...

Мы с Агзамом сели на своих ишачков и поехали. Был полдень, солнце палило вовсю, но ишачки наши бежали весело, они знали, что скоро будут дома. Переехав через реку, мы уже повернули к Каркарали, когда увидели конного. Это оказался Хасан-очки. Под ним был иноходец — рыжий, гладкий, стройный. Хасан-очки проехал мимо нас легким аллюром, подбоченясь, явно красуясь перед нами, мальчишками.

— Куда путь держишь?— крикнул Агзам.— Поздно ведь.

— В город,— коротко бросил Хасан-очки и ускакал.

Я невольно вспомнил слова дедушки. У нас тоже есть корова, отсылаем мы молочные продукты в город

один раз в полмесяца. Хасан-очки, наверное, забирает у других, ведь и конь собственный, хороший.

— Ох, и хочется мне разбить очки Хасану!— вздохнув, сказал серьезно Агзам.

— Его папаша тогда жигтя не даст,— предупредил я друга.

— Поэтому я и не разбиваю,— засмеялся Агзам и пришпорил своего ишачка.

Вскоре мы подъехали к полю, где работали наши ребята во главе с Акмалом.

— Не уставать вам!— приветствовал Агзам повзрослому.

— Э, добро пожаловать, йигитчалар,— ответил Акмал улыбаясь.— Уже съездили? Молодцы. Немного осталось копать, сегодня этот арык закончим. Давайте включайтесь в работу.

Мы соскочили с ишачков, спутали их, пустили пастись, отдали бригадиру купленные в городе газеты и взялись за кетмени.

— Хвала вам! Вот такими расторопными должны быть все парни,— горячо одобрил наши действия бригадир и присел на «бруствер». Это слово я вычитал в газетах. И мне показалось, что мы тоже роем траншеи, как солдаты на фронте, и тоже ведем бой с противником. Я сказал об этом Агзаму, он со мной согласился и, кажется, мы принялись за работу еще усерднее. Кто бы знал, как нам хотелось, чтобы скорее пришла победа!

— Дядя Акмал, а на фронте траншеи такие же?— для большей достоверности спросил я.

— Такие, только рюк их поглубже, чтобы можно было ходить во весь рост и головы не торчали,— ответил Акмал и снял шапку, вытер пот со лба.

Только тут я заметил, что он пострижен наголо.

— Дядя Акмал, а где же ваши волосы?

— Пришел парикмахер и остриг. Говорит, после волосы будут расти гораздо лучше.

— Да вы, домля, все равно не отделались бы от него,— смеясь сказал Акбар-шайтан, поплеывая на ладони, чтобы крепче держать ручку кетменя.— Ведь наш парикмахер получает трудодни по поголовью стриженных...

— И-е! Вот оно что...— поразился Акмал, а мы захотали.

Но работа не приостанавливалась. Вдруг Акбар поставил кетмень, вылез из арыка, подошел к звеньевому ребят Джумабеку и, приложив правую руку к шапке, отрапортовал:

— Товарищ командир, наш взвод в отважном броске захватил намеченный пункт и окопался. Потерь почти нет. Только...— тут он повернулся назад. В арыке, вытянувшись, лежал парень по имени Джалил. Указав на него рукой, Акбар с трагическим надрывом воскликнул:— Только один боец пал смертью храбрых!

Мы все даже приостановились и разинули рты.

— Типун тебе на язык!— Пал...— закричал сердито Джалил. Он быстро вскочил и схватился за кетмень.

— Разрешите, товарищ командир, открыть западный фронт,— теперь попросил разрешения Акбар, кивнув в сторону девушек.

— Разрешаю,— сурово насупил брови Джумабек.

— Взвод, смирно!— неистово заорал Акбар.— Кетмени на плечо! Марш на участок девушек!

Но тут громко крикнул нам Акмал:

— Товарищи, товарищи! Идите сюда на минутку. Все.— Он держал в руках газету и восторженно смотрел на нас.

Мы все подошли.

— Вот,— Акмал высоко поднял газету,— здесь написано:

Фашистское зверье удирает в центр своего логова. Теперь на Берлин!

— Ура!— закричал Джумабек, а мы подхватили. Я кричал, наверно, громче всех, и мне от радости хотелось заплакать. Тут же в голову мне пришла мысль: война кончится и вернется мой папа.

— Теперь идите и за дело,— сказал Акмал.

Шумно переговариваясь, мы все встали на участок девушек, и работа закипела, как никогда. Я видел, все очень старались. И откуда только брались у нас силы! Но до конца уже работали молча, лишь шумно дышали.

К заходу солнца мы закончили рыть и на участке девушек. Вылезали из арыка, отряхивались некоторое время тоже молча. Надо было отдышаться.

— Спасибо братья и сестры!— взволнованно сказал нам Акмал. Разволновались и мы. А он продолжал:— Свое слово перед правлением колхоза мы сдержали. Надеюсь, вы не очень устали?

На выручку, как всегда, пришел Акбар.

— Зачем нам уставать, домля? Старик Супабек говорит, что у крепкого народа и сыны богатыри.

— Верно, парень. Идите отдыхать. Завтра приступим к вырубке чали. Потребуется много сил...

И мы отправились в кишлак. По дороге Акмал незаметно отдал мне записную книжку.

За ужином я передал маме все, что велел дедушка, а потом сел за сандал, будто повторять прошлые задания учителей, а сам вынул записную книжку Акмала. И начал переписывать.

«16-е апреля. Вчера вечером меня впервые вызвали в правление колхоза. В кабинете председателя сидели шесть мужчин и две женщины. Был и Иззатулла. Наши

взгляды встретились. Да, это было не объяснение в любви. А вот аксакал, наш председатель, поистине настоящий человек. Он хвалил меня, перехвалил даже. Говорил, что люди меня начали уважать, качество работы хорошее, план выполняется. Похвалил и за чтение газет во время перерывов. Эти политинформации, особенно сейчас, вдохновляют людей. Успехи нашей армии — это успехи всего народа. Потом сказал, что на очистке арыков от чали руководство работами тоже будет доверено мне. И тут я разволновался, закашлялся, а аксакал сам подал мне воды в пиале и сказал:

— Вы, домля, еще очень больны, но сами понимаете, время не ждет. Да я надеюсь, в поле все же вам полезнее быть. Только, пожалуйста, не застуживайтесь.

Я поблагодарил его, пообещал сделать все, что в моих силах. И тут я счел необходимым сказать, что дважды Хасан привозил вместо кислого молока айрац. После такой пищи много не наработаешь. Иззатулла, казалось, готов был съесть меня, покраснел от злости и закричал:

— Это клевета! Новый человек уже свои порядки устанавливает...

— Не горячитесь,— сказал председатель.— Мы это проверим на молочной ферме. А вычищать чали по колесу в воде — очень трудная работа. Один раз будем готовить вашей бригаде горячую пищу,— пообещал аксакал.

Решение это очень правильное, я так обрадовался, что вышел из правления, кажется, почти здоровым!»

Глава десятая

Мы трудимся на очистке головного арыка от чали. Чали — это такая бледно-зеленая трава с ворсистым

стеблем. Она растет очень быстро, к осени образует целые заросли. Если арыки не очистить весной, то она так разрастется, что совсем закроет путь воде и до кишлака вода едва доползет небольшим ручейком.

Хотя канал на время работы был перекрыт, все равно в глубоких местах воды было много, да и в тину мы часто проваливались по самый пояс. Это не очень приятно, особенно по утрам, когда холодно. А когда солнце поднимется в зенит, тоже не слаще, ноги в холодной жиже, а спину и голову словно насквозь пронизывают жгучие лучи. За день мы успеваем продвинуться вперед метров на триста — триста пятьдесят. Это немало, если учесть, что почти на каждом метре приходится поднимать и выбрасывать на берег тяжелую кипу водорослей, а нас, работающих здесь, всего двенадцать подростков. С нами нет сейчас нашего силача Джумабека. Сегодня он женится. Супабек-бобо все-таки настоял на своем. «Война кончается,— говорит он,— а пока сына заберут служить в армию, у меня уже будет внук». Говорит и смеется.

Мы все приглашены на свадьбу. После работы отправимся. А пока мы стараемся побольше очистить чалы. Пусть на фронте будет победа, и у нас тоже.

Председатель колхоза сдержал свое слово — на обед нам теперь Акмал готовит горячую пищу. Сегодня даже гуджа с мясом. Это ведь у нас редкость, и мы работаем куда веселее, чем всегда. Да и на свадьбе мы надеемся хорошо покушать. Такой прекрасный день.

Изредка в ямках, залитых водой, попадаются небольшие рыбешки, к вечеру мы набираем их ведро или полтора, в конце работы делим ее между собой и несем домой. Вот только молоко, которым мы подкрепляемся в полдень, по-прежнему очень плохое, водянистое, без-

вкусное. Если спросишь, почему оно такое, Хасан-очки, который привозит молоко в бидонах, лишь плечами пожимает или же огрызается. Мы спросили об этом у заведующего молочной фермой Иса-бобо, но он обиделся на нас, заверил, что посылает молоко цельное. Если угодно, пусть ребята проверят. Но мы и так деду верим. А Хасан-очки вызывал подозрение.

— Он добавляет в молоко воды,— утверждал Агзам.

— Но ведь между фермой и Бельярыком даже поблизости нет воды,— возразил насмешливо Акбар.— Он запасается ею с вечера?

В это время к нам подошел Акмал. Но мы продолжали спорить. Только перешли на свой язык, одним нам понятный.

— Ронмуст садуза?— предложил Акбар.

— Кимка разомоб?— спросил Агзам.

Акмал недоуменно взглянул на Акбара, затем перевел взгляд на Агзама. Он, конечно, ничего не понял. А секрет нашего языка был небольшой: первый слог каждого слова переносился в конец. В данном случае Акбар предложил: «Устроим засаду?», Агзам же спросил: «Каким образом?» Без некоторого навыка наш «язык» мог расшифровать не каждый, и мы, не обращая внимания на нашего руководителя, продолжали по-своему договариваться:

— Спрячемся на дороге вчетвером.

— Подходит.

— Когда начнем?

— Через час.

Акмал, все больше изумляясь, спросил:

— Эй, мальчики, что это за язык? И о чем вы говорите?

Акбар хитро улыбнулся.

— Мы разговариваем на языке несовершеннолетне-

го народа кишлака Каркаралн. Мы советуемся, не сходить ли нам через час на рыбалку. Конечно, с вашего разрешения.

— Чудаки вы,— сказал Акмал.— Что же тут особенного? Можно договориться без секретов, на нормальном языке.

Агзам прыснул, и я посмотрел на него строго — еще чего доброго, возьмет да выдаст нас.

Мы обсудили детали предстоящей «операции» по всем правилам оперативного искусства.

Прошел час. Мы вылезли из арыка, отряхнулись. Другие ребята продолжали работать. Акмал, увидев, что мы собираемся, крикнул:

— Пошли за рыбой?

— Да,— ответил Акбар и обратился к остающимся паренькам:— Вы, молодцы, нас не подводите, работайте на совесть.

И мы двинулись.

— Только вы недолго ходите,— закричал нам вдогонку Акмал.— Скоро ведь молоко прибудет.

— Мы знаем, не задержимся,— помахал рукой Акбар и засмеялся.

Зайдя за бугор, мы побежали. От Бельарыка до молочной фермы три километра — расстояние немалое. По одну сторону проселочной дороги растет полынь, даже запах вокруг горьковатый, много и верблюжьей колючки. По другую же сторону сплошные заросли тамариска — высокого, ветвистого, густо усеянного в эту пору бисеринками мелких розовых цветочков. В этих зарослях кустарника мог скрыться не только человек, но и всадник на коне. Мы вошли в заросли и притаились недалеко друг от друга. Солнце палит нещадно, духота здесь невыносимая, листочки тамариска не шелохнутся, но мы терпим. Задача боевая, на фронте ведь и не то

приходится претерпевать. Вытираем пот рукавами. Посыпаем. Молчим.

Вокруг горячая тишина. Лишь изредка, словно жалясь на жару, тихонько и монотонно прострекочет кузнечик или высоко над нами, в голубой дымке, промелькнет и звонко пропоет жаворонок. Сидим не шелохнемся, обливаемся потом, вдыхаем табачный запах тамариска. Нестерпимо чешутся лицо и шея от прилипающих шершаво-колючих цветочков. Но мы терпим.

Наконец вдали мелькнул силуэт всадника. Мы приподнялись, чтобы лучше разглядеть. Но он свернул к кишлаку. Еще несколько минут мучений. Над кустарниками показалась шапка. Похоже, этот всадник сидит высоко, значит, едет на верблюде. Вгляделись и замалыхали друг на друга руками — мол, тише, он появился, Хасан-очки.

Шапка приближалась. Мы замерли. Шапка почему-то болталась из стороны в сторону. И только когда Хасан-очки подъехал совсем близко, мы поняли, почему он так сильно качается. Парень нещадно хлестал верблюда плеткой, и бедное животное несло вонючую, а бидоны, подвешенные в переметные сумы, били животное по бокам.

Внезапно всадник пропал с глаз, он заехал в заросли и теперь найти его было трудно. Вдруг Акбар остановился и указал рукой на небо, где над кустарником в одном месте с криком закружились птицы. Опять по знаку Акбара мы перебежали на другую сторону дороги и, стараясь не особенно высовываться из высоких кустов полыни, понеслись вдоль дороги. А вот и следы верблюжьих ног. Теперь мы поползли. И вскоре увидели прогалину, недалеко полянку, а на ней лежащего на брюхе верблюда. В нескольких метрах от него, у вы-

сокого куста, что-то делал Хасан-очки. Повозившись несколько минут, он вылез из кустов, забрался на спину верблюда. Издав короткий рев, верблюд приподнялся. Хасан-очки выехал на дорогу, огляделся и, стегнув животное плеткой, быстро скрылся за поворотом.

Мы стремительно вскочили и кинулись к поляне, но на ней ничего не было, только трава вся была примята, видимо, верблюд здесь ложился на брюхо. Не сговариваясь, мы принялись шарить по кустам. Через минуту Агзам победоносно вскрикнул и вынес из кустов что-то завернутое в мешок. Развернули. В мешке оказалась большая кастрюля. Он поднял крышку и мы от удивления разинули рты: кастрюля до краев была наполнена сливками. Теперь нам все стало ясно! Мошенник не напрасно стегал своего верблюда, нагруженного бидонами с молоком — он таким образом сбивал сливки. А потом увозил их в город!

— Пошли!— приказал Акбар.— Мы должны накрыть его сейчас.

К нашему стану мы намеренно подошли с другой стороны, на всякий случай оставив кастрюлю, завернутую в мешок, неподалеку в траве. Хасан-очки прибыл почти одновременно с нами, видно, остальную часть пути он проделывал уже не спеша.

По обыкновению в час дня мы выпивали по кружке молока, привезенного Хасаном-очки, и снова принимались за работу до горячего обеда, который бывал поздневато. Ребята начали подходить с чашками. Хасан-очки первому налил молока Агзаму. Парень глянул в чашку и удивленно поднял брови:

— Опять синее, как небо. Лучше бы ты, Хасан-очки, привозил айран, чем такое жидкое молоко.

Акбар заглянул в бидон и спросил:

— Наши коровы дают такое молоко?

Хасан-очки молча смотрел в сторону.

— Отвечай же!— закричал Акбар, подскакивая к парню со сжатыми кулаками.

— А я откуда знаю?— Хасан-очки нагло глянул на Акбара.

— Значит, не знаешь?

Акбар так воинственно наступал, что Хасан-очки растерянно оглянулся, но все-таки процедил:

— Не знаю.

— Давай, Агзам!— подал команду Акбар, махнув рукой в ту сторону, откуда мы пришли.

Агзам только и ждал этого сигнала, он побежал, вытащил из травы мешок и приподнял его.

— Ого, рыбина-то огромная, наверное, попалась,— воскликнул радостно Акмал.— Можем еще и уху сварить.

— Рыбина та еще!— ответил Агзам, подтаскивая мешок к Акбару.

— Сом, должно быть?

— А если щука? Не пойдет?

— Тоже неплохо. Показывайте!

— Минуточку. Смотрите фокус-мокус,— Акбар развернул мешок и вытащил кастрюлю. Поднял крышку.— Прощу. Чем не фокус?!

Все вытаращили глаза, уставились на кастрюлю, словно действительно произошло какое-то чудо. Потом, догадываясь уже в чем дело, ребята молча перевели взгляды на Хасана-очки. А Акбар помахал над кастрюлей рукой и еще более угрожающе спросил:

— Не знаешь?!

Хасан, побледнев, хотел было сделать шаг назад, но отступать было некуда, там лежал верблюд. Акбар размахнулся.

— Гадина!

Очки Хасана отлетели в сторону. Акбар размахнулся было второй раз, но Акмал схватил его за руку.

— Стой! Разобраться надо.

— Мы уже разобрались.

Акбар коротко рассказал, где мы взяли кастрюлю со сливками, каким образом выследили жулика. Все ребята снова с ненавистью уставились на Хасана, и только присутствие Акмала удерживало их от расправы. Агзам все-таки не выдержал, выплеснул молоко из чашки в морду Хасана и закричал:

— На, пей сам, подлец!

Хасан-очки отшатнулся, ища платок, зашарил руками по карманам, но, видимо, платка не было. Ребята с брезгливостью смотрели на его лицо, облитое молоком. Акмал тоже долго с ненавистью смотрел на жулика. Наконец сурово спросил:

— Вы ведь грамотный, молодой человек. Так скажите нам, что это такое?— и он показал на кучу чали.

— Чали,— растерянно проговорил Хасан-очки.

— Для чего мы вытаскиваем ее из арыка?

— Чтобы текла быстрее вода...

— Чтобы не преграждала путь воде?

Хасан-очки кивнул.

— А теперь скажите, как назвать того человека, который мешает убирать с пути воды эту чали? Который хочет, чтобы засохли деревья, посеы в трудное военное время?

Бледность мгновенно покрыла лицо Хасана, мне показалось даже, что он закачался.

— Чем отличается такой человек от чали?— добавил Акмал, дрожа и бледнея сам. Я впервые видел его в гневе.— С каких пор и от кого вы научились мошенничеству?!

— От папаши!— вставил насмешливо Акбар.

Акмал, немного успокоившись, повернулся к ребятам:

— Ну, что мы будем делать с этим негодяем?

— Доверять молоко ему нельзя, — сказал Агзам. — Пусть поработает на чали вместе с нами.

— Да он не выдержит, хлюпик, — определил Акбар.

— Заставим, — упрямо повторил Агзам.

Остальные ребята молчали, видно, не знали, какое предложить наказание — слишком большая была обида. Отнять пищу у своих товарищей — что может быть поганее?!

Все ребята как по команде посмотрели на Акмала. И он сурово и твердо произнес:

— Нет! Может быть, он и выдержит, но ему нельзя доверять не только молоко, но и любое наше дело. Победу кует честный народ. А такие всего только чали...

— Точно! — поддержал Агзам.

— Окончательное решение вынесет правление колхоза.

Хасан-очки с мольбой оглядел всех ребят по очереди, но все от него отвернулись. Тогда он медленно нагнулся и зашарил пальцами по земле, ища свои очки. Агзам ногой пододвинул их к нему.

— На!

Дрожащими руками нацепив очки, Хасан направился было к верблюду, но Акмал остановил его.

— Вы, молодой человек, оставьте верблюда в покое. На нем отвезут молоко тем, кто работает на клевере. И запомните: это не месть, а справедливое решение...

Хасан-очки медленно направился в сторону дороги, а отойдя немного, обернулся и что-то проворчал. Мы не расслышали. А когда он исчез за кустарником, Акбар, глядевший ему вслед, проговорил сердито:

— Будет теперь знать, как обжуливать людей.
Но настроение у всех было испорчено, разговаривать не хотелось, и до обеда мы работали не разгибаясь.

Глава одиннадцатая

Юрта Супабек-бобо стоит на берегу реки, в километре от кишлака, на травянистом приволье.

Земля в Каркаралы странная, через каждую сажень свои особенности, свои качества. Выроешь колодец под ногами — вода пресная, а выроешь чуть подальше — горько-соленая. Старцы говорят, что там, где растет пахучий кустарник Гармала, вода внизу пресная, это растение солончак не любит. На месте, выбранном для юрты Супабек-бобо, растет и кустарник, и высокая зеленая трава.

Мы, ребята, на свадьбу прискакали на ишачках. Места тут раздольные, поэтому приезжающие, спутав ноги ишачкам, пускают их пастись. Вокруг юрты необыкновенно чисто. На очаге в огромном казане что-то булькает, вкусно пахнет мясом.

По одну сторону юрты постланы войлоки, на них сидят гости, на особо почетном месте полулежат седобородые старики в казахских шапках. Пришел Акмал, Эшмат повел его в ту сторону, откуда раздавались звуки домбры.

Начало смеркаться. И среди общего говора выделился голос Супабек-бобо:

— Уважаемый аксакал, прошу на почетное место.

— Поздравляю вас, Супаке! — сказал Султан-бобо и пересел на самое почетное место.

— Дорогой аксакал, не было бы свадьбы, не увидели бы здесь мы вас... — пошутил Супабек-бобо.

Председатель ответил тоже шуткой:

— Ну, с моим приходом, я думаю, ваш скот не разжиреет.

— Зато у нас настроение станет лучше.

— Спасибо, спасибо,— Султан-бобо приложил руки к груди.— Разве вас переспоришь. На соревнованиях по островам вы всегда первый...

— Вы тоже не всякому уступите... Разрешите теперь мне идти, аксакал. Есть дела.

Хозяин ушел, а Султан-бобо обернулся к сидящему неподалеку Акмалу и спросил:

— Не уставать вам, дорогой бригадир! Как идут ваши дела?

— Не во всем гладко, но в общем неплохо...— Акмал примолк, задумался, потом вдруг спросил, высказав, видимо, давно мучившую его мысль:— Аксакал, а нельзя ли эту чали вытаскивать из арыка обыкновенной бороной?

— Каким образом?— заинтересовался председатель.

— На поле ведь лошади таскают бороны, там лошадей запрягают, как в арбу...

— Потом борону в арык, так?— оживился председатель.— А получится ли?

— Надо попробовать. Попытка — не пытка.

— Завтра же в вашем распоряжении будет пара коней с упряжкой,— пообещал Султан-бобо.— Сам приеду посмотрю.

Кто-то потянул меня за локоть. Я обернулся и увидел подсевшего ко мне Агзама.

— Ты где пропадал?— спрашиваю.

— Пойдем,— не отвечая на мой вопрос, пригласил он.— Сейчас невеста прибудет.

Мы уже знали, что Джумабек все же добился своего, сосватал Сарагуль, ту девушку с острым язычком.

А может, она уговорила своего отца? Пообещала, наверное, убежать, если он не согласится. По-моему, лучше было бы, если она убежала с Джумабеком. Интереснее.

Мы с Агзамом медленно направились к юрте. Вокруг уже стало совсем темно. Освещения никакого не было, кроме огня в очагах.

Свадьбы у нас бывают интересные. Однажды я видел, как провожали невесту из дома. Мне очень понравилась свадебная песня «Ёр-ёр», поют ее парни и девушки. Вот некоторые куплеты этой песни:

Парни

Ты не плачь, что оставляешь отца в доме,
Отец твоего мужа, будь он хорош, заменит его.

Девушки

Теперь есть у меня тесть, он казах,
Но будет ли он ласков, как мой милый отец?

Эта песня длинная. Девушки состязаются с парнями. А невеста почему-то в это время плачет. Себя, что ли, жалеет? Ну, а потом находится сердобольная тетушка, которая, поглаживая девушку, успокоительно поет:

Не плачь, красавица, не плачь,
Не лей слезы кипучие.
Если бы ты родилась мужчиной,
Не была бы такой участь твоя.
Не лей слезы кипучие,
Не хотели бы выдать тебя,
Да судьба твоя такова!..

После этого жених усаживает невесту на лошадь — и был таков.

Так же, наверное, было и на этот раз. Джумабек

привез свою невесту на лошади, его сопровождали парни и девушки тоже на лошадях. Подъехали они к юрте. Их немедленно окружили гости. С ними был и улыбающийся Акмал. Джумабек лихо соскочил с коня и ловко снял невесту.

— Ну-ка, ну-ка, посмотрим-ка на невестушку!— закричал кто-то.

Но тут на середину выскочил лукавый джигит с усиками и, поведя вокруг рукой, громко провозгласил:

— Погляденье без подарочка? Не получится!

— Так спой же сам песню-погляденье!— посоветовал все тот же человек.

Джигит только этого и ждал, подхватил поданную ему домбру и залился соловьем:

Эй, теща, поди сюда,
Слушай меня внимательно.
Если подаришь верблюда,
То дари хорошего,
Да накрой его ковром.
Если табун коней подаришь,
Каждый конь пусть с верблюда.
Корову дари породистую,
И чтоб легко доилась.
И ярочек дари плодовитых,
Чтоб по два ягненка приносили...

— Ладно, ладно,— замахала обеими руками свекровь, улыбаясь.— Но ты открой лицо девушки, дай же взглянуть на мою милую невестушку...

Джигит с усиками чуть-чуть приоткрывает лицо девушки и советует очень серьезно:

— Взгляни-ка, невестушка, на свекровь свою. Нос у нее — шишка, лицо толстое, как у льва... Поклонись ей, не бойся!

Гости дружно захохотали. Жена Супабека-бобо вы-

глядела еще совсем молодой, женщина она была миловидная, улыбчивая. Посмотрела она на парня, покачала головой.

— Ух, и язычок у тебя!— Потом церемонно поклонилась невесте и ласково сказала:— Хвала тебе, милая невестушка, живи у нас долго-долго!

Невесту увели в юрту, и оттуда скоро донесся улан¹.

Джумабек же направился к нам, к подросткам. На голове его был загнутый по краям колпак, одет он был в праздничный, как положено жениху, костюм, на ногах блестели сапоги. В таком одеянии никто из нас его никогда не видел. Он всегда одевался как сын раздольных степей — просто и неприхотливо, — и мне казалось, что в наряде он чувствует себя стесненно. Мне даже немного было его жалко. Он поглядывал на нас, друзей своих, смущенно, а мы над ним не шутим — еще бы, для него ведь начинается новая, семейная жизнь. Мы, собственно, прощались с ним, в нашей компании теперь ему не быть.

Говор и смех смолкли, гости слушали музыку. И вдруг я увидел, что в глазах людей — печаль. Лица еще были веселые, а в глазах каждого видна была затаенная боль, — видно, всколыхнул дутар то, что было в душе у каждого — мысли о близких, которые там, на фронте. Играл Акмал. Рядом с ним сидел Султан-бобо и, прикрыв глаза, застыл в каком-то напряжении. Я подтолкнул Агзема и прошептал:

— Дутар давеча я принес. Султан-бобо велел.

— А откуда он узнал, что Акмал-ака играет на дутаре?— удивился Агзам.

— Наверно, Эшмат сказал.

Музыка, ночь, люди, застывшие в разных позах,—

¹ Улан — песня.

все это мне показалось фантастическим. Особенно странной была картина, когда от очагов вдруг усиливался свет, видимо, подкидывали дрова, и на людей падали красные блики, вокруг темнота сгущалась, окружала нас плотной непроницаемой стеной.

И вот дутар затих. Раздалась дробь барабана.

Опять послышались шутки, то там, то здесь раздавался смех. Пошутили, посмеялись, поели, пожелали счастья Джумабеку и разошлись. Мы пошли веселой гурьбой: Акмал, Агзам, я и несколько девушек. Я нес дутар. Акмал-ака играть отказывался, шутил, он был немножко навеселе.

Агзам ушел с девушками, а мы с Акмалом остановились около калитки. Я пригласил его в дом, но он отказался.

— Ты, Сарварджан, иди, отдыхай. Завтра рано вставать, и работа тяжелая, — посоветовал Акмал. — Агзам вернется скоро, и мы отправимся отдыхать.

Я занес в дом дутар, но подумал, что неприлично оставлять человека одного и вышел на улицу. Смотрю: Акмал-ака стоит, согнувшись у забора и прижимает руку к голове.

— Что с вами, дядя Акмал? — крикнул я, подбегая.

— Ничего... Есть у тебя платок?

— Вот возьмите. Но что с вами?

— Сейчас, сейчас...

Акмал прижал платок к голове и он тут же потемнел. Кровь! Я перепугался. А тут подошел и Агзам.

— Что случилось? — заволновался и он.

— Кто-то бросил камень, наверное... — ответил Акмал.

Поддерживая под руки, мы с Агзамом ввели Акмала в дом. При свете лампы мы увидели большую рану у

виска. Дядя Пулат и тетя Манзура быстро наложили на рану прижженный войлок. Кровь остановилась.

Кто же этот подлец?

Глава двенадцатая

В эту ночь я долго не мог уснуть, все думал — кто же посмел ударить камнем Акмала-ака, кому он досадил? Вначале я подумал на Таташа-джинни, парень очень обиделся, когда в кибитке поселили Акмала. Но, поразмыслив, отказался от этого предположения — Таташ сразу бы привел в исполнение свою месть, он уже давно забыл о том событии. Следующим на подозрении был, конечно, Хасан-очки. У этого были все основания расквитаться за разоблачение, да и по характеру он был мстительный. И предположение мое вскоре получило подтверждение.

Выгоняя утром корову в стадо, около калитки я наступил на что-то хрупкое, под погой у меня раздался легкий треск. Я взглянул и ахнул: очки! Кто у нас в кишлаке носит очки? Один Хасан. Как они очутились у нашей калитки да еще в пыли? Разумеется, я поднял их и положил в карман. Значит, Хасан-очки бросил ночью в Акмала камень и, убегая, споткнулся и упал, очки его отлетели в сторону и в темноте он их не нашел. На земле отчетливо видны были следы колен и мягких сапог — ичигов, которые тоже носили очень многие.

Отгнав корову в стадо, я уже направился было к дяде Пулату, но он сам появился на улице — куда-то направился спозаранку. Поздоровавшись, я рассказал ему о находке.

— Где эти очки? — спросил он.

— Вот.

— Дай-ка их мне. Пошли.

Мы подошли к нашей калитке. Дядя тщательно оглядел все следы, оставленные хулиганом. Капли крови тоже хорошо были видны у забора, у которого ночью стоял Акмал. Нашли мы и половинку кирпича, которым был нанесен удар.

— Ладно, иди поешь и на работу,— сказал дядя Пулат, заворачивая очки в платок.— Пока об этом не рассказывай никому. Понял?

— Хорошо.

Дядя отправился по своим делам, а я позавтракал и, взяв серп, пошел на работу.

С утра Акмал на работу не явился, а Султан-бобо, сдержав свое обещание, прислал двух коней и две небольших бороны. Посовещались мы и решили попробовать сами. Этот способ очистки оказался очень хорошим. Само по себе чали растеньице очень нежное, легко рвется, борона своими зубьями вырывает его почти целиком с корнем. Конечно, через определенное расстояние траву приходится вытаскивать, вот тут ребята и помогали. И еще мы косили траву по краям арыков.

Акмал пришел после полудня с забинтованной головой. Нашей работой он остался чрезвычайно доволен. Мы продвигались теперь очень быстро. И тут приехал на верблюде немного припоздавший Таташ — председатель поручил ему возить молоко. Показывая на бидоны, он со смешком говорил: «Хо-о-о, катык, катык, хо-хо...» Таташ, видимо, хотел пошутить, говорил, что в бидонах кислое молоко. Но на свете, наверное, нет животного грубее верблюда: может быть, поняв возгласы седока по-своему, верблюд внезапно опустился передними ногами на колени, и Таташ, не ожидавший этого, кубарем покатился на землю. К нему подскочил Акбар и поднял.

А Таташ нисколько не смутился, хотя лицо его было в пыли, поблескивая глазами, он радостно повторял: «Хо-о-о, катык, катык, хо-о-о...» Мы так и покатывались со смеху. Акбар даже не улыбался, защищал парня, грозно кричал на нас.

— Ну, чего расхохотались!

По примеру Акмала, мы теперь стали называть нашего снабженца «мулла Таташ», и он же нам посоветовал разговаривать с парнем по-человечески, нормально. И ребята, то ли последовали этому совету, то ли все же в шутку, начали разговаривать с Таташем вежливо, может быть, даже чуть серьезнее, чем следовало.

— Мулла Таташ, как она, жизнь?— спрашивал кто-нибудь.

— Садись с нами, отдохни, мулла Таташ,— предлагал другой.

— Ты лучше Хасана-очки, мулла Таташ,— утверждал третий.

Но во всяком случае, молоко, привозимое Таташем-джинни, всегда было свежее и не снятое.

Однажды, допивая с шутками свое молоко, привезенное муллой Таташем, мы увидели на дороге двух всадников. Вскоре они свернули в нашу сторону. Одного из всадников мы сразу узнали по посадке на лошади: он ехал чуть пригнувшись и покачиваясь устало. Это был Султан-бобо, наш председатель. А другого всадника мы не знали.

— Не уставать вам, джигиты!— произнес традиционное приветствие работающим людям Султан-бобо, натягивая поводья коня.— Ну как, работа спорится?

— Здравствуйте, джигиты!— поздоровался другой всадник. Одет он был в офицерскую гимнастерку и брю-

ки с тонкими кантами, но без погонов. На голове военная фуражка без звезды.

— Здравствуйте!— поприветствовали и мы.

К нашему удивлению, Акмал подошел ко второму всаднику, пожал ему руку и тепло поздоровался:

— Здравствуйте, Закирджан-ака!

— Как ваши дела, Акмал-ака? Кажется, неплохо?— поинтересовался незнакомец.

— Дела хороши,— ответил Акмал.— Уже работаю, насколько хватает сил, конечно.

— Говорил я вам, что поправитесь, так и вышло. Выглядите вы хорошо. Воздух здесь чистый, живительный. Уже привыкли к местным условиям?

— Как не привыкнуть. Люди здесь прекрасные.

— Замечательно! Захотелось навестить каркаралинцев, и вас тоже. Вот я и приехал с аксакалом.

— Да будет счастливым ваш приезд.

— Спасибо. Ну, мы еще встретимся, домля, поговорим,— приезжий глянул на Султана-бобо.— Отправились дальше, аксакал?

— Поехали.

И только тут я вспомнил. Это же Закирджан Ахмедов, районный прокурор. Зачем он приехал? Узнать, кто бросал камень в Акмала? Но такими делами у нас занимался участковый уполномоченный Тулкун Дияров. Зачем же он приехал.

После отъезда председателя и прокурора засобирались и Таташ, надо было отвезти молока работающим колхозникам на клевере и на окучке хлопчатника.

— Мулла Таташ, возвращайтесь к нам,— сказал Акмал нашему снабженцу.— Я приготовлю гуджу и угощу вас.

— Хо-о-о, приду, приду,— улыбаясь, пообещал Таташ.

Начало вечереть, и мы отправились в кишлак.

По обыкновению я пригнал корову из стада, умыл братишку и сестренку, помог маме еще кое в чем, и мы сели ужинать. Тимур хвастался, что он залез на дерево и поймал майского жука. Я ему не поверил, но за него заступилась Халима, и они вдвоем мне доказали, что на самом деле поймали майского жука.

После ужина я взял учебники и тетради, вроде бы решил повторить уроки. Мама в таких случаях очень радуется, запрещает малышам шуметь, хочет она, чтобы я выучился на агронома. Иногда я на самом деле что-нибудь прочитываю или решаю задачку, чтобы не забыть пройденное. Я нашел последнюю запись Акмала-ака. Всего одна строчка:

«23 апреля. Сегодня видел во сне сына — Фархад...»

Дверь скрипнула, я прервал чтение и обернулся. В дом вошел запыхавшийся Агзам. Увидев маму, он подошел ко мне и потихоньку сказал на нашем языке:

— Дивый!

— Чемза?— спросил я.

— Лоде.

Мы вышли во двор.

— Что за срочное дело?— первым заговорил я, видя, что Агзам очень волнуется. Он два раза огляделся кругом, нет ли, мол, кого поблизости, пододвинулся ко мне и опять тихо проговорил:

— Знаешь, Сарвар... Акмала-ака, оказывается, будут судить и, может быть, посадят...

Я даже онемел. На него нападают и его же судить?! Невероятно! Я схватил Агзама за руки и закричал:

— Кто это говорит? Кто болтает?

— Сейчас видел я Хасана-очки. Он ехидно заулыбал-

ся и сказал, что прокурор приехал, чтобы Акмала послать к черту на кулички.

— Подлец!

— А когда я пришел домой, папу вызвали в правление, секретарь сказал: там ждет его прокурор. Я сорвался и сюда. Что теперь будем делать?

— Не знаю.

А что мы могли предпринять? Думали мы думали и, ничего не решив, понутив головы, отправились по домам. Хотел было я сказать об этом маме, потом засомневался — зачем ее-то еще расстраивать?

Я лег в постель и долго лежал с открытыми глазами, бессмысленно смотрел в темноту. Одного мне хотелось: скорее вырасти, чтобы защищать честных людей и ставить на место всех подлецов.

Все, что сообщил мне Агзам, оказалось правдой. Утром рано Султан-бобо собрал колхозников в правлении, явились и мы, подростки. Мы тоже работали и имели определенный вес в решении колхозных дел. Так я думал, когда нас приглашали. За столом сидели Султан-бобо, Иззатулла, Ахмедов и еще два члена правления. Тут же был и дядя Пулат. Люди молчали, недоуменно поглядывали друг на друга, всем хотелось знать: в чем дело, что произошло? Супабек-бобо не выгонял еще стадо, сидел он в уголке, о чем-то размышлял, забрав в кулак свою клинышом бородку. Рядом с ним дремал Джумабек. Мы, мальчишки, работающие на чаля, сели возле Акмала. Он, кажется, и не волновался, спокойно осматривал прибывающих людей. В дальнем углу щурился без очков Хасан-очки. Голову он держал гордо.

Колхозники, ясно, больше всего посматривали на Ахмедова, — уполномоченные-то из района приезжали нередко, но ведь на этот раз пожаловал прокурор... А он сидел за столом, устало опустив голову, курил. Мало

кто знал, что его мучили маленькие осколки от мины, застрявшие в его теле. Следы фронта. Голова у него часто, как он говорил, разламывалась на куски. Он сделал несколько глубоких затяжек, потом с силой вдавил окурок в пепельницу и повернулся к Султану-бобо.

— Все, наверное, уже явились, аксакал?

— Пожалуй, все,— ответил председатель.

— Начнем тогда,— сказал Ахмедов и поднялся. Взял из папки, лежащей перед ним, листок бумаги и обратился к колхозникам:— Товарищи! Я понимаю: вы удивлены и встревожены — к вам явился прокурор, и председатель собрал вас срочно да еще так рано, утром. Но я хочу вас сразу предупредить: приехал я не как прокурор, а как прикрепленный представитель райкома партии. А за то, что собрали вас так рано, прошу извинить — уж очень много дел, трудно везде поспеть.

Колхозники недоуменно переглядывались. Объяснения не успокаивали и не рассеивали настороженности.

— Из вашего кишлака в райком пришло письмо,— приступил к делу Ахмедов.— И такого же содержания заявление в суд. И письмо, и заявление касаются недавно прибывшего в ваш кишлак Акмала Даниярова. В них описывается его деятельность в кишлаке.

— Какая деятельность?— спросил кто-то из колхозников, сидящих в задних рядах.

— А кто написал?— поднял голову Супабек-бобо.

Султан-бобо постучал карандашом по столу, попросил выслушать представителя до конца, потом задавать вопросы.

— Потерпите немного, товарищи,— продолжал Ахмедов, подняв над головой листки.— Сперва я расскажу вам коротко их содержание. Будто бы судимый в

прошлом Данияров, собрав вокруг себя группу молодежи, старается сбить их с правильного пути...

— Неправда!— закричали мы, и громче всех Акбар.

— Товарищи, вас же просили выслушать до конца. Если кто захочет что-либо сказать, получит слово и скажет.— Ахмедов заглянул в листок.— Хош. Далее написано следующее: парторг колхоза Пулат Кудратов, хотя и видел чуждую нам деятельность, взял Даниярова под свое покровительство. Кроме того, судимый в прошлом за воровство, никому не известный человек поставлен на ответственное, имеющее жизненное значение для колхоза дело — рытье арыков и очистку их от чали, то есть на восстановление ирригационной системы, от которой зависит урожай полей. И председатель колхоза, видя это, тоже не принимает никаких мер. А Данияров распоясался, вместо чистки арыков читает подросткам какие-то книги. Словом, в этом суть письма и заявления. Автор просит разобраться и принять необходимые меры, пресечь безобразия.

— Кто написал?— опять спросил Супабек-бобо.

— Письма и заявление написал ваш бухгалтер Иззатулла Суюнов.

Колхозники молча обернулись к бухгалтеру. Воцарилась напряженная тишина. Я вспомнил, как Иззатулла сказал как-то Акмалу: «Ладно, мы еще поговорим после», и понял, что он имел в виду сегодняшнее собрание. Хотя колхозники и ничего не говорили, по их глазам можно было понять, о чем они думают. И Иззатулла правильно оценил эти суровые взгляды, лицо его вытянулось, глаза беспокойно забегали, он искал поддержки, но не находил и все больше терялся.

— Теперь прошу высказываться,— предложил Ахмедов.

— Вымысел!— крикнул Акбар.

— Клевета!— добавил Агзам.

Поднялся шум. Ахмедов поднял руку.

— Стойте, товарищи! Так не годится. Надо говорить по одному. Кто, товарищи, хочет высказаться?

— Я!— поднял руку Супабек. На собраниях он у нас выступал часто и толково, поэтому все посмотрели на него с интересом.

— Пожалуйста, отец.

— Пожалуйста или не пожалуйста, а я все равно скажу, милоч. Я хочу кое-что спросить вот у этого верблюда...

— Спрашивайте, отец,— поощрил Ахмедов с улыбкой,— но только прошу без грубых слов.

— Прости, милоч, мы люди степные, слово верблюд еще не самое грубое, хотя это животное и плюется. Но скажите мне на милость: могут ли быть грубее и лживее слова, чем написал вот этот верблюд?

Раздался смех. А Супабек-бобо продолжал как ни в чем не бывало:

— Скажи-ка мне, уважаемый бухгалтер, это письмо на самом деле написал ты?

— Я написал. А что?— огрызнулся Иззатулла.

— Что плохого сделал тебе этот человек? Что он твое порушил, чем оскорбил?

— Если бы он навредил только мне, если бы порушил только мое, я бы не написал в райком.

Бухгалтер уже оправился от неловкости и решил сам наступать. Однако последними словами он задел всех колхозников, получилось якобы он пожертвовал своими интересами, защищая дела общие, колхозное хозяйство, молодых колхозников. Я, мальчишка, и то понял, что под маской борьбы за общее дело он сводит какие-то свои счета. Теперь уже ни Ахмедову, ни Султану-бобо не надо было упрашивать людей высказы-

ваться, они сами вставали и говорили все, что думали.

— С тех пор, как в колхоз прибыл Акмал, он никому не причинил никакого вреда, наоборот, пользу приносит, хотя и больной. Бухгалтер цифрами хорошо владеет, а с людьми жить не научился.

— А теперь я скажу,— встал Акбар.— Наш бухгалтер говорит, что нас сбили. Куда сбили? В ту сторону, что мы, ребята, хорошо работаем? Акмал-ака предложил убирать чали бороной. Работа ускорилась. Это тоже вредно? Акмал-ака читает нам газеты. Это тоже вредно? Сам он вредный, наш бухгалтер, и еще его четырехглазый...

— Эй, ты, выбирай выражения,— закричал Иззатулла, краснея.— За эти слова ты ответишь!

— Я за свои слова отвечу, я их говорю продуманно. А вы за свои измышления будете отвечать? Вред приносит тот, кто ставит палки в колеса, мешает коллективному труду, тот, кто вот этим ребятам, работающим по колено в воде, привозил снятое начисто молоко, а сливки продавал на базаре. Это ваш сын-мошенник! А ну, скажите, товарищи, как надо назвать того, кто, подкравшись сзади, бьет кирпичом человека, в данном случае нашего бригадира?

— Это еще не известно, кто ударил, может, ты?— сощурился Иззатулла.

— Ваш любимый сыночек...

— Ложь!

Но тут поднялся дядя Пулат.

— погоди, Акбар. Слушай, Хасан, а где твои очки?— спросил он спокойно.

— Дома мои очки,— ответил Хасан, глядя на свои руки.

— Ты бы сбегал, принес их,— попросил Ахмедов.

Хасан-очки нехотя встал. Все колхозники повернулись в его сторону. Ахмедов опять попросил:

— Иди же, принеси...

Опустив голову, Хасан-очки уже дошел до порога, когда дядя Пулат громко, чтобы слышали все, сказал:

— Ничего он не принесет. Вот его очки. Они валялись там, где он ударил кирпичом Акмала. Мы их нашли сегодня утром.

Хасан-очки побледнел еще больше и прислонился к стенке около двери. Колени его дрожали.

Вокруг стоял шум, но когда встал из-за стола Султан-бобо, колхозники друг на друга зашикали и стихли.

— Разрешите, друзья, и мне сказать несколько слов. Судя по письму нашего бухгалтера, и парторг, и председатель виновны в том, что пригрели израненного фронтовика. О том, за что он был судим и какое должно быть сейчас отношение к этому делу, скажет Закирджан-ака. Как говорит закон, так и будет. Речь сейчас идет о том, что в письме бухгалтера нет правды. Акмал-домля обрел авторитет своим трудом, добрыми словами, хотя и больной он человек. В этом его вина? А не в том, что ты, Иззатулла, оскорбляешь людей бесстыдными словами? Акмал-ака, сидя в гостях, думает о работе, предлагает ускорить очистку арыков. В этом его вина? Или в том, что ваш избалованный сынок, подкравшись сзади, ударил его? Вы обвиняете парторга в том, что он вытащил из холодной кибитки раненого фронтовика, куда, кстати, вы его сунули. Так? Где вы нашли такой закон? И чей он? Мы поручили вам ответственное дело — подсчитывать финансы, следить за правильным расходованием народных денег. А вы принялись за какие дела? Мне секретарь рассказывал, как вы послали фронтовику пять килограммов зерна, а требовали расписку за мешок. Говорят, если к

плохому человеку прилетит счастье, то он почувствует его только тогда, когда это счастье улетит. Вот из такого рода людей и вы. Товарищи, по-моему, уже ясно, что перед судом должен отвечать наш бухгалтер и его сын, а не Акмал-ака.

Председатель сел, вытер платком лицо и озабоченно посмотрел на прокурора. А Ахмедов молча оглядывал присутствующих. Выступать больше никто не хотел, видимо, Султан-бобо высказал все, что думали по этому поводу люди. Выждав еще немного, Ахмедов спросил:

— Может быть, вы, Иззатулла Суюнов, что-нибудь еще добавите к написанному?

Речь председателя, видимо, ударила Иззатуллу сильно, он с трудом поднялся, исподлобья глянул на президиум и целую минуту собирался с мыслями. Пожевав, он сказал не особенно внятно:

— Надо быть бдительными...

Все засмеялись. А кто-то съязвил:

— И хорошее принимать за плохое!..

Снова поднялся шум.

— Хватит, все понятно.

— Время дорого.

— Аксакал верно сказал: судить его самого!

Это единодушное осуждение, наконец, сломило Иззатуллу, он посмотрел в одну сторону, в другую и умоляюще проговорил:

— Простите, товарищи...

Но успокоить возмущенных колхозников теперь уже было трудно.

— А где ты был раньше?

— Высоко вознесся.

— Когда змея попадает в мешок, она, сказывают, называет человека «родной мой».

— Будьте же справедливы...— еще попросил Иззатулла и с мольбой посмотрел на Ахмедова.

— Сам несправедлив, а от других ждешь справедливости?!— сказал дядя Пулат.

Теперь поднялся из-за стола Ахмедов. Все с нетерпением ждали, что скажет он. Ведь кто может знать законы лучше прокурора? Поэтому колхозники сразу прекратили перешептывание, наострили уши.

— Товарищи, я уже говорил, что приехал к вам не в качестве прокурора, а как представитель райкома партии,— повторил Ахмедов.— И все же я скажу, что работники райкома хорошо сделали, что послали к вам именно меня. Перед отъездом я намеренно просмотрел судебное дело Акмала Даниярова. Скажу вам прямо: Данияров пострадал из-за клеветы, а следователь в этом не разобрался, судья же оказался не совсем компетентным человеком и с малым опытом. Вы удивлены — ведь такое говорит сам прокурор? Но я уверен: каждый человек должен говорить правду, какую бы должность он ни занимал. А тем более должны искать истину мы, юристы. Теперь о другом. Представьте себе на минуту, что по этому письму снова бы посадили Даниярова в тюрьму... Кому от этого была бы польза? Колхозу, конечно, был бы только вред — он лишился бы необходимого работника. А Суюнову? Ему бы польза была, и вот в чем дело. Известно ли вам, что в тот раз среди тех, кто оклеветал и посадил в тюрьму товарища Даниярова, был и Иззатулла Суюнов — бухгалтер той школы, где директором был Данияров?!

Мы так и ахнули. Гул возмущения прокатился по помещению, люди с негодованием оглядывали бухгалтера и его сына, открыто ругали его. Теперь было ясно, почему Иззатулла ненавидел Акмала. Мы, ребята, даже

повскакивали с мест, нам очень хотелось просто надавать по морде этим подлецам. Но Ахмедов поднял руку, прося тишины, и все притихли.

— Разрешите мне, товарищи, закончить. То, что Хасан творил, известно всем, и вы сами должны решить, как его наказать. Я надеюсь, что сегодняшнее собрание отбило у Иззатуллы Суюнова охоту клеветать. Презрение односельчан должно ему послужить жестоким уроком. Больше мы вас, товарищи, не задерживаем, пора горячая, надо работать. Члены правления пусть останутся еще на несколько минут, надо решить неотложные хозяйственные дела.

Мы вышли из правления, когда солнце только выглянуло из-за горизонта, а мне показалось, что мы сидели на собрании несколько дней...

В этот день мы работали с особым усердием. Словно какая-то тяжесть свалилась с сердца, все прояснилось, встало на свое место. Акмал выглядел счастливым, часто улыбался.

Следующая новость до нас донеслась часа через полтора. На заседании правления Иззатулла Суюнов был отстранен от должности бухгалтера и дело о клевете решено передать в суд.

В середине дня мы по обыкновению сидели на берегу арыка, пили молоко и смеялись, слушая беседу Акбара с Таташем. Акбар говорил, есть планета, где все девушки такие же красивые, как жена Джумабека. Таташ умильно покачивал головой, но на планету лететь не соглашался.

Мы увидели Эшмата-ака, ехавшего на арбе из города, когда он уже был от нас метрах в пятидесяти. Вместе с Эшматом с арбы соскочил худенький мальчик, одетый по-городскому, с узелком в руке. Они направи-

лись в нашу сторону. И тут поднялся Акмал. В глазах его были слезы, а лицо сияло.

— Фархад, сын мой!.. Родной!— закричал он, спеша навстречу мальчику.

ЭПИЛОГ

С тех пор двадцать раз поспели дыни. Много событий произошло за это время, все не расскажешь, но кое-что сообщить надо. Вскоре к Даниярову приехала дочь — Машхура, и осенью все жители Каркарали провожали его с сыном и дочерью в город на прежнюю работу. А через три года он вызвал меня и Агзама в Ташкент и помог найти свое призвание.

Потом я женился на Машхуре, и мой сын Эркин внук Акмала Даниярова, моего тестя. Сам он давно защитил диссертацию на звание кандидата филологических наук. Работает научным сотрудником в Академии наук, написал несколько научных книг, принимает участие в создании учебников. Когда мой старенький дядя Пулат по привычке говорит: «Скажите своим академикам!..», он имеет ввиду прежде всего моего тестя.

Джумабек отца своего похоронил уже давно и сам продолжает его дело — пасет скот. Ему нравится ухаживать за животными. Иззатулла умер через год после того памятного собрания, видно, замучила все-таки бухгалтерская совесть. Я часто думаю, с какой целью он делал людям гадости, и до сих пор не могу понять. Наверное, он и сам не знал. А сынок его, Хасан-очки после наказания присмирел, работает в кишлаке; встречаясь со мной, он отводит глаза до сих пор.

Жив и Таташ, он отрастил усы. Стал бригадиром Акбар, за хорошие урожаи хлопка награжден орденом,

он такой же шутник и балгур — на язык ему лучше не попадаться...

Каждый раз, когда я навещаю тестя, на столе его я вижу тот дневник, что писали мы когда-то вместе. Иногда я перечитываю отдельные страницы, и мне кажется, что я перелистываю страницы жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

Домбра старого Суюма	5
В родном Каркарэли	143

Насыр Фазылов

ДОМБРА СТАРОГО СУЮМА

Повести

Перевод с узбекского С. Волгина

Издательство «Ёш гвардия», 1960 г., 1965 г.

Редактор В. Александров

Художник В. Будаев

Худож. редактор К. Назаров

Техн. редактор Л. Шишикина

Корректор З. Наджатова

Сдано в набор 8/II-73 г. Подписано в печать 11/IV-1973 г. Формат 70×108¹/₃₂. Печ. л. 8,0. Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 10,86. Тираж 45000. Договор № 5-73. Бум. № 1. Цена 45 к.

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана
«Ёш гвардия». Ташкент, ул. Навои, 30.

Типография издательства

ЦК КП Узбекистана.

Ташкент, ул. «Правды Востока», 26

Заказ № 1859